

Некоторые вопросы и некоторые ответы к экзамену по стилистике

1. Классификация стилистических дисциплин
2. Предмет стилистики. Понятийный аппарат. Цели и задачи стилистики.
3. Единица стилистической системы.
4. Стилистический смысл «норма» и его значение для стилистической системы.
5. Формальные показатели стилистического значения.
6. Типы стилистической информации. Соотношение в языке коннотативного и денотативного каналов информации.

1. Классификация стилистических дисциплин.

Стилистика является завершающей дисциплиной в комплексе лингвистических наук, посвященных изучению системы языка и языковой деятельности. Различают теоретическую, описательную и сопоставительную стилистику. Теоретическая стилистика занимается общими вопросами строения стилистической системы и понятием стиля, описательная стилистика ставит целью описание стилистической системы одного языка, а сопоставительная стилистика — сравнение стилистических систем разных языков. Описательная и сопоставительная стилистика используют научный аппарат теоретической стилистики. Стилистика русского языка есть описательная стилистика.

Описательная стилистика делится на стилистику языка и стилистику текста. Стилистика языка и стилистика текста могут рассматриваться как в синхронном, так и в диахроническом плане. Стилистика современного русского языка есть синхроническая описательная стилистика.

Современный русский язык существует на протяжении двух веков — «от Пушкина до наших дней». За этот период язык оставался тождественным самому себе и вместе с тем непрерывно изменялся. Изменялась и его стилистическая система. Поэтому описательная стилистика современного русского языка есть также и историческая стилистика.

2. Предмет стилистики. Понятийный аппарат. Цели и задачи стилистики.

В научной литературе отсутствует общепринятое определение предмета стилистики языка. Наиболее пронизательное определение принад-

лежит Г. О. Винокуру, который писал: «... в отличие от прочих лингвистических дисциплин стилистика обладает тем свойством, что она изучает язык по всему разрезу его структуры сразу, т.е. и звуки, и формы, и знаки, и их части. Таким образом, никакого «собственного предмета» у неё как будто не оказывается. Действительно, стилистика изучает тот же самый материал, который по частям изучается в других отделах истории языка, но зато с особой точки зрения. Эта особая точка зрения и создает для стилистики в чужом материале её собственный предмет»

«Особая точка зрения» — это стилистическое значение, присущее языковым единицам. Таким образом, предмет стилистики языка — строение стилистической системы языка, план содержания которой формируется стилистическими значениями и стилистическими смыслами, а план выражения — единицами разных языковых уровней, являющимися носителями стилистических значений.

В современной лингвистике под текстом в широком смысле понимается любое связное сообщение — как устное, так и письменное. Поэтому вместо термина «стилистика речи» чаще используется термин «стилистика текста». Предмет стилистики текста — стилистическая система языка в действии и стилистическая организация текстов как продуктов языковой деятельности. Стиль текста может быть определен как общеязыковой и как индивидуально-авторский. В ведении стилистики текста находится исследование и описание общеязыковых и индивидуально-авторских стилей.

Понятийный аппарат стилистики не является однородным. Понятие стиля известно со времен античности. Основные понятия научной стилистики разработаны в XX веке. Стилистика характеризуется многообразием подходов и точек зрения. Г. О. Винокур назвал стилистику самой филологической из всех лингвистических дисциплин. Стилистика активно взаимодействует со всеми науками гуманитарного цикла, воздействуя на них и испытывая их воздействие.

Изучение стилистики имеет теоретические и практические цели. По определению Ю. Скрёбнева, владение стилистической системой языка есть «высшая форма языковой компетенции». Её обязан иметь филолог — носитель и хранитель языка как национального культурного достояния.

3. Единица стилистической системы.

Стилистическая система языка — «понятие вполне своеобразное». Оно своеобразно настолько, что некоторые ученые вообще отказывают стилистическим средствам языка в системности, предпочитая пользоваться такими номенклатурными терминами, как «перечень» или «инвентарь» выразительных языковых средств. Действительно, стилистическая система языка весьма отличается от того, что принято называть фонологи-

ческой или синтаксической системой. Но она удовлетворяет самому общему определению системы: «Устройство, структура, представляющая собой единство закономерно расположенных и функционирующих частей».

Первейшая задача научной стилистики как раз и состоит в том, чтобы как можно глубже проникнуть в устройство стилистической системы языка и дать описание, позволяющее объяснить механизмы языкового сознания. Следует сразу же подчеркнуть, что такое описание неотрывно от понятия языкового употребления и понятия стиля. «То, что здесь названо употреблением, представляет собой совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения. Так создаются понятия разных стилей языка — языка правильного и неправильного, торжественного и делового, официального и фамильярного, поэтического и обиходного и т. п. Все такого рода «языки» представляют собой не что иное, как разные манеры пользоваться языком», — писал Г. О. Винокур. Современный исследователь М. Л. Гаспаров подчеркивает, что в языковой памяти словоформа хранится не как единица абстрактной системы, а «укорененно в сфере употребления, в составе множества хранимых памятью выражений». Опора на языковой опыт — собственный опыт и опыт языкового социума — позволяет говорящему передавать и улавливать тончайшие стилистические различия.

Рассмотрим основные характеристики языковой системы. Единицей стилистической системы является стилистический знак, и первая характеристика стилистической системы формулируется очень просто: все единицы языковой системы являются стилистическими знаками.

Простота формулировки не должна отвлекать от её содержательной насыщенности. Основатель научной лингвистики Шарль Балли в свое время отнес к ведению стилистики только два вида информации: социальную и эмоциональную окраску. «Стилистика изучает экспрессивные факты с точки зрения их аффективного содержания, т.е. выражение чувств с помощью языка и воздействие языка на чувство», — писал Шарль Балли. Тем самым Балли дал основание считать, что «предметно-логическое содержание речи» и его вербальное представление находится вне стилистической системы и не участвует в формировании стиля. Г. О. Винокур по существу поддержал этот взгляд, отметив, что «для стилистики... не все звуки, формы и знаки являются её предметом, а лишь такие, которые, обладая особой стилистической окраской, противопоставлены звукам, формам и знакам с иной стилистической окраской».

Однако совершенно очевидно, что для стиля как способа речевого действия нормативный язык во всем его семантическом богатстве представ-

ляет наибольшие возможности. В толковом словаре МАС-2 стилистическими пометами наделены чуть более 20 процентов слов. Искусными стилистами мы называем прежде всего таких писателей, как Тургенев или С. Довлатов. Поэтому можно присоединиться к С. А. Долинину, который пишет, что на вопрос: какие единицы обладают стилистическим значением, «можно ответить очень коротко: все. Стилистику нельзя связывать только с лексикой; ...стилистическое значение может иметь единица любого уровня языка — слово, устойчивое словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция, произносительный вариант фонемы, интонационный рисунок фразы, — при условии, что есть хотя бы ещё одна форма (означающее), способная выразить то же значение (означаемое)».

К сказанному добавим: стиль высказывания и текста создается взаимодействием различных стилистических значений, выраженных на разных языковых уровнях.

4. Стилистический смысл «норма» и его значение для стилистической системы.

В дальнейшем мы будем производить различие между стилистическим значением и стилистическим смыслом. Стилистическое значение обычно конкретно, оно указывает, например, на такие постоянные признаки субъекта, как возраст, профессия, социальная принадлежность, образовательный ценз, ср. Петя купил клевый шарф (возраст), Всю жись учусь заочно (образовательный ценз), Надо этот вопрос ставить на театре (Булгаков) — профессия, Премногоуважаемый Петр Вонифатьевич, в первых строках моего письма целую я вас заочно несчетно раз в сладкие ваши уста (Чехов) — социальная принадлежность (мещанство). Стилистический смысл — это обобщение конкретных стилистических значений. Так, в приведенных примерах четыре стилистических значения и два стилистических смысла: разговорность и просторечность. Стилистический смысл как бы фильтрует стилистические значения и возводит их на тот уровень обобщения, который позволяет оценить вклад конкретных стилистических значений в стилевую структуру текста. Стилистические смыслы формируют стилистическую шкалу, которая является структурообразующим стержнем стилистической системы. «Точкой отсчета» в стилистической шкале выступает стилистический смысл «норма», к которому мы теперь и можем возвратиться.

Стилистический смысл «норма» находится в центре стилистической системы. В центре стилистической системы находится стилистический смысл «норма». Как уже было отмечено, в словаре основная часть слов лишена стилистических помет. Вот они-то — если говорить о лексике — и наделены стилистическим смыслом «норма». И эта же стилистической

системы находится нормативность присуща большинству стилистических знаков остальных уровней языковой системы. Так доказывается центральность этого стилистического смысла. Некоторые исследователи предпочитают говорить о нулевом стилистическом значении. Но существенно отметить позитивное содержание данного стилистического смысла. Стилистические смыслы можно рассматривать как точки зрения, закрепленные в системе языка. Они задают способы видения мира в данном языковом социуме. И вот здесь значение стилистического смысла «норма» трудно переоценить. Стилистический смысл «норма» не передает дополнительных сведений о субъекте речи и тем самым, что называется, делает членов языкового социума равными в отношении к языку. Стилистический смысл «норма» вербализует действительность в самом широком объеме и отражает объективную и нормативную картину мира, принятую данным социумом. Стилистические знаки с этим смыслом могут употребляться в любых стилистических контекстах, во всех видах языковой деятельности. Язык нормы — семантически богатый язык. Именно здесь представлены такие явления, как многозначность (ср., например, слово корень: это и «подземная часть растения», и «внутренняя часть волоса, зуба, ногтя», и «начало, источник чего-либо», например корень зла), идеографическая синонимия (ср. гениальный, выдающийся, знаменитый, замечательный, маститый, известный ученый), антонимия (добро—зло, свое—чужое, бедность—богатство, ум—глупость). Идеографический словарь языка строится на нормативном лексиконе. Лишь в некоторых случаях, например, когда речь идет о научной терминологии, профессиональной специализации, мы наблюдаем большую дифференциацию картины мира в стилистически маркированных знаках по сравнению с нормативными (ср. например, у донских рыбаков кияк — «молодой лещ», кабарожник — «мелкий сазан» и под) Язык нормы является коммуникативно успешным в разных социальных стратах. В языке нормы воплощаются представления коллективного языкового сознания об эстетике языка. На языке нормы формулируются концепты концепты обыденного, научного и художественного сознания (например ЖИЗНЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ, ЯЗЫК — МЕХАНИЗМ, ТЕКСТ — ТКАНЬ, ЛЮБОВЬ — ОГОНЬ). Интертекстуальные связи, составляющие основу бытования во времени и в пространстве разных видов языковой деятельности, также базируются на нормативном языке. Индивидуально-авторские семантические приращения, столь часто наблюдаемые в поэтическом языке, также по большей части связаны с нормативными номинациями (ср. ласточка у Мандельштама или гора у Цветаевой). Стилистический смысл «норма» присутствует в качестве доминирующего в большей части текстов, и даже в тех случаях, когда текст привлекает внимание прежде всего своим стилистическим многоцветьем (как например, у Лескова), стили-

стический смысл «норма» является обязательным.

Итак, без нормы нет стилистической системы. Норма выступает основанием для сравнения и сопоставления других точек зрения, воплощенных в стилистических смыслах. Но без нормы нет и стиля.

Самое широкое определение стиля, предложенное французским стилистом П. Гиро, звучит так: «Стиль есть специфический способ действия». Первым из необходимых условий для возникновения стиля является возможность выбора. «Стиль возникает там и только там, где какая-то деятельность, направленная на достижение определенной цели, может осуществляться разными путями, и субъект деятельности может и должен выбрать один из них».

Вторым же необходимым условием является наличие общепринятого способа исполнения данной деятельности, то есть наличие нормы. Норма как выработанные данной культурой правила, пусть часто неписанные, регулирует стилиобразование во всех сферах человеческой деятельности, в которых есть место стилю. С точки зрения семиотики стиль есть «значимый выбор в рамках каких-то общепринятых норм».

5. Формальные показатели стилистического значения.

Стилистические значения являются коннотативными значениями. Коннотативное значение — это вторичное значение, означающее которого само представляет какой-либо знак.

Данная характеристика является ключом для проникновения в устройство и функционирование стилистической системы. Прежде всего надо пояснить, что значит вторичное значение. Какой бы язык и какой бы синхронный срез языка мы не рассматривали, мы не найдем в нем таких языковых единиц, чьим единственным функциональным назначением было бы выражение только стилистических значений. Здесь получает отражение тот факт, что стиль не мыслим без человека, социума и культуры, и в стилистических значениях фиксируются значимые характеристики человека и разных использований языка. Они-то и прикрепляются к языковой единице в качестве своеобразной метки — окраски. Сказанное относится и к незнаковым единицам — фонемам и дифференциальным признакам фонем, и к разным типам словесных знаков — словам, морфемам, и к так называемым дискурсивным речевым знакам — высказываниям. Подтвердим данное положение двумя примерами.

А. К явлениям фонетической стилистики относят мену фонем и, в частности, чередование (о) — (е) после мягкого согласного перед твердым: рёв — ре́в, слёз — слез, при этом варианты с (е) создают, как пишет М. В. Панов, высокую стилистическую окраску текста.

Эти варианты присутствуют у Карамзина, Жуковского и Батюшкова, они сокращаются, но не исчезают у Пушкина (Г. О. Винокур пишет о том,

что «даже в зрелых и поздних произведениях Пушкина иногда встречаются подобные примеры», ср. в «Евгении Онегине»: Ужели подражанье, Ничтожный призрак, иль еще Москвич в Гарольдовом плаще, в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума» 1933 года: ... как бы резво я Пустился в темный лес!... Я забывался бы в чаду Нестройных, чудных грез. Они присутствуют и в поэтическом языке XX века как носители стилистического смысла «возвышенность», ср. например, строки из «Новогоднего» М. Цветаевой 1927 года (написано в связи со смертью Райнера Мариа Рильке): Единственная и все гнезда Покрывающая рифма: звезды. Словом, налицо явно стилистическое противопоставление. Но можно ли сказать, что фонема (о) в словах мёд, лёд, рёв, полёт выражает стилистический смысл «норма», а фонема (е) в вариантах мед, лед, рев, полет стилистический смысл «возвышенность»? Даже на слух ощущается неестественность подобной формулировки. Исходное назначение фонем «как односторонних незнаковых единиц плана выражения» состоит в том, чтобы формировать означаемые словесных знаков с присущим им значением, специфичным для разных языковых уровней, а вовсе не в том, чтобы выражать стилистические значения. И история как раз данной мены фонем наглядно подтверждает, что стилистическое значение есть смысловой сгусток, который «оседает» на словах и формах в результате их использования языковым социумом. Тот же Винокур подчеркивает, что «звук е под ударением не перед мягкими согласными» в живом русском произношении уже очень рано заменился «звучком о». Возмущение Шишкова по поводу «мужицкой» буквы ё ничего не могло изменить в уже сложившемся языковом сознании. И «книжный» вариант, фактически используя в стихотворной речи в рифменной позиции, фактически приобрел статус поэтизма.

Б. К ведению лексической стилистики относят стилистические синонимы, формирующие в языке стилистические парадигмы. В Новом объяснительном Словаре синонимов русского языка приводится следующая парадигма: жаловаться — сетовать (необиходн.) — роптать (книжн.) — плакаться (разг.) — ныть (разг. сниж.) — хныкать (разг. сниж.) — скулить (разг. сниж.).

По ходу дела обратим внимание на то, что в стилистических парадигмах представлены как однозначные глаголы (роптать, сетовать), так и лексико-семантические варианты многозначных (жаловаться, скулить). При этом есть различие в характере многозначности: у глагола жаловаться два значения («высказывать неудовольствие, печаль» — как в данной парадигме, и «подавать, приносить жалобу»), связанные со стилистическим смыслом «норма», являются прямыми значениями, а у глагола «скулить» стилистически маркированное значение является переносным. Для русского языка в целом характерно, что стилистическая сниженность свя-

зана с переходными значениями. И также на этом примере видно, что стилистически сниженные смыслы представлены в большем объеме (большим числом единиц), чем те, которые принято относить к высокому стилистическому ярусу. По мнению ряда исследователей такое положение отражает национальную норму русского литературного языка, истоки которой находятся в его истории. Наконец, следует обратить внимание на то, что в Словаре частично вводятся получающие специальное обоснование новые стилистические пометы. Так, глагол сетовать имеет помету необходим, которая, как пишет создатель концепции Словаря акад. Ю. Д. Апресян, «маркирует следующий за книжным, но не доходящий до нейтрального уровень литературности речи».

Подобная дифференциация станет особенно важной для стилистики XXI века, одной из задач которой, станет, несомненно создание стилистического портрета слов русского языка. Теперь можно вернуться к вопросу, который обсуждался в примере из фонетической стилистики: что составляет план выражения стилистических смыслов, по которым различаются члены стилистической парадигмы?

Во-первых, сразу же очевидно, что никаким собственным формальным показателем стилистического значения лексемы, входящие в стилистическую парадигму, не обладают. Эта характеристика присваивается лексеме целиком, то есть как языковому знаку, у которого есть означающее и означаемое, и, разумеется, данные глаголы предназначены для обозначения определенного действия человека, а не для выражения стилистических различий. Однако в языковых свойствах членов стилистической парадигмы имеются существенные различия в значении, формах, конструкция, сочетаемости. Именно таковы основные типы различий, которые вводятся для описания синонимических рядов в Словаре, они представлены и в рассматриваемой парадигме. Так в смысловом плане парадигма распадается на две большие группы: с одной стороны — жаловаться, сетовать, роптать, с другой — плакаться, ныть, хныкать и скулить. Для последней группы характерно «указание на специфическую речевую манеру, а именно, жалобный, плаксивый тон», рассчитанный на то, чтобы вызвать жалость к себе и и, на этой основе «устранить нежелательную ситуацию» Внутри групп также имеется семантическая дифференциация, например, глагол роптать предполагает чужую волю — либо неподвластных субъекту сил, либо лиц, имеющих более высокий социальный статус, поэтому можно роптать на правительство, но бессмысленно роптать на болезни и смешно — на соседа или на подругу. Тот же глагол роптать единственный из членов синонимического ряда не распространяется с помощью изъяснительного предложения с союзом что, ср. Старушки жалуется (сетуют, плачутся), что их никто не понимает при неуместности *Народ ропщет, что ему не дают свобод. Сниженные глаголы ныть, скулить, хныкать не

имеют, в отличие от других глаголов, форм совершенного вида. Для всех глаголов характерно избегание первого лица, но у глаголов сниженного стилистического яруса это проявляется особенно наглядно: естественно выразить недовольство и раздражение, заявив Что ты скулишь?, но неестественно *Я скулю, Я вчера утром скулила. Сниженные глаголы не предполагают обращения на «вы», возможные их употребления вообще достаточно стереотипны и постоянно воспроизводятся как готовые фрагменты: Вечно они ноют, плачутся. Здесь названы только некоторые различия — полный их объем не содержит даже увлекательный лексикографический портрет этого ряда, предложенный в Словаре. Так что же, может быть именно эти различия и составляют план содержания стилистических значений? Ответ, как и в первом примере, будет, разумеется, отрицательный, поскольку нельзя выделить такую совокупность языковых свойств глагольных лексем, которая однозначно связывалась бы с тем или иным стилистическим смыслом. Правильнее говорить о несомненной связи между стилистической и иными характеристиками слова. Напомним еще раз, что стилистические смыслы — это способы видения мира, и один и тот же объект либо событие предстают нетождественными в разных стилистических модальностях. Так, в наших глаголах отражается различие в «характере и масштабе того, что произошло с субъектом»: плачутся «по поводу конкретных неурядиц», сетовать можно на все, что способно огорчать, начиная с мелочей быта и кончая устройством жизни». В этой формулировке очень четко отражен тот факт, что стилистический смысл «разговорность» связан с обиходно-бытовым пространством и обыденным мышлением, когда индивид находится внутри жизненного потока и не имеет возможности или желания подняться над ним. Не менее показательна и концептуализация субъекта при глаголе сетовать: он «не ставит цели изменить положение дел своим высказыванием. Он делает его, как правило, в спокойной, сдержанной, может быть, даже слегка отрешенной манере, исключительно в расчете на п о н и м а н и е своих собеседников, которые могут находиться в точно таком же или даже еще худшем положении». Такой субъект весьма близок к тому, что предполагается стилистическим смыслом «книжность»: это сигнал ментальной обработки ситуации, это слово для Другого, которое не должно этого Другого травмировать, ср. один из приводимых в Словаре примеров из П. Алешковского: Уважая заветы дедушки, он тем не менее сетовал в своем кругу, что старик не все понимает как надо.

Мы рассмотрели два примера — из фонетической и лексической стилистики. Но то же самое относится и к грамматическим, и стилистическим языковым знакам. Поэтому можно еще раз повторить, что стилистические значения не имеют в языке собственных формальных показателей. Сти-

листические знаки не столько выражают стилистическое значение, сколько являются его носителями.

Продолжение вопросов и ответов к части «Стилистика языка»

9. Стилистическая информация о человеке: пол и возраст.

10. Региональная характеристика и характеристика по образовательному цензу.

11. Стилистическая информация о человеке: социальная и профессиональная характеристика

12. Понятие стилистического смысла и стилистической шкалы.

13. Стилистические параметры «эмоция плюс оценка» и «архаичность — новизна» в соотношении со стилистической шкалой.

14. Стилистический смысл «возвышенность»

15. Стилистические смыслы «книжность» и «книжность плюс специализация»

16. Стилистические смыслы сниженного стилистического яруса

9. Стилистическая информация о человеке: пол и возраст.

А. Пол. Здесь выделяется прежде всего «детский язык» и язык, принятый взрослыми при обращении с детьми. Детская речь в настоящее время всесторонне исследована. Детский язык характеризуется неполным владением фонетикой, диффузностью семантики отдельных слов, большим количеством окказионализмов, «выпрямлением» морфологии, особенно в том, что касается нерегулярных глагольных форм. Язык взрослых в общении с ребенком также имеет ряд ярких характеризующих черт: метафорические номинации в обращении (рыбонька, зайныка, кисанька, солнышко), специфические «семейные» имена, широкое использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (кефирчик, кашка, яблочко, виноградик, глазыньки, ручечки), особые инфинитивные формы (спатки, спатыньки, кушанькать), употребление «мы» в значении «я» плюс ребенок» (мы уже послали, погуляли, у нас животик болит, мы сегодня скучные). М. Л. Гаспаров критикует общепринятый взгляд на феномен детской речи как на осознаваемое проявление языковой интуиции, подчеркивая прагматический аспект — коммуникативные неудачи (восхищение взрослых не та реакция, которая нужна ребенку) и их постепенное преодоление. «В ходе этой работы, — пишет М. Л. Гаспаров, — «детский язык» ребенка, с его острым осознанием звуковых, формальных, словообразовательных, комбинаторных эффектов, — этот язык сам собой отпадает, перерастая в нечто менее заметное, но более необходимое: языковой опыт, адекватный для языкового существования в той среде (или в

том конгломерате разных сред или ролей), к которой принадлежит данный носитель языка».

Но на уровне стилистического мышления детский язык безусловно существует в сознании говорящих как совокупность языковых черт, о чем свидетельствуют те случаи, когда он сам становится объектом косвенной референции. Таков случай стилизации и пародированного использования детской речи в романе В. Набокова «Приглашение на казнь»: — Какие мы печальные, какие нежные, — обратился м-сье Пьер к Цинциннату, вытягивая губы, как если бы хотел насмешить надувшегося ребенка. — все молчим да молчим, а усики у нас трепещут. Ср. фонетическое передразнивание ребенка: — Будет, — шепнул с улыбкой директор, — я тозе хочу».

Различия по полу среди взрослых людей теоретически должны преломиться в стилистически маркированные черты «женского» и «мужского» языка. Но здесь дело обстоит гораздо сложнее. Существуют, без сомнения, особенности женского и мужского мышления и восприятия действительности. С «женским языком» связывают особую эмоциональность, повторы с варьированием одного и того же содержания, риторические фигуры (гипербола, литота, инверсия), алогичность, так называемое женское сюсюканье, в устной речи — особые интонации. Характерный пример такой стилистически маркированной женской речи находим, например, в рассказе А. П. Чехова «Длинный язык»:

Конечно, если ты захочешь поехать куда-нибудь в горы..., например, на Ай-Петри... возьмешь лошадь, проводника — ну, тогда, конечно, дорого! Ужас, как дорого! Но, Васечка, какие там горы! Представь ты себе высокие-высокие горы, на тысячу раз выше, чем церковь... Наверху туман, туман, туман... Внизу громаднейшие камни, камни, камни... Васечка, я тебе скажу, какие есть безнравственные-е! Ах, какие безнравственные!.. Терпеть не могу подозрительности! Терпеть не могу! Глупо и глупо!.. Воображаю, как это ты поехал бы в горы без проводника! Воображаю! Молчи и молчи!...

Вместе с тем женский стиль мышления вовсе не обязательно предполагает обращение к эмоциональным средствам, о чем свидетельствуют так называемые женская проза, женский детектив, женский (дамский) любовный роман. Мы говорим о мужском стиле, о стиле женственном, расслабляющем, но лингвистически выверенные признаки такой характеристики по сей день не выявлены. С «мужским» языком и мужским стилем дело обстоит даже еще сложнее: ни рубленный синтаксис, ни избегание атрибутов (эти черты выделяют, например, у Хэмингуэя), ни активное использование стилистически сниженной лексики, включая мат (тем более в современной языковой ситуации) не являются даже вероятностными прогностическими признаками: классический представитель «мужского» стиля в поэзии не имеет ни одной из названных черт. Феми-

низм, с его вниманием к языку, а тем более гендерные исследования не внесли что-либо принципиально нового в эту безусловно интересную проблему.

Б. Возраст. Информация о возрасте является одним из значений, непременно отражающихся в стилистической системе языка. Здесь действует несколько предпосылок: а) собственно временной фактор — каждый человек является носителем языка своего поколения, б) разновозрастной состав языкового социума, в) традиционно семейный характер воспитания в России, при котором для детей типовыми участниками детского общения являются либо их сверстники, либо родители их родителей. Поэтому стилистическая характеристика, отражающая возраст, бывает так часто связана со степенью — архаичности / новизны языковой единицы. Такое стилистическое расслоение систематически наблюдается в пределах стилистического смысла «норма». Так, компьютерная революция проложила водораздел между людьми старшего и молодого поколения в отношении использования таких слов, как, с одной стороны, файл, мышка, дискета, компьютерный вирус, е-мейл, сканер и пр., с другой — пишущая (печатная) машинка, каретка, копировальная бумага. Наиболее яркая стилистическая характеристика обычно бывает связана с людьми молодого и подросткового возраста — это специфические обращения к друг другу, выражение оценки, которые преимущественно уходят с повзрослением поколения и становятся, наряду с другими словами-бабочками, «счетчиками» времени в языке, ср. изменение во времени типового м «молодого» ответа на вопрос «Как дела?» (современный вариант — «Как сам?»): на ять, нормально, окей, ср. характерное для молодого поколения 60-х обращение друг к другу через инверсное использование имен возраста «старик» и «старуха», например, в следующем диалоге:

— Скажи, что тебя гнетет?

Понимаешь, старик уже, три дня, как я не работаю. Так нельзя. Я должен писать.

Следует отметить, что признак молодого возраста часто сочетается с профессиональной и социальной характеристикой в широком смысле слова, что на современном этапе тесно связывается с так называемым общим русским жаргоном, собственно уголовным, а также и студенческим, ср. такие образования, как депрессняк, отпад и отпадняк, кликуха, порнуха, чернуха и пр.

10. Региональная характеристика и характеристика по образовательному цензу.

В том, как стилистически маркируется пространство рождения, воспитания, жизни человека, так же следует различать несколько случаев. Самый очевидный — это владение языком как неродным: когда иностранец

говорит на русском языке. Это может быть акцент, неправильные формы, калькированные конструкции, так называемая гиперкоррекция, когда в разговоре используются конструкции письменного языка. Другой случай, характерный для бывших республик бывшего СССР, — неполная билингва, с частичной интерференцией, то есть воздействием родного языка. Отличие от предыдущего состоит в том, что русский язык здесь являлся не только языком изучения и обучения, но и непосредственное общение предполагало определенный уровень двуязычия. Подобные региональные характеристики широко используются в художественных текстах, выступая как средство построения словесного портрета. Столь же яркой является диалектная характеристика, причем как в тех случаях, когда речь идет о диалекте в узком смысле слова, так и о глоссах — например, о характерных особенностях произношения северного или русского говора. Особый интерес представляет локальная окрашенность литературной речи. Исследования показали, что язык образованной части населения разных городов: Орла и Красноярска, Перми и Казани — имеет целый ряд отличий от литературной нормы. Эти отличия касаются прежде всего произносительной нормы, но также — в форме инкрустации — лексики, морфологии, словообразования, синтаксиса. Простейшие примеры: в Перми при произношении отчество отсутствует стяжение (Галина Степановна, Иван Васильевич, Ольга Ивановна), общеупотребительным — и литературным — считаются слово засоня, попроведавать. (Пойдем, попроведаем товарища. Говорят, он заболел). В начале XX века В. И. Чернышев писал: «Образованные люди во всех местах России говорят по московски» (С. 17). В настоящее время принята другая точка зрения: территориальная вариантность литературного языка есть неотъемлемая его принадлежность. Но стилистическая значимость пусть незначительных отличий от литературного языка несомненна. Для российского мышления всегда было значимо противопоставление центра и периферии с приписыванием центру социального престижа. И легко видеть, какой эффект производит южнорусское фрикативное (г) в публичной речи. Вместе с тем с периферией связывается семантика подлинности, чистоты, своеобразной неиспорченности цивилизацией — поэтому в художественных текстах языковая региональная характеристика «работает на позитив», что легко видеть в произведениях сибирских писателей-деревенщиков: Астафьева, Распутина.

Информация об образовательном цензе во многих случаях тесно сплетена с другими видами информации о человеке. «Слова «утрировать, третиловать, игнорировать, шокировать, импозантный», оцениваемые как книжные, являются вполне естественными в обиходно-бытовой речи, но сообщают о принадлежности к определенной группе носителей литературного языка — высоко образованной интеллигенции, к людям старше-

го поколения, потомственной (ср. по отношению к последней такие слова, как. *отнюдь, крайне, весьма*). «Книжные» слова первой и естественной формой выражения соответствующих сигнификативных значений, о чем говорят многочисленные записи разговорной речи, дискурс персонажей в текстах художественной литературы, ср. Твой наряд слишком экстравагантен, Что у тебя за привычка *утрировать, Почему ты его игнорируешь, Случай, конечно, экстраординарный*. По мнению Е. Ф. Петрищевой, здесь нет никакой приподнятости над обыденным содержанием, речь идет о конкретных ситуациях, и соответствующие употребления вполне уместны.

Информация об образовательном цензе содержится во внелитературном просторечии: ихний, с им, здря, пондравится, звонит, портфель, пинжак, вчерась, давеча, заместо, нешто, обувка, одёжка, подсобить, молодуха, покудова, откуль, ноне, окромя и пр. Выделяют: а) просторечие малограмотных: Мне ихняя бабушка все рассказала, Я энтог отвар пью заместо чаю) — просторечие малограмотных б) народное просторечие: Опростайка кувшин, Отойди от окна, не засти, опростайка кувшин, в) деревенское просторечие — молодуха, ноне, аль, бабка матрена, тетка Дарья и пр. Речь идет, таким образом, об интерперсональной вариативности, об оценке общества: реакция на слово (отступление от нормы) — отрицательная оценка, реакция на социальную характеристику (народ как носитель всех ценностей) — положительная оценка. Как просторечие со стилистической точки зрения рассматриваются и диалектизмы — здесь и фактор неполного владения литературным языком, и определенная социальная характеристика, и региональная. При этом есть различие между словами, имеющими соответствующие синонимические соответствия в литературном языке (кочет, огорожа, большак) и не имеющими таковых (заимка, щелья), которые передают впечатление от определенного денотативного пространства, связанного с местными условиями жизни. Информация о говорящем, о его социальном статусе и об образовательном цензе содержится и в разнообразных формах аргументации, жаргона.

11. Стилистическая информация о человеке: социальная и профессиональная характеристика.

А. Социальная характеристика. Социальная характеристика — очень широкое понятие, ибо в широком смысле слова оно включает в себя разделение социума по любому признаку. В этом смысле разделение по признаку пола и возраста, региональное разделение также есть социальная характеристика. В социальную характеристику включают разделение города и деревни, бытовавшую прежде концепцию классового разделения общества, профессиональную характеристику и связанные с ней социальные страты. Отметим, что социальное расслоение так или иначе отра-

жается в образовательном цензе, причем это может быть как прямое, так и «зеркальное отражение» — достаточно вспомнить язык внезапно разбогатевших новых русских. Кроме того, важны и такие факторы, как социальная мобильность, что особенно существенно для мужской части населения, позиция женщины в семье, которая противится «языковым инновациям» или, напротив, следует за мужчиной. Необходимо отметить, наконец, что языковая личность конкретного лица — президента, например, может оказывать прямое воздействие на других, особенно на язык властных структур. Достаточно вспомнить фрикативное (г) Будучи по своему происхождению чертой южнорусских говоров, этот вариант в период президентства Горбачева стал едва ли не нормативным среди властных лиц. В свою очередь Хрущев не только хэкал, но и произносил мягкое зь (социализм, коммунизм) и то же наблюдалось в речах других политиков.

На социальное разделение влияет, естественно, государственное и экономическое устройство, и в этом плане можно сказать, что в XIX веке собственно «классовое» расслоение отражалось в языке более отчетливо. В настоящее время если говорить именно о социальной характеристике, то оно, пожалуй, проявляется в так называемом деревенском, отчасти народном просторечии, а также в речи интеллигенции. В публичной речи мы встречаемся с произношением жюри, Сен-Жюст (полумягкое ж), в слове сонет, боа, но уже в бомонд, костюм бокал становится «претенциозным манерничаньем» (звук (о) не под ударением, при На первый план выделена именно профессиональная характеристика.

Б. Профессиональная характеристика. Профессиональная характеристика касается самых разных профессий, и объем выражения этой информации непрерывно увеличивается. Классическим примером является социально обусловленное ударение: компас у моряков, добыча у горняков, алкоголь, наркомания, рентгенография у медиков, квартал у административных работников, осужденный и возбужденный у правовых работников, километр у работников транспорта и автоинспекторов. Интересно, что современные политики, избирая ненормативные ударения, постепенно превращают их в редство собственной социальной характеристики: начать, углубить, обострить, принять, блага, средства. Кулинары пользуются едва ли не исключительно формами соуса, торта, шампура, шницеля, военные — формами госпиталя, взвода, дембеля, моряки — мичмана, боцмана, штурмана. Если считать уголовников социально выделенной отдельной группой, сюда следует добавить кореша, мусора, фраера, любера, и к ним же следует отнести милицейскую среду: срока, привода, обыска. Социальная характеристика проявляет себя и в специфических употреблениях глагола (пролечить больного, проколоть ему пенициллин, проплатить счета — у финансистов, ср. ситуация по этому заводу, заказать

убийство, в среде государственных чиновников— переговоры по Югославии, голосование по кандидатуре, инициатива по Чечне), и разумеется в метафорических переосмыслениях (нога — опора шасси, морда — лобовая часть самолета, брюхо — нижняя часть фюзеляжа у летчиков и пр.). Профессиональная характеристика в современном русском языке детально описана Л. П. Крысиным, который делает следующее важное замечание относительно «профессиональных номинаций»: «Как правило, такие специфические образования возникают для обозначения актуальных в данной сфере общения понятий и действий...»

12. Понятие стилистического смысла и стилистической шкалы.

Стилистическая система покоится на представлении о языке как связанном с миром и человеком и отфильтровывает те характеристики человека и те способы мышления, которые представлены в исторической жизни социума и определяют институированные языком точки зрения. Эти точки зрения всегда проявляются в связке «язык — человек — мир», и это определяет способ их бытования: они не могут проявиться иначе как бросив свой ответ на то, где они себя проявили. Отсюда коннотативная природа стилистических значений, что может быть выражено иначе как отсутствие у стилистических значений собственных формальных показателей, и отсюда же «неявный уровень знаковости», о котором так часто упоминают, когда говорят о стиле.

Оправданно строить описание стилистической системы исходя из понятия стилистического смысла. Стилистические смыслы — точки зрения, закрепленные в системе языка. Они задают способы видения мира в данном языковом социуме. В стилистических смыслах отражается тип личности, способ мышления, привлеченная неязыковая действительность. Стилистические смыслы выступают как свертки основных стилей. Они могут рассматриваться как набор стилистических модальностей. Стилистические смыслы находятся в системе языка в отношении внутренней диалогичности, их системность обеспечивается внутренним единством и противопоставленностью. Традиционное разграничение социально-жанрового и эмоционально оценочного компонентов стилистического значения должно быть пересмотрено. Стилистические смыслы создают представление о своеобразных «возможных мирах», одни из которых предполагают стилистический портрет говорящего, выражение эмоции и прямой оценки, в то время как для других точек зрения эмоция и прямая оценка не допускаются. При выделении стилистических смыслов нужно учесть следующее переплетение: с одной стороны, начиная с античности выделяют высокий, нейтральный и низкий стили, с другой — выделяют стили функциональные, определяемые сферой употребления. Здесь представлены разные основания: противопоставление высокий — ней-

тральный — сниженный стиль строится на этических, эстетических — ценностных представлениях, противопоставление функциональных разновидностей — на социально-жанровых характеристиках. Стилистические смыслы русского языка объединяются в стилистическую шкалу, которая по своей природе синкретична: она позволяет объяснить и первый, и второй ряд стилевых противопоставлений. Стилистическая шкала — это то, что определяет структуру стилистической системы. В ней выделяются три яруса: высокий — нейтральный — сниженный. Нейтральный ярус представлен одним стилистическим смыслом — «норма». Высокий и низкий стилистические ярусы содержат стилистические места (стилистические ранги). Высокий стилистический ярус включает в себя стилистические смыслы «возвышенность», «книжность», «книжность плюс специализация». Низкий (сниженный) стилистический ярус содержит стилистические смыслы «разговорность», «разговорность плюс специализация», «просторечность», «просторечность плюс специализация», а также стилистический смысл, который мы определяем как «деструктивность» (резкая, грубая сниженность). По стилистической шкале названные смыслы располагаются в следующем порядке: «возвышенность», «книжность плюс специализация», «книжность», «норма» — «разговорность», «разговорность плюс специализация», «просторечность», «просторечность плюс специализация», «деструктивность». Занимающие крайние места в стилистической шкале стилистические смыслы «возвышенность» и «деструктивность» выделяются по одному основанию (ценностная точка зрения) и максимально противопоставлены друг другу. Остальные стилистические смыслы связаны прежде всего с социальными и культурными факторами. Центр стилистической шкалы составляют стилистические смыслы «книжность» — «норма» — «разговорность». Их близость доказывается тем, что в вербализации явлений действительности в огромном числе случаев представлен только стилистический смысл «норма», либо «норма» совпадает с «книжностью» или «разговорностью». Стилистическая шкала позволяет не только представить наглядно структуру стилистической системы, взятую в синхронном срезе, но и показать системность динамических процессов. Естественное развитие стилистической системы предполагает, как показывает исторический материал, движение по стилистической шкале по соседствующим стилистическим рангам (то есть, например, книжное слово становится нормой, или нейтральное слово становится разговорным), и в этом случае стилистическая система сохраняет стабильность. В то же время неестественные стилистические изменения (например, когда языковой знак, являющийся носителем стилистического смысла «деструктивность», претендует на роль нормы) приводят к нестабильности стилистической системы, что наблюдалось в русском языке после 1917 года и в настоящее время (на-

чиная с 1985 года).

В число стилистических смыслов русского языка включен стилистический смысл «норма». Это является отражением того факта, что в стилистическую систему входят все языковые знаки, — по отношению к единице стилистической системы оправдан термин «стилистический знак». В формировании стиля участвует не только эмоционально-оценочная, но и предметно-логическая информация, не только маркированные стилистические знаки, но и знаки с «нулевым» стилистическим значением. «Норма» — тот стилистический смысл, который присущ большей части языковых единиц. Разные стили языка демонстрируют свою близость и взаимопересечение благодаря стилистическому смыслу «норма». Соглашаясь с Б. А. Успенским в том, что стили могут рассматриваться как «внутриязыковое многоязычие», мы всё же должны помнить, что это лишь аналогия, верная в одном отношении и неверная в другом: внутриязыковое многоязычие благодаря стилистическому смыслу «норма» всегда относительно. Языковые знаки с данным стилистическим смыслом не имеют ограничений в сочетаемости, по сфере употребления: (сосед, дядя, философ, вор, монах, Иванов) умер.

Владение частью или только одним стилистическим смыслом означает моностилизм, отсутствие внутренней (интраперсональной — термин К. А. Долинина) вариативности. Так, обучение русскому языку иностранцев — это обучение стилистическому смыслу «норма». Так для носителей просторечия по большей части существует только одна точка зрения, и стилистический смысл «просторечность» проявляется при выходе за пределы просторечия (интерперсональная вариативность). Как уже было сказано, стилистические смыслы выступают как своеобразные свертки основных стилей языка, и носителями стилистических смыслов становятся языковые единицы, которые по своему значению оказываются согласованными с данным стилистическим смыслом. Отсюда — тот «отбор языковых средств», о котором писал В. В. Виноградов, давая определение стиля. В художественном тексте стилистические смыслы, выступая совокупно, создают взаимодействие точек зрения —внутреннюю полифонию текста:

Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно его положение или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос. С точки зрения доктора, вопрос этот был праздный и не подлежал обсуждению: существовало только взвешивание вероятностей — блуждающей почки, хронического катара и болезни слепой кишки. Не было вопроса о жизни и смерти Ивана Ильича, а был спор между блуждающей почкой и слепой кишкой. И спор этот на глазах Ивана Ильича блестящим образом разрешил в пользу слепой кишки, сделав оговорку о том, что исследование мочи может дать новые улики и тогда дело будет пересмотрено. Всё это бы-

ло точь в точь то же, что делал тысячу раз сам Иван Ильич таким блестящим манером. Так же блестяще сделал свое резюме и доктор, и торжествующе, весело даже, взглянул сверх очков на подсудимого» (Л. Толстой. «Смерть Ивана Ильича»).

Событие будущей смерти Ивана Ильича рассматривается с трех точек зрения. Две из них «внеличностны»: точка зрения медицинской науки и «правовая» точка зрения (стилистический смысл «книжность плюс специализация»). Им противостоит «естественная», человеческая точка зрения, принадлежащая Ивану Ильичу как частному человеку (стилистические смыслы «разговорность» и «норма» здесь совпадают. Одна из специализированных точек зрения (правовая) совпадает с прежним лицом Ивана Ильича, его прежней социальной ролью. Происходит текстовое взаимодействие — внутритекстовый диалог точек зрения, смысловым исходом которого является трагизм и осознание Иваном Ильичом своей прежней жизни как недолжной

13. Стилистические параметры «эмоция плюс оценка» и «архаичность — новизна» в соотношении со стилистической шкалой.

Информация об эмоциональном состоянии человека отличается от информации о типологических характеристиках человека, ибо эмоциональные состояния присущи всем людям независимо от, скажем, профессиональной или социальной характеристики. Это относится и к оценке. Поэтому эмоция и оценка могут сочетаться с разными смыслами стилистической шкалы, то есть языковой знак может одновременно быть и разговорным либо просторечным и передавать эмоцию. Собственно, это и есть типичная ситуация для общеязыковых зооморфных метафор (Он — ишак, осел, Наш директор — настоящая лиса), для бранной лексики. Стилистические смыслы высокого стилистического яруса совершенно иначе реагируют на эмоцию и оценку, либо вовсе избегая её, либо предпочитая интеллектуальную оценку, либо, наконец, трансформируя собственно оценочный смысл в качественную характеристику объекта, как это наблюдается в сфере стилистического смысла «возвышенность» (ср. такие лексемы, как белоснежный, армада, малопочтенный и пр.). Одновременное присутствие в языковом знаке двух различающихся качественно стилистических значений побудило исследователей к выделению компонентов стилистического значения, один из которых, относящийся к одному из смыслов стилистической шкалы, обозначается как социально-жанровый, а второй — как эмоционально-оценочный. Об их соотношении пронципально пишет К. А. Долинин: «... эмоциональность, спонтанность и стилистическая сниженность образуют как бы один лагерь, которому совместно противостоят неэмоциональность, неспонтанность и стилистическая возвышенность, в частности книжность. Иначе говоря, вся наша

речевая деятельность колеблется между двумя речевыми полюсами, двумя противостоящими друг другу нвчалами: между простым, стихийным, личностным, субъективным и эфемерным, с одной стороны, и сложным, обработанным, ролевым (социально обусловленным), объективным, интеллектуальным, постоянным — с другой».

Еще одно стилистическое значение, которое, так же, как эмоция и оценка, создает поперечный разрез в стилистической шкале и может соединиться с любым из основных стилистических смыслов — это значение архаичности — новизны. В словарях мы часто встречаем пометы «устар.», «архаичн.», систематически выпускаются сборники «Новые слова и значения».но данная характеристика относится, разумеется, к языковым знакам всех уровней. Мы имеем дело с коннотативным выражением такой важнейшей характеристики, как время. Архаичность и новизна не симметричны. Новизна определяется по отношению к конкретному времени, новообразования, входя в язык, некоторое время несут в себе отчетливо осознаваемый социумом семантический заряд новизны. Языковой опыт последнего десятилетия наглядно продемонстрировал этот смысл: такие понятия экономической лексики, как маркетинг, бартер, лизинг, менеджмент (и менеджер), еще недавно воспринимались как абсолютно новые слова, значение которых было непонятно большинству людей. Для настоящего времени таким словом является пиар и производные от пиарщик, которые, однако, уже фиксируются в данном виде на страницах газет.

14. Стилистический смысл «возвышенность».

Максимально обобщенное значение высокого стилистического яруса — точка зрения, предполагающая выход из сферы непосредственных интересов и жизненного мира говорящего, «приподнятость над обыденностью», по выражению Е. Ф. Петрищевой. Стилистический смысл «возвышенность» сигнализирует о том, что точка зрения говорящего определяется этическими и эстетическими категориями. Говорящий/пишущий строит «возможный» мир как вымышленный либо выделяет в реальном мире определенное явление исходя из этических и эстетических представлений. Стилистический смысл «возвышенность» представляет личность говорящего как открытого эмоции и оценке, денотативное (внеязыковое) пространство — как связанное или отвечающее «высшим ценностям». В этом мире нет «низких предметов» (например, бытовая лексика редко является носителем стилистического смысла «возвышенность»), и отчетливо ощущается представление об идеале (об эйдосе в платоновском смысле). Поэтому стилистический смысл «возвышенность» так естествен для вымышленного мира, особенно — для поэтического дискурса, где сама стихотворная форма речи указывает на

особый модус — модус собственно языкового существования того мира, который порождается текстом. Языковые знаки со стилистическим смыслом «возвышенность» как правило не используются в повседневном языке, т.е. не освящены практикой повседневного референциального соотношения. Либо носителем данного смысла становятся единицы языка, вышедшие из употребления, при этом действует обычай, в соответствии с которым архаическое повышается в стилистическом ранге. Языковые знаки — носители стилистического смысла «возвышенность» как бы консервируются в языке для выражения данного смысла, имеют ограничения в употреблении, которые сами по себе наглядно вскрывают заложенную в них семантику. Так, невозможность таких сочетаний, как *«накрашенные уста», «грязная выя», свидетельствуют о том, что денотаты соответствующих существительных мыслятся как «соответствующие идеалу». В поэтических строках «Там угасал Наполеон, Там он почил среди мучений» событие смерти оценивается в параметрах назначения человека, его жизненного пути — в таких случаях невозможны бытовые подробности (*Наполеон угас от болезни сердца, *Наполеон угас в 16 час. 30 мин). Естественно, что в повседневном языке введение стилистического смысла «возвышенность» ведет к иронии, что может стать и словарной характеристикой (ср. эскулап).

15. Стилистические смыслы «книжность» и «книжность плюс специализация»

Стилистический смысл «книжность» сигнализирует о том, что говорящий/пишущий демонстрирует точку зрения, выражающую ментально обработанное, прошедшее обобщение и отсюда — отчужденное отношение к миру. С «книжностью» не связаны какие-то этические или эстетические каноны, главное здесь — это именно ментальная обработка, выход за пределы конкретной ситуации. Поэтому стилистический смысл «книжность» предполагает не эмоциональную, а интеллектуально-рассудочную оценку, и эмоция либо вообще не допускается либо выражается не коннотативно, а через непосредственное лексическое значение слова. «Возможный мир», находящийся под стилистическим оператором «книжность», включает то, что доступно мысли — умопостигаемо, но отнюдь не обязательно зрительно постигаемо.

Глагол «скончаться» во многих словарях имеет стил.помету «книжн.». «Как? И Лемм умер? — спросил Лаврецкий. — Да, — отвечал молодой Калитин, — он уехал в Одессу, там он и скончался (Тург.); Меня постигло несчастье,—сказал он. — Скончалась моя матушка. (В. Панова); «Вот прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался» (Гоголь). Эти примеры показывают, что книжное слово — это слово о другом и для другого. В примере из Тургенева для молодого Калитина Лемм

— далекий человек. В примере из Пановой о смерти матери сообщается собеседнику (для себя событие смерти матери никогда не будет обозначено этим глаголом), в примере из Гоголя прямо указано на газету. То есть смерть конкретного человека проходит фильтрацию: она или не находилась в жизненном мире говорящего или отрефлектирована в сознании, переосмыслена в отношении к другому. Таким образом, стилистический смысл «книжность» также связан с выходом из обиходно-бытового пространства.

Стилистический смысл «книжность плюс специализация» сохраняет общее значение стилистического смысла «книжность», но добавляет дополнительную точку зрения — научную, официально-деловую, публицистическую. Эта точка зрения предполагает, что субъект речи выступает в определенной социальной роли — роли глашатая научной истины, транслятора правовых отношений, выразителя общественных интересов. Каждая из этих точек зрения предполагает определенный тип мышления и определенное денотативное пространство. Так, смерть конкретного человека не является событием в «физической» или «биологической» картине мира, но это событие с точки зрения медицины, и событие смерти будет вербализоваться с учетом таких «семантических валентностей», как непосредственная причина смерти, точное время и т.д. С точки же зрения «государственной» (официально-деловой) главным в событии смерти будет соответствующая запись за определенным номером в книге актов гражданского состояния.

16. Стилистические смыслы сниженного стилистического яруса

Общее значение сниженного стилистического яруса — точка зрения, связанная с жизненным миром говорящего, с его личностью как частным человеком. Здесь представлены обиходно-бытовое пространство и обыденное повседневное мышление. Именно в сниженном стилистическом ярусе допускаются и приветствуются стилистический портрет говорящего, открытое проявление эмоции и субъективной оценки.

Стилистический смысл «разговорность» сигнализирует о том, что «возможный» мир совпадает с непосредственным жизненным миром говорящего, с непосредственным восприятием и непосредственным общением. Внеязыковым (денотативным) пространством является «частная жизнь субъекта, взятая в непрерывности её временного протекания и во всем многообразии действий, мыслей, чувств, интересов и переживаний человеческой личности». Стилистический смысл «разговорность» — это модальность разговорной речи, понятой как разновидность литературного языка, предназначенная для устного общения. Стилистический смысл «просторечность» совпадает со стилистическим смыслом «разговорность» в той части, которая касается денотативного (внеязыкового) простран-

ва. Но тип личности (и соответственно, способ думания о мире) детерминирован каким-либо дополнительным ограничением. Это может быть образовательный ценз, социально, регионально маркированное просторечие (просторечие малограмотных, деревенское (народное) просторечие). Для стилистического портрета языковая система закрепляет не случайные, а существенные для мышления и картины мира характеристики, передача которых осуществляется на коннотативном уровне помимо осознанного намерения говорящего.

«— А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер. — Гм... Отчего же он умер?... — Должно, от горячки... Три дня полежал в больнице и помер» (Чехов). Стилистический смысл «просторечность» первичен для носителя просторечия и его картины мира (показательна мотивация причины смерти — «от горячки»).

Стилистические смыслы «разговорность» и «просторечие» могут присоединять дополнительное значение — «специализация». Как и в высоком стилистическом ярусе, здесь институализируется профессиональная точка зрения. Язык моряков и плотников, телевизионщиков и деятелей кино служит примером проявления данных стилистических смыслов. В отличие от стилистического смысла «книжность плюс специализация» речь идет не о терминах, а о своеобразной интимизации профессии, влияющей на «картину мира» говорящего.

Стилистическая шкала завершается стилистическим смыслом «деструктивность». Этот стилистический смысл мы усматриваем в таких традиционно выделяемых классификациях социально-жанрового компонента стилистического значения, как арго, жаргон, слэнг. Стилистический смысл «деструктивность» выделяется на основе ценностных представлений о мире, как и стилистический смысл «возвышенность», но с противоположным знаком. Стилистический смысл «деструктивность» сигнализирует о том, что говорящий опирается на обиходно-бытовое пространство и непосредственное общение, но его картина мира деформирована в аспекте нравственных (этических и эстетических) категорий. Деформация может совершаться по линии упрощения и примитивизации, когда набор оценок сводится к материальным запросам, инстинктам, либо она может носить характер прямого противопоставления общепринятым нравственным нормам: «Только помирай поскорее, а то время напрасно идет. Скоро из годов выйду, пока подохнешь» (Мамин-Сибиряк). Неслучаен здесь и своеобразный антиэстетизм, намеренный вызов чувству языка.

Продолжение вопросов и ответов к части «Стилистика языка»

17. Понятие стилистической парадигмы.
18. Типы стилистических парадигм в русском языке.
19. Сходства и различия между членами стилистических парадигм.

20. Соотношение стилистических парадигм и частей речи.

17. Понятие стилистической парадигмы.

Стилистическая парадигма («СП») — совокупность лексем (лексем и лексико-семантических вариантов, лексико-семантических вариантов разных лексем), принадлежащих одной части речи, близких по сигнификативному и денотативному компонентам значения и различающихся по стилистическому смыслу (прагматический компонент). Различия по стилистическому смыслу сопровождаются различиями в структурном значении. Различия в структурном значении состоят в различиях по составу грамматических форм (в наборе значений одной формы), в различии конструкций (управление глагола, выражение синтаксических валентностей), в различиях сочетаемости. Словарные стилистические парадигмы могут дополняться единицами, представленными в узусе. Примеры стилистических парадигм среди имен возраста: дева, девица, юница (устар.), барышня — девушка — девка, девчонка, дивчина — деваха, гирла, телка; юноша, молодец — молодой человек — юнец, парень — хлопец, паря, парубок, малый, молодчик — парнюга, парнюга, парнюха, парнище.

Замечания к определению: а) принадлежность к одной части речи: возможны члены, появившиеся в результате синтаксической транспозиции («хорошо» — «четыре», «четверка»), в результате привлечения слов категории состояния: хочется жить — охота жить. б) лексема — ЛСВ: парадигма из однозначных лексем — богач — богатей — толстосум; парадигма из однозначных слов и лексико-семантических вариантов — выдумщик — затейник, придумщик (разг), изобретатель (разг), где затейник и «изобретатель» входят в парадигму в качестве ЛСВ (изобретатель электричества, великие изобретатели, массовик-затейник); драка, потасовка (разг), свалка (разг) побоище (усилит.), рукопашная (шутл-ирон), баталия (ирон), где свалка, побоище, рукопашная, баталия входят в СП в одном из ЛСВ (переносное. значение); парадигмы из ЛСВ — растратить, расточить, убить (разг), ухлопать (прост.), где разные глаголы представлены одним из своих ЛСВ (многозначные). Возможен и такой случай, где парадигма состоит целиком из многозначных единиц, и они формируют разные СП своими разными ЛСВ, ср. автомат, машина (о приборе и человеке, игровой автомат, машина), змея (разг), ехидна (прост.), аспид (устар. также змея), гадюка (грубо-прост. — о змее и человеке в) относительно тождественности значений; синонимическая дублетность, как уже было сказано, наблюдается в крайне редких случаях: нейтральное имя — термин, специальное слово, запад — вест, нейтральное, нейтральный — диалектно-просторечное имя. Здесь сигнификативный и денотативный компоненты не затрагиваются, а возникают такие парадигмы (обнимающие названия болезней, растений, топографических нарицательных имен, жи-

вотных) в том случае, когда в номинации отражено некоторое специальное знание, мотивированное научной специализацией (отсюда — заимствованные имена), возможно — профессиональной, региональной специализацией. В других же случаях, как уже было сказано, между членами СП, как между членами синонимического ряда представлены сигнификативные, сочетаемостные, конструктивные различия. Но очень важно то, что в синтагматическом употреблении контекст строится так, чтобы другие структурные различия нейтрализовались, а обнажилось бы именно стилистическое противопоставление. Классический пример — из «Мастера и Маргариты»:

«А тут ещё кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом:

Сеанс окончен! Урежьте марш!! Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не прынул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по своей развязности, марш.»

Здесь основной стилистический смысл — деструктивность, возможный мир как безобразный и антиэстетичный: кот не вбежал, но выскочил, не возвестил, но рывкнул, далее этот смысл передается через «ополоумевший» (ср. душевнобольной, скорбный главой, психически нездоровый) вслед за чем идет цепочка глаголов, которые единственно и могли составить грамматически правильную конструкцию в случае структурной схемы двусоставного личного предложения (субъект — действие — создаваемый объект), притом без всяких распространений, ср. невозможность «урезал великолепный классический марш», ср. возможное «И грянул марш!» при невозможности «И хватил марш!», далее тот же смысл этической примитивизации снова выражен лексически: ни на что не похожий по развязности своей...

18. Типы стилистических парадигм в русском языке.

В основу формально-содержательной типологии стилистических парадигм: положены следующие признаки: а) качество и количество стилистических смыслов относящихся к разным стилистическим ярусам — полноты парадигмы, количество стилистических рангов (мест) — мера расширенности парадигмы, количество языковых единиц на одно стилистическое место (стилистический ранг) — мера яркости/силы парадигмы. На основе сказанного русские стилистические парадигмы разделяются на следующие основные типы:

1. Полные минимальные: в них представлено по одному стилистическому смыслу от высокого и низкого ярусов и смысл «норма», каждое из стилистических мест занято одной языковой единицей: праздность —

безделье, ничегонеделанье.

2. Полные расширенные. В них также представлен признак «норма», стилистически маркированные ярусы представлены более чем одним ранговым местом: очи — глаза — буркалы, гляделки, мигалки, бельма (груб-прост), зенки. Теоретически как минимальные, так и расширенные парадигмы могут быть как сильными, так и слабыми, но реально именно расширенные парадигмы бывают сильными, как в приведенной парадигме, где одно и то же стилистический ранг (смысл) «просторечн.» занят «гляделками», «мигалками», «бельмами».

3. Неполные стандартные парадигмы Включают стилистический смысл «норма» и стилистический смысл либо высокого либо низкого стилистического яруса и в этом случае являются минимальными: взор — взгляд, записка — писулька (разг.), цидулка (разг.), архитектор — зодчий.

4. Неполные стандартные расширенные. Включают стилистический смысл «норма» плюс более чем один стилистический смысл одного из стилистических ярусов: знаток, специалист (разг), дока (прост), спец (прос). Опять-таки расширенные двуместные парадигмы обычно бывают и сильными: босяк, бродяга, оборванец, золоторотец (прост), подзаборник (прост), побродяга, шатун (прост), зимогор (областн), бомж. Парадигмы данного типа обычно связаны со сниженным стилистическим ярусом, с выражением оценки, с образным её представлением.

5. Неполные аномальные. Не включают смысл «норма», а соединяют напрямую стилистические смыслы, входящие в высокий и сниженный стилистические ярусы стилистический ярус: женолюбец, женолюб, лове-лас (бабник, юбочник).

6. Неполные специализированные. СП строится исходя из стилистических смыслов, относящихся к одному стилистическому ярусу: либо высокому, либо — в абсолютном большинстве случаев — к снижению. Одно-ярусные парадигмы обычно бывают сильными, т.е. один и тот же стилистический смысл имеет несколько носителей, и чаще расширенными, чем минимальными: волокита, проволочка, канитель (разг), вольнка, морока (прост.); болтун, балаболка, пустомеля, пустослов, пустозвон, пустобрех (начинается место «прост»), трепак, звонарь, (прост), мелево (уст. ирон. прост. пренебр.). Такие парадигмы связаны опять-таки с оценкой, с субъективно-оценочным смыслом, они демонстрируют отсутствие внутренней семантической дифференциации, диффузность значения при ярко выраженной оценке.

19. Сходства и различия между членами стилистических парадигм.

Ответ на этот вопрос предполагает анализ конкретных стилистических парадигм.

1. Полная минимальная парадигма. Представлена, если соположены

стилистические смыслы «возвышенность» — «норма» — «разговорность», либо «книжность» — норма — «просторечность», либо «возвышенность» — «норма» — «просторечность», либо «возвышенность» — «норма» — «деструктивность». То есть здесь важно, чтобы присутствовало хотя бы по одному месту из высокого и сниженного стилистического ярусов: переключка — или перекодировка идет на уровне конкретного стилистического смысла, который выступает и как представитель обобщенного значения данного стилистического яруса. Что же касается стилистического смысла «норма», то даже и в минимальных СП он может заполняться группой идеографических синонимов.

Рассмотрим парадигму «праздность» — «безделье» — «ничегонеделанье». Парадигма является полной, поскольку в ней соплагаются стилистические смыслы трех ярусов «возвышенность», «норма» — «разговорность». Она минимальна, так как в ней представлено по одному стилистическому месту из каждого из ярусов, и она слабая, потому что каждое из этих мест представлено одной лексемой. Но стилистический смысл «норма» может быть выражен не только смыслом «безделье», но и скажем, бездействие, пустое времяпровождение. Данная парадигма является словарной, т.е. закрепленной в языке. В речи возможно ее расширение за счет стилистического смысла «деструктивность», ср. балдение от «балдеть, «кайф» — «ловить свой кайф» и под. Предикатные имена «праздность» — «безделье», «ничегонеделанье» имеют общее в сигнификативном компонента значения: они называют состояние человека, который в течение некоторого (преимущественно длительного) времени не занимается полезным, с торчки зрения данного социумами регулярным трудом. В самом этом понятии заложена некоторая норма ничегонеделанья, принятая данным обществом. Так, поход в театр, в кино, на выставку, в гости, встреча с любимой, душевный разговор в норме не оцениваются как «ничегонеделанье». Здесь скорее имеется в виду отсутствие «полезного» труда в то время, которое предназначено для работы. Безделье в воскресенье скорее рассматривается как заслуженный отдых. Но нас интересует прежде всего; как стилистический смысл модифицирует сигнификативный компонент, как он его трансформирует применительно к его денотативному пространству. Стилистический смысл «возвышенность», как мы помним, бежит от обиходно-бытовой точки зрения и связывается с этическими, эстетическими категориями. Отказ от бытовой, узкосоциальной точки зрения ведет к осмыслению — вернее, переосмыслению самого понятия дела, полезного труда. «Праздность» не исключает, а скорее предполагает — в том стилистически однородном пространстве и в том возможном мире, который создается стилистическим смыслом «возвышенность», некое размышление, работу ума. Именно этот смысл отражен в пушкинских строках: я променял порочный двор Цирцей, Роскошные

пиры, забавы, заблужденья На мирный шум дубров, на тишину полей, на праздность вольную, подругу размышленья.» Праздность получает позитивную оценку, в поэтическом языке она вступает в семантические связи с такими словами, как лень (золотая лень), нега, что отнюдь не исключает вдохновения, ср. еще характерный пушкинский контекст: Цветы, любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой (Е. О.), сюда можно вставить «дольче фар ниенте», но не «ничегонеделанье». И «праздность» здесь неравна пустоте. Только в случае социального критерия (господская праздность) возникает негативная оценка. Между тем, «ничегонеделанье», связанное с обиходно-бытовым пространством, как раз и ограничивает понятие дела и труда до практического действия, поэтому «ничегонеделанье» как осуждаемое социумом состояние связывается только со знаком минус в системе ценностей. «Безделье (стилистический смысл «норма») может присоединяться к обеим точкам зрения, ср. «Часы любви, часы похмелья По прежнему ль летят на зов Свободы, лени и безделья» и «Твое постоянное безделье мне отвратительно». Характерно, что «ничегонеделанье» у Пушкина отсутствует.

В языке повседневного общения «праздность», «праздный» практически не используется, и именно отсутствие связи с ежедневным обиходно-бытовым пространством, с реальными картинками «ничегонеделанья» позволяет ему сохранить тот смысл, который оказывается накрепко связан со стилистическим смыслом «возвышенность». В книжной речи эти три имени, соединяясь, могут получить одинаковое определение, подчеркивающее полноту реализации: полная, абсолютная праздность, полное безделье, абсолютное ничегонеделание. Их синтагматическое соположение не связано с какой-то градацией по интенсивности, но скорее по нарастанию оценочного смысла, раскрытию «праздности». Так, писатель Билль-Белоцерковский так трактует понятие отдыха «в буржуазном представлении»: «... это — праздность, пустое времяпровождение... растительный образ жизни, абсолютное ничегонеделание».

2. Полная расширенная сильная парадигма: Страхиться (книжн.), опасться, бояться (норма), трусить, (устар.) труса праздновать, робеть, разг. дрожать, трястись, прост. дрейфить, книжн. трепетать. Парадигма полная, так как представлены стилистические смыслы «книжность», норма, разговорность, расширенная, так как в сниженном стилистическом ярусе представлены стилистические смыслы «разговорность» и «просторечность», сильная, так как один стилистический смысл (разговорность) представлен разными лексемами: дрожать, трястись, ср. также страхиться, трепетать. Лексикографическая практика нацелена на описание языковых единиц со стилистическим смыслом «норма». Члены стилистической парадигмы обычно описываются по отношению к нейтральному слову, и существует вообще точка зрения, в соответствии с которой сти-

листически маскированные языковые единицы могут пониматься только в соотношении с нормативным выражением. И далее члены стилистической парадигмы характеризуются в основном как дефектные, то есть как лишенные той или иной сочетаемости, либо имеющую иную модель управления (обычно — с меньшим числом актантов), сама же модификация смысла остается во многом неясной. Между тем при анализе СП важно понять именно это взаимное приспособление, с одной стороны, — стилистического смысла, а с другой — способа представления сигнификативного компонента, выбора смысла для «возможного» мира, создаваемого стилистической модальностью.

«Толково-комбинаторный словарь русского языка Мельчука и Жолковского» (Вена, 1984) дает следующее толкование конструкции X боится, что Y: (приводится с сокращениями) X находится в пассивно-отрицательном эмоциональном состоянии, вызванном тем, что X считает высоковероятным событие Y, нежелательное для X; при этом X не способен противодействовать Y; и X хочется поступить так, чтобы избежать Y. Допустим, что это толкование является справедливым, отметим очевидные различия в модели управления и сосредоточимся на двух моментах: кто этот X, который находится «в пассивно-отрицательном эмоциональном состоянии» и каков характер состояния, нежелательного для X и которого он хочет избежать. Пассажиры, боясь опоздать, спешили с чемоданами. — !Пассажиры, страшась опоздать, спешили с чемоданами. Врачи боятся того, что он не выдержит операции. — !Врачи страшатся того, что он не выдержит операции. !Я боюсь, не уехал ли он домой — !Я страшусь, не поехал ли он домой. В трех случаях мы видим, что книжный глагол «страшиться» требует каких-то иных высоковероятных и неприятных событий, чем глагол «бояться». Эти события не связаны с сиюминутными страхами и опасениями, в чем выражается «приподнятость над обыденностью». Напротив, вполне возможны контексты Боюсь смерти и Страшусь смерти, боюсь наказания и страшусь наказания. Говоря о субъекте «пассивно-отрицательного состояния, полезно привести такие контексты, как «Борис, Борис, всё пред тобой трепещет» (стилистический смысл «возвышенность», объект боязни — персона грата, ср. «Борис, Борис, все тебя боятся, дрейфят, труса празднуют», а также: Страшись, о рать иноплеменных, России двинулись сыны. Предполагаемый субъект страха, — не человек, не личность, а войско, названное в свою очередь возвышенным словом «рать», и здесь, конечно, неуместно ни «не бойся, не робей, не трусь, не дрейфь, о рать иноплеменных. И также в отношении к музе, «Веленью божьему, о муза, будь послушна, обиды не страшась, не требуя венца... Что же касается глаголов, связанных со стилистическими смыслами «разговорность», «просторечность», то они также дают модификацию исходной ситуации и её участников. Такая ситуация всегда конкретна, неестествен-

на !он всегда дрейфит, она связана с угрозой, с реальной опасностью для личности (обычна перфектная форма — «он сдрейфил») и само состояние представляется как самодостаточное: пассажиры, дрейфа опоздать, спешили с чемоданами, врачи дрожали (тряслись от страха), что больной не выдержит операции.

3. Неполная стандартная парадигма (минимальная). Друг может быть и приятелем, и корешом, и наперсником, т.е., существительное — имя лица разворачивает полную парадигму, но дружба может быть только дружеством или товариществом. То есть перед нами неполная минимальная стилистическая парадигма, в которой представлен стилистический смысл «норма» и стилистический смысл «возвышенность». То, что и дружество, и товарищество являются словами, редко употребляющимися (помета устар.), как раз способствует тому, что они могут стать носителями стилистического смысла, который квалифицируется как «возвышенность», реже книжность. Дружба Ани с Машей — план реальности, актуальных ситуаций, в которых разворачиваются дружеские отношения. Дружество Ани с Машей — в том ли дело, что перед нами устаревшее слово или также, а может быть и более всего в том, что дружество не предполагает в качестве своих актантов Аню и Машу. Дружба может быть тесной и прочной, крепкой и неразрывной, студенческих и военных лет, враги могут пытаться ослабить, а недоверие подорвать дружбу, но дружество представляет этот вид эмоциональной расположенности людей друг к другу как идеально соответствующее своему замыслу и потому не нуждается в специальных распространителях: Взгляните на него — не там, где каждый день Тщеславие на всех изводит ложну тень, Но в тишине семьи, под кровлею родною, В беседе с дружеством, под темною мечтою; О Дружество! Предай меня забвенью В безмолвии покорствую судьбам, Оставь меня сердечному мученью, Оставь меня пустыням и слезам (Пушкин). И чем реже употреблялось слово дружество, тем более естественным становится для него выражение данного стилистического смысла (прежде — искать дружества, но X принял его холодно, дружество зевало.

4. Неполная расширенная парадигма. Действие, обозначаемое глаголом стрелять, толкуется в Толково-комбинаторном словаре, исходя из следующей конструкции: X стреляет в Y в направлении к Л из В-а З-ом — «некто непосредственно делает то (каузирует), что специальное устройство мгновенно освобождает потенциальную энергию, которая заставляет (каузирует) объект лететь от одного направления (из одного места) в направлении к другому обычно с целью поразить Y. Этот смысл, с разной степенью содержательной (сигнификативной) близости может быть передан в русском языке такими глаголами, как бить, палить, обстреливать, бомбардировать, разг. молотить, долбить, прост. пулять, долбать, жарить, сыпать, чесать, садить, резать, строчить, поливать (последние три глагола

оцениваются как разг.), прост, ухать, махать, бахать, бабахать, трахать, жакать, ухать, междометными нормами бах! (бабах!) детск. пиф-паф, кх!-кх!, тах-тах-тах — и это, очевидно, ещё не полный список.

Таким образом перед нами неполная парадигма, так как в ней отсутствует высокий стилистический ярус, расширенная, так как в ней представлены два стилистических ранга из сниженного стилистического яруса и сильная, поскольку каждое из стилистических мест заполнено целым рядом лексем. Действие, обозначаемое глаголом «стрелять», относится к сфере физического воздействия, и его модификация стилистическими смыслами «возвышенность» и «книжность» оказывается неприемлемой. Зато поражает обилие глаголов, выступающих в переносном значении (ЛСВ) и своей внутренней формой демонстрирующих рефлекс непосредственного восприятия звука — его громкости, отрывистости, резкости кратковременных неприятных актов, причем они поданы как со стороны того, кто каузирует «неприятное» действие, так и со стороны воспринимающего объекта (в последнем случае подчеркивается плотность, сила поражения (молотить, долбить)). Здесь же разыгрывается и детский вариант, что мы в соответствии с нашей классификацией должны отнести к стилистическому смыслу «разговорность плюс специализация». Соответствующее денотативное пространство — «поле стрельбы» — детально разработано относительно глагола со стилистическим смыслом «норма» / стрельба, огонь, перестрелка, канонада, цель, мишень, боеприпасы, огневая точка, твердая рука, меткий глаз, мертвое пространство, оружие, прицел, мушка и т.п. — все это лексический фонд, связанный с нормативным выражением данного смысла. Напротив, для стилистически маркированных глаголов характерны безличные конструкции (что-то жакнуло, бабахнуло, ухнуло) либо конструкции с просторечным наименованием противника (немец сыпет, чешет, режет, строчит), отражающие позицию маленького человека на войне или в условиях стрельбы: это всегда конкретная ситуация, а не обобщенная, с неполной информацией (отсюда безличность) и даже с передачей некоего психического состояния идеологии снисхождения, приятия и одновременно возможной готовности к ответным действиям. Мы вновь убеждаемся, что языковая дефектность стилистически маркированных членов является мнимой: речь идет о модификации смысла под воздействием стилистических операторов, о его приспособлении к создаваемому этим оператором «возможному миру».

5. Неполная специализированная парадигма. Наша мымра (наш преподаватель) второй раз срезала меня на одном и том же — на этих проклятых стилистических парадигмах, которые я никак не могу выучить. Этот смысл (эта ситуация) толкуются в толково-комбинаторном словаре следующим образом: X, имеющий право проверить Y в ситуации проверки Z посредством специальных вопросов намеренно сделал (каузировал) то,

что Y обнаружил отсутствие нормы знаний по теме B и тем самым не выдержал проверку Z». Сема намеренности действий со стороны X входит в сигнификативный компонент, что и заставляет говорить об особом представлении ситуации по сравнению со стандартным «Преподаватель оценил знания студента как неудовлетворительные — не соответствующие стандарту. Для выражения данной ситуации, которая всегда конкретна, отнесена к актуальному жизненному миру говорящего, русский язык предлагает такие способы выражения, которые расцениваются как просторечные и несут элемент деструктивности (поскольку речь идет о нарушении некоей этической нормы по отношению к учителю): засыпать, подловить, завалить, утопить, зарубить, зарезать, посадить. Легко видеть, что внутренняя форма — глаголы физического действия в переносном значении называет конечный эффект, воздействующий на эмоциональную сферу, содержащий оценку. Данный смысл является настолько важным именно для повседневного обиходно-бытового пространства, что порождает и соответствующие конверсивы, срезаться, провалиться завалиться, засыпаться, «завалить, провалить географию» антисмысл — разг. вытянуть, антиконверсив прост. проскочить, соответствующее выражение эмоции — разг. здорово, ср. также безжалостно, безбожно срезал. Т.е. в данном случае мы видим денотативное пространство, которое проработано именно с включением стилистических операторов «разг.» «прост.». И эти возможности отражены в одноярусной расширенной сильной парадигме. Таких парадигм в русском языке насчитывается немало.

б. Аномальная парадигма. Такая парадигма предполагает, что некий смысл — объект, реалия, событие — представлены в языковой системе только под воздействием стилистических операторов, а нормативного выражения соответствующий смысл не имеют. Это противоречит первому правилу М. В. Панова, тем не менее такие парадигмы имеются, хотя их очень немного. Здесь важно понять, почему, в каких условиях они могут возникнуть. Если есть диалектное название растения, элемента рельефа, какого-то стихийного явления, и с другой стороны — его терминологическое обозначение, т.е. соединяются стилистические смыслы «книжность» плюс специализация и «просторечность», то возникает аномальная парадигма. Это возможно также, когда имеется техническое (терминологическое) обозначение предмета и его повседневное название, принятое в разговорной речи, ср. вантуз — прочищалка (последнее имя нестационарно). Нам хотелось бы также видеть соположение смыслов «возвышенность» — деструктивность. Однако в большинстве случаев такие соположения осуществляются через норму.

Ср. названия ветров. С одной стороны, есть противопоставление ветер — ветр (поэт). Для поэтического названия холодного северного ветра есть «борей» (у древних греков), аквилон (у древних римлян), для легкого теп-

лого ветра — зефир (Ночной зефир струит эфир. Шумит, бежит Гвадалквивир). Есть бриз, фён, муссон, пассаты. Но вот «свежак» — «ветер у берегов черного моря», сивер, сиверко — «северный ветер на севере Европейской части СССР, афганец и под. должны иметь и техническое обозначение типа зюйд-вест, норд-норд-ост и т.п. При этом местные названия ветров всегда оказываются богаче, так как называют характеристики ветра, связанные с ощущениями: горячий сухой пыльный ветер в Средней Азии (афганец), холодный порывистый сильный ветер у берегов Черного и Адриатического моря (бора). Заканчивая вопрос о формально-содержательной типологии СП, повторим основные положения:

20. Стилистические парадигмы в соотношении с частями речи.

1. СП (межсловные) — строевая единица стилистической системы языка, в которой находят выражение типы взаимосвязи стилистических смыслов, организующих стилистическую систему языка. СП есть вербальное выражение внутриязыкового стилистического многоязычия.

2. Стилистические операторы модифицируют языковое представление объекта в соответствии с тем «возможным миром», сигналом которого они выступают. Это находит выражение в сигнификативном компоненте значения, в характере референциальной соотнесенности, в сочетаемостных, в конструктивных свойствах. Члены СП могут различаться по всем названным признакам.

3. Полные СП представляют относительно небольшую группу СП. В них выделяются СП, состоящие из однозначных имен, назначение которых — служить каноническим выражением основного противопоставления стилистической шкалы «высокий ярус — норма — сниженный ярус».

4. Основной тип СП в русском языке — это неполные парадигмы, в которых сочетаются стилистический смысл «норма» плюс стилистические смыслы, относящиеся к сниженному стилистическому ярусу. Также распространены неполные парадигмы (специализированные), соотнесенные со сниженным стилистическим ярусом. В приоритете этих парадигм отражена национальная норма русского языка: сдвиг в сторону разговорности.

5. СП взаимодействуют с категориальным значением части речи, с семантическими классами внутри отдельных частей речи. Названия предметов, вещей, артефактов, природных реалий, названия растений и животных относительно слабо входят в СП. «Человек телесный» представлен систематическими парадигмами, называющими части тела. Имена пола, возраста, имена родства, названия лиц по профессии демонстрируют ограниченный спектр СП. Названия лиц исходя из качественной характеристики — та область, где сосредоточено максимальное число СП. Внутренне это понятно, так как именно качественная характеристика

провоцирует оценку. Отвлеченные (абстрактные) имена вовлечены в СП в объеме прежде всего тех ситуаций, которые провоцируют оценку. СП, называющие лиц по качественной характеристике, общеоценочные имена ситуации стремятся к расширенности, включений ЛСВ-имен в переносном значении, имеющих внутреннюю форму, которая становится базой для выражения субъективной оценки.

6. Предикатные имена (глаголы, прилагательные) по своей природе предназначены к характеристике (а не идентификации), т.е. к высказыванию некоего суждения о мире. Эта семантика предрасполагает к построению СП — называющих физические действия и состояния, ментальные характеристики, эмоциональные характерологические черты. СП глаголов физического действия, восприятия, того, что доступно восприятию органов чувств, а также глаголы речи, представлены в широком объеме как полными, так и особенно — неполными двухместными и одноместными парадигмами со сдвигом в разговорность (сниженный стилистический ярус), с яркой внутренней формой. СП наречий ограничено по сравнению с другими полнозначными частями речи. Наибольшую активность проявляет смысл, передающий лексическую функцию «в высокой степени» (очень, страшно, ужасно, до смерти и под.)

6. «Возможные миры» стилистических смыслов — это не замкнутые, изолированные друг от друга пространства, а постоянно общающиеся и взаимодействующие друг с другом. Можно назвать два основных типа использования членов стилистических парадигм: в стилистически однородном пространстве — языковом стиле, который порождается стилистическим смыслом / в стилистически разнородном пространстве, предполагающем постоянную перекодировку, подключение разных точек зрения. Это типовой случай повседневного общения, художественного, публицистического текста, мемуаров, записей и под. В этом случае члены СП могут вступать в непосредственные синтагматические связи, формировать текстовые цепочки. Первое название — либо стилистический смысл «норма» либо знак чужой точки зрения. (интродуктивная номинация). Дальнейшая характеристика предполагает варьирование, спор разных точек зрения.

Продолжение вопросов и ответов к части «Стилистика языка»

1. Особенности выражения стилистических смыслов лексическими средствами.

2. Стилистика и грамматика: представленность стилистических смыслов.

3. Морфологическая стилистика плана выражения

4. Грамматическая стилистика плана содержания и грамматика выразительности.

5. Проблемы фонетической стилистики.
6. Представленность стилистических смыслов на синтаксическом уровне.
7. Синтаксическая стилистика простого предложения: стилистически значимые характеристики
8. Стилистическая характеристика относительно независимых высказываний.
9. Стилистическая характеристика фразеологизированных схем простого предложения.
10. Формальная структура и семантика структурной схемы предложения как стилеобразующие факторы.
11. Трансформации грамматической основы предложения и объем парадигмы как стилеобразующие факторы.
12. Распространение простого предложения как стилеобразующий фактор
13. Порядок слов как стилеобразующий фактор.
14. Субъективно-модальные значения предложения как стилеобразующий фактор.

1. Особенности выражения стилистических смыслов лексическими средствами

По отношению к стилистической системе языковые единицы выступают как стилистические знаки. Носителями стилистических смыслов являются языковые знаки всех языковых уровней. Языковые уровни различаются по объему, качественной характеристике и другим параметрам в презентации стилистических смыслов.

Презентация стилистических смыслов на лексическом уровне находится в ведении лексической стилистики. Можно назвать следующие особенности презентации стилистических смыслов лексическими средствами: 1) лексический уровень является самым мощным в языке по объему стилистических знаков, вовлеченных в выражение стилистических смыслов высокого и сниженного стилистических ярусов; 2) лексический уровень является наиболее разнообразным по качеству стилистических смыслов и конкретным стилистических значений. Лексическими средствами передается информация о человеке, об условиях акта коммуникации, о языковой норме, о текстах (в случае фразеологических оборотов и крылатых выражений). На лексическом уровне передается информация об эмоции и оценке. Лексическими средствами передается параметр «архаичность — новизна»; 3) лексический уровень является наиболее мобильным в стилистической системе. Стилистические изменения, вызываемые внешними факторами развития языка (общественно-политическая ситуация, культурная ситуация, развитие науки, цивилизации, появление

новых аудио-визуальных и электронных средств общения) относятся прежде всего к лексическим стилистическим знакам; 4) для лексического уровня характерны многочленные стилистические оппозиции. Эти оппозиции формируют стилистические парадигмы, которые представляют собой строевую единицу стилистической системы на лексическом уровне.

2. Стилистика и грамматика: представленность стилистических смыслов.

Выражение стилистических смыслов средствами грамматических стилистических знаков относится к ведению грамматической или морфологической стилистики. Грамматический уровень языка не имеет той мощности выражения стилистических смыслов, которая характерна для лексического уровня. На грамматическом уровне почти не получают выражения стилистический смысл «книжность плюс специализация» и очень невелик объем стилистических знаков, передающих стилистический смысл «возвышенность». Для стилистических знаков со смыслом «разговорность» характерна регулярная представленность в узусе, но при этом они не рассматриваются как принадлежащие языковой системе. В русском языке имеется специальная часть речи — междометие, служащая для непосредственного выражения эмоционального состояния субъекта речи. Стилистические знаки других частей речи не передают ни эмоцию, ни оценку. Для стилистических знаков, маркированных по признаку «архаичность» характерна их удержание в языковом сознании благодаря художественным текстам, знакомство с которыми происходит во время школьного обучения. Стилистические знаки грамматического уровня отличаются относительной стабильностью, слабо реагируют на внешние факторы языковых изменений и опознаются прежде всего по отношению к норме. Для грамматической стилистики характерны не стилистические парадигмы, а преимущественно двучленные оппозиции (трехчленные стилистические ряды типа *самое* — *саму* — *самую* или *красивее* — *красивей* — *красивше* являются редкими исключениями.

3. Морфологическая стилистика плана выражения

К сфере грамматической стилистики можно отнести: а) морфологическую стилистику плана выражения, занимающуюся вариантными формами грамматических категорий; б) морфологическую стилистику плана содержания, занимающуюся стилистическим аспектом значений стилистических категорий; в) грамматику выразительности. Стилистическая вариативность показателей грамматических категорий представлена в русском языке достаточно широко, что находит объяснение в истории русского языка. Стилистические варианты имеются как у служебных, так и полнозначных частей речи, но как и в случае со стилистическими пара-

дигмами основная часть стилистических вариантов приходится на полнозначные части речи. Стилистические варианты имеются у существительных, прилагательных, глаголов, числительных и местоимений. У существительных стилистические варианты представлены в категории рода (*мозоль, овощ, шампунь* — в мужск. и женск. рода; *облако* — *облак, яблоко* — *яблок, повидло* — *повидла, пришел врач* — *пришла врач*); в категории падежа (в ед. числе у существительных мужского рода в род. и мест. падежах — *чашка чая* — *чашка чаю, в отпуске* — *в отпуску*; во мн. числе — в им. падеже у существительных мужск. и ср. рода — *снеги* — *снега, мичманы* — *мичмана, полотенца* — *полотенцы*; в род. мн. числа у существительных разных родов, а также у *pluralia tantum* — *помидор* — *помидоров, туркмен* — *туркменов, верховье* — *верховьев, башен* — *башней*; в тв. падеже мн. числа у двух-трех существительных женск. рода — *лошадьми, костями*). У прилагательных стилистическая вариативность связана с различием краткой, полной форм (*Ты глупая.* — *Ты глупа.*), с выражением сравнительной степени — *тихий* — *более тихий* — *тише*; с модификационным значением высокой степени признака — *красивый* — *красивейший* — *наикрасивейший* — *самый красивый* — *красивый-красивый*. Стилистическая маркированность притяжательных прилагательных проявляется в сопоставлении с именными сочетаниями (*мужнин кисет* — *кисет мужа, братнин тулуп* — *тулуп брата, старухина изба* — *изба старухи*). Стилистическая вариативность проявляется в вариантах спрягаемых форм глагола (*мяучит* — *мяукает, колыхается* — *колышется*), в формах пр. времени (*озяб* — *озябнул, высох* — *высохнул*), в формах наклонения (*выстави* — *выставь, не морщи* — *не морщь*), в деепричастных формах (*прочитав* — *прочитавши, глядя* — *глядючи*), в небольшом числе причастных форм. Стилистическая вариативность у числительных связана в первую очередь с косвенными падежами составных числительных. Яркими носителями стилистического смысла «просторечность» у местоимений являются формы с вставным «н» — (*с ней* — *с ей*), такие варианты как *их* — *ихний, ее* — *ейная, ср. также* — *евонное* — *евонная*.

4. Грамматическая стилистика плана содержания и грамматика выразительности.

Морфологическая стилистика плана содержания имеет дело с такими явлениями: а) переносное значение грамматической категории приурочено к тому или иному типу дискурса, и тем самым является носителем стилистического смысла. Таково, например, употребление настоящего в значении прошедшего в разговорной речи: *Иду я вчера по Кузнецкому и вижу*; б) значение грамматической формы осложняется дополнительным компонентом значения в функциональном стиле и тем самым становится носителем стилистического смысла, относящегося к числу доминантных в

данном стиле, ср. *Стеклянные емкости содержатся в деревянных ящиках* — в значении «должны содержаться», стилистический смысл «книжность плюс специализация» в том преломлении, которое характерно для официально-делового стиля; в) нормативная форма не претерпевает семантических изменений, но в силу преимущественного, либо частого употребления в конкретном функциональном стиле становится одним из стилистических маркеров данного стиля. В качестве примера можно привести форму ед.ч. существительных со значением множества или класса: *Сосна — хвойное дерево. Морфема — минимальная единица языка*. Для функциональных стилей в целом характерен отбор отдельных значений грамматических категорий, характеризующихся внутренней системностью и внутренней согласованностью друг с другом. Так, значению класса у существительных ед. числа в научном стиле соответствует вневременное настоящее (*Звуки языка делятся на гласные и согласные*).

В редких случаях стилистическое противопоставление в сфере грамматических стилистических знаков относится и к плану выражения, и к плану содержания. Такой синкретизм представлен в сфере глагольных форм: длительный или многократный вид — *хаживал, видывал, сиживал*, мгновенный вид — *стрельнул, гульнул, лажанулся*, ср. также междометные формы — *хлоп, бух, скок, хват*. Эти стилистические знаки являются носителями стилистических смыслов «просторечность», а также «деструктивность» и вместе с тем им не находится соответствия с точки зрения семантики среди нормативных глагольных форм русского языка. Другой пример — формы мн.числа у некоторых вещественных существительных, ср. *масла, мыла, нефти*. В нормативной картине мира такие формы невозможны, но они становятся носителями стилистического смысла «специализация», демонстрируя тем самым тот факт, что «специализация» это действительно точка зрения, допускающая особую концептуализацию внеязыкового мира.

К грамматике выразительности мы относим такие отступления от нормативных предписаний, которые не связаны со стилистической шкалой, а рождаются благодаря языкотворчеству и используют потенции языковой системы. Выразительные языковые средства чаще являются индивидуально-авторскими, но они могут быть присущи и определенному типу текстов. Так, для фольклорной традиции, для былин, сказок, в том числе и для литературных сказок характерна систематическая персонификация, когда *месяц, солнце, луна, море, ветер* олицетворяются и предстают как одушевленные личные существа. В таких олицетворениях находит отражение мифопоэтика коллективного языкового сознания. Индивидуально-авторские выразительные средства свойственны индивидуально-авторскому языку (идиолекту) и обретают системность внутри этого идиолекта. Грамматика выразительности, построенная на по-

тенциях языковой системы, характерна для авангардных поэтических идиостилей (Хлебников, Маяковский, Цветаева).

5. Проблемы фонетической стилистики.

Выражение стилистических смыслов на фонетическом уровне находится в ведении фонетической стилистики. По своему объему, т.е. по числу вовлеченных в передачу маркированных стилистических смыслов фонетических знаков, фонетический уровень является более слабым, чем грамматический уровень. Фонетическими средствами выражаются стилистические смыслы: «норма», «возвышенность», «книжность», «разговорность», «просторечность», «просторечность плюс специализация», «деструктивность». Фонетическими средствами ярко выражаются эмоция и оценка, причем главным средством выражения здесь служит интонация. В «фонетическом зеркале» отражается и признак архаичности и новизны. В эпохи нестабильности параметр новизны получает яркое выражение на фонетическом уровне, и здесь наглядным примером может служить период после 1985 года (падение престижа нормированного правильного произношения). Стилистические смыслы разнятся по отчетливости, по богатству выражения, их значимость непосредственно связана с кодификацией языковой нормы и с приятием языковым социумом кодифицированной нормы (заметим, что кодификация также важна и для грамматического уровня). Стилистические смыслы «просторечность», «возвышенность» «просторечность плюс специализация» носят характер инкрустаций, ярких вкраплений. Стилистический смысл «разговорность» являет себя в системных изменениях в произношении, связанным с устным каналом коммуникации. Диффузный, слабо описанный, хотя вполне опознаваемый облик, имеет стилистический смысл «деструктивность». Фонетическая стилистика имеет дело преимущественно с двучленными стилистическими оппозициями.

Носителями стилистического смысла «возвышенность» являются такие фонетические черты, как: а) (о) после мягких согласных перед твердым: (рёв) — (рев), что представлено в поэтическом языке, б) чередования: тожество — тождество, мечет — мещет, берег — брег, золотой — златой и «просторечность», что также характерно для поэтического языка, в) эканье как примета торжественно-философского звучания, что отмечал Р. И. Аванесов, г) отсутствие ассимилятивного смягчения согласных, ср. возвеличить, благоденствие, д) как знак сценического произношения и потому относящегося к высокому стилю выступает твердость согласного в прилагательных (твердый, ломкий, мягкий), д) особое произношение (отсутствие редукции) в некоторых словах, ср. поэт, сонет, ноктюрн. М. В. Панов проводит различие между «высокой произносительной окраской отдельных слов» и высоким стилем. Он пишет о

том, что слова одного произносительного стиля тяготеют друг к другу, а высокий стиль характеризует текст целиком, он более четко отграничен от нейтрального и разговорного; имеет значение такой, например, параметр, как «большой, открытый, круглый звук» в случае торжественного стиля. Когда же речь идет о «книжном» стиле произношения, подчеркивают такие черты, «ясное проговаривание» — «полный, строгий» стиль.

Приметами разговорного стиля являются, напротив, убыстрение темпа («скороговорка») и целый ряд явлений так называемой «неканонической фонетики», нормативной для узуса. Неканоническая фонетика характеризуется качественной и количественной редукцией гласных, редукцией согласных рядом с гласным, в некоторых сочетаниях (тада, када, хоит, ви-ит и под.), причем особенно часто фонетические преобразования происходят в часто употребляющихся словах. (ср. произношение таких слов, как человек, здравствуйте, сейчас и под.). М. В. Панов подчеркивает, что «фонетическая стилистика тесно связана с лексической и производна от неё». Кроме того, по его мнению, между разговорным и собственно нейтральным стилем «граница зыбкая и нечеткая».

Со стилистическим смыслом «просторечность» связывают такие явления, как черты старомосковского произношения (жара, шагать, верх, четверг, прачечная, булочная), черты диалектного произношения, а также фонетические искажения отдельных слов (иногда — типовых серий), неправильное ударение, причем нередко такое произношение относится к словам заимствованным (ср.: пиянина, ндравится, колидор, хи-мицкий, амирал, аминистратор, какава, радива, идиёт, истинк и под.)

Стилистика звучащей речи включает в себя и «художественно-выразительные разновидности произносительных стилей, что можно уподобить грамматике выразительности.

6. Представленность стилистических смыслов на синтаксическом уровне.

Презентация стилистических смыслов средствами синтаксиса находится в ведении синтаксической стилистики. Основные смыслы, которые здесь выражаются, — «книжность» и «разговорность». «Разговорность» связана с «внешним синтаксисом», обусловленным экстралингвистической ситуацией (как в разговорной речи — разные виды эллипсиса, особые типы бессоюзных конструкций, перебивы, недоговоренности) и системным, то есть наделенным стилистическим смыслом «разговорность» в любом типе дискурса. Для просторечия характерны отдельные специализированные конструкции, для стилистического смысла «возвышенность» — изысканные синтаксические построения (синтаксический период); синтаксис, связанный со смыслом «деструктивность» в целом характеризуется бедностью и упрощением.

Эмоция по большей части недифференцирована. Однако в ряде структурных типов, под воздействием семантики структурной схемы, лексического наполнения предложение или высказывание могут связываться с вполне конкретной эмоцией. Это можно сказать и об оценке. Во всех случаях и эмоция, и оценка могут уточняться и модифицироваться интонацией.

Говоря о признаке «степень архаичности/новизны», следует подчеркнуть, что синтаксис в целом характеризуется временным параметром «долгой длительности», то есть слабой подверженности изменениям. Бытовавшие в текстах XIX века конструкции удерживаются в дискурсе благодаря художественным текстам; особое значение имеют явления стихотворного синтаксиса, который в целом — и на современном — этапе — имеет ряд характерных черт. Вот некоторые примеры:

Синтаксические галлицизмы в первой половине XIX века: а) *что, буд-то, чтобы* плюс инфинитив: Думал быть с тобою неразлучен (Давыдов), Входя туда, я думал каждый раз видеть себя в подземном Плутоновом царстве (Бестуж-Марл.), Я полагала вас далеко от Москвы (пропущено «быть»), б) разнообразные несовпадения в лице: ...Маша... воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового (Дубровский); Потомок предков благородных, Увы, никто в моей родне Не шьет мне даром фраков модных И не варит обеда мне (Пушкин, Жалоба 1922), в) деепричастный оборот: Читавши о пирах наших в Кунцове, зависть моя доходила до бешенства (Письмо Д. Давыдова Вяземскому, 1815), г) назывные сочетания в середине предложения: Бежал от радостей, бежал от милых муз И — слезы — на глазах — со славою прощался (Пушк., 1817).

Другие архаизирующие конструкции: а) краткие и полные формы в совместном употреблении: Он глядит на лунный свет, Бледен и унылый (Жуковский, Светлана), И смертный злобный и лукав (Озеров), Краткая форма в им.падеже: Гробовщик пришел домой пьян и сердит (Пушкин), Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит... (Лерм.), при деепричастиях: Отец мой, будучи стар и хвор... не мог сам заниматься хозяйством (Булг.), б) *каков, таков* вместо *какой, такой*: Но как вы сюда попали: закричала дама: кто вы таковы? (Дост.), в) двойной винительный: нашел его окруженного нашими офицерами (Пушк.), Кассандру вижу я идущую смущенну (Озеров). г) соединение сочинительными союзами причастного оборота и придаточного предложения: Анюте досталась небольшая угловая комната, служившая первоначально чуланом и из которой дверь была во двор (Перовск-Погорельск., 1833). Таких архаизирующих явлений в синтаксисе очень много, их дальнейшее стилистическое бытие в жизни языка отличается от бытия вариантных, морфологических форм, ибо никак не поддерживается в современном сознании. Некоторые обороты

трудны для понимания (это все случаи нарушения синтаксической проективности, ср. Глафира Львовна в продолжение двух недель сделала ей два подарка: *Купавинской* фабрики платок и одно из своих шелковых платьев (Герцен), Видите ли, здесь *под крышею складываемый провиант* наших транспортов? (Бест.-Марл.), часть представляет стилистическую ошибку (как деепричастные обороты), часть по сей день составляет предмет неоднозначных решений (напр. Белинский была замечательная личность, Для старика была закон Её младенческая воля — согласование с подлежащим или сказуемым), и лишь некоторые синтаксические явления, уже исходно наделенные выразительностью, имеют яркую стилистическую окрашенность. Таковы например, периоды, характерные для различных разновидностей книжной речи или выдвинутые непосредственно перед личным местоимением приложения: Пора! Недостойный муж, недостойный сын отечества, омерзевший друзьям, самому себе, я только тягочу собой землю (Лажечн.), системно — в поэтической речи: Суровый славянин, я слез не проливал, Но понимаю их. Пушкин. Овидию, 1821), Не христианин и не раб, Прощать обид я не умею (Рылеев, 1824).

Выражение стилистических смыслов на синтаксическом уровне имеет неповторимую специфику и отличается и от лексического и от грамматического уровня. Здесь нет парадигм, как в лексике, ибо стилистические смыслы — это прежде всего различие книжности и разговорности. Вместе с тем внутри этих смыслов происходит очень мощное варьирование, так что число выборов имеет широкую амплитуду. Можно сказать, что исходным является противопоставление структурных схем (словосочетаний, простых, сложных предложений), сразу же вступающее в связь с другими признаками, характеризующими строевые синтаксические единицы.

7. Синтаксическая стилистика простого предложения: стилистически значимые характеристики.

Для того чтобы выявить стилистические качества и стилистическую маркированность предложений на уровне языковой системы, нужно охватить взглядом совокупность их возможных типов и посмотреть, какие факторы влияют на стилистическую характеристику. Данная совокупность строится из высказываний, принадлежащих речи и тексту и не опирающихся на структурные схемы, и тех, что строятся по структурным схемам. Первая группа характеризует речевое поведение говорящих или связана непосредственно с диалогом, с законами построения текста. Назовем здесь в качестве примера слова-предложения типа *да* и *нет*, слова приветствия и прощания *здрате* и *всега доброго*, вопросно-ответные *А? Что? Ну и что? — Ничего*. Все остальные (невопросительные) предложения делятся на свободные и фразеологизированные, а свободные — на двухкомпонентные и однокомпонентные. Вопросительные предложения

строятся на основе невопросительных либо имеют собственные синтаксические образцы. Вот примеры разных типов русских предложений: *Мальчик спит, Брату хочется уехать. Несчастья не случилось, Мальчик — молодец, Мальчик оказался находчивым. Мальчик счастлив. Его авторитет восстановлен. Друзья рядом. Задача — учиться. Ложь — это непротитительно. Быть в движении — естественное состояние для детей. Толстеть значит стареть. Жаловаться — не в характере мальчика. Надо создать в мечте волшебный мир. Всех жалко. Запасов наготовлено. Следов не видно. Масса гостей. Возражений нет. Ни звука. Ничего лишнего. Ни единой ошибки. Не о чем спорить. Светает. Зовут. Тишина. И шуму было, и слез было, и радости! Чаю! Чаю рады. Не пройти. Грустно. В доме натоптано. Нет чтобы убрать. Праздник не в праздник. Не до сна. Что за характер! Может ли это быть? Как с этим не согласиться? Что же, продолжать? Нет.* По совокупности этих примеров видно, что разные типы предложений вполне совместимы в одном тексте, и более того, последовательность высказываний стремится к тому, чтобы стать текстом.

Высказывания и предложения, построенные по разным структурным схемам, различаются по совокупности параметров. Относительно независимые высказывания — принадлежность речевого поведения. Они свойственны устной речи, диалогическому общению. Входя в сферу письменной речи — публицистического, художественного дискурса, они становятся носителями стилистического смысла «разговорность» и образцами для специальных художественных приемов. Структурные схемы различаются по семантике, по составу парадигмы, по способности к распространению, по возможности экспрессивных вариантов словорасположения, по выражению субъективно-модальных значений, по узуальному лексическому наполнению. В русском языке наблюдается противопоставление «правильных» и «дефектных» структурных схем, между которыми располагаются структурные схемы «дефектные» в том или ином отношении. Правильные структурные схемы (двукомпонентные и однокомпонентные) реализуют все или большинство трансформационных возможностей русского синтаксиса. Сами по себе они абсолютно нейтральны, и стилистические эффекты и маркировки в них создаются благодаря различным возможностям распространения, некоторым из маркеров субъективной модальности.

8. Стилистическая характеристика относительно независимых высказываний.

В текстах (особенно в диалоге) мы встречаем конструкции, лишь сигнализирующие о возможной схеме: «Безнадежен, — очень тихо сказал на ухо бритому профессор, вы, доктор Бродович, Оставайтесь возле него. Камфару? — спросил Бродович шепотом. — Да, да, да. — По шприцу? —

Нет, — глянул в окно, подумал — сразу по три грамма. И чаще». Такие синтаксические фрагменты интонационно завершены, могут включать показатели субъективно-модальных значений (частицы, междометия, вводные слова), могут иметь распространяющие словоформы, входить в сложное предложение, но они не соответствуют какой-то абстрактной схеме и не имеют парадигмы, регулярных реализаций. Это соответствует общей установке русского языка на то, что каждая словоформа знаменательного слова и неизменяемое слово могут стать высказыванием (но не предложением). Это черта диалогической речи и внутри неё это норма, а дальше они переносятся в другие, прежде всего художественные тексты, становятся средством внутренней диалогизации текста.

Вместе с тем в синтаксисе русского языка присутствует целая совокупность типов относительно независимых высказываний, не соответствующих грамматическим образцам. К ним относятся: формы представления (вводят предмет речи, мысли, повествования) и формы называния, слова-предложения, указательные высказывания. Стилистическая характеристика этих типов определяется их предназначением и сферой употребления.

Формы представления, или представляющие формы: Любить... Но кого же? (Лерм.), О, этот Юг, о, эта Ницца! О, как их блеск меня тревожит! (Тютч.) Ах, моя чахоточная панна! Маленького зальца воздух спертый! (Самойлов). Возможно введение в текст с помощью союзов *и, а, но, или*: Но смерть... но власть, но бедствия народны... (Пушк.), И эта несчастная, милая, погубленная лошадь... — Ааа! — что я сделал! — прокричал он. И проигранная скачка! (Л. Толстой) В этой роли — инфинитив, им. п., косвенные падежи, для обозначения предмета мысли, внимания, воспоминания. Скрытая оценка, эмоциональное отношение.

Формы называния: Интеллигент — что это значит? Грипп — откуда? Нет эмоциональной окраски, скрытого отношения к называемому. Газетные заголовки. — косвенные падежи, пространственные, временные определители, в художественном тексте: Под Одессой, в светлую теплую ночь конца августа. Шли, гуляя по высоким обрывам над морем (Бунин). Формы представления и формы называния — текстовые формы.

Слова-предложения: а) слова-предложения — утверждение, отрицание, уверенность, согласие, несогласие. — в диалоге: *Да, Нет, Конечно, верно, Ладно, Хорошо, правильно, Точно*. Специализация: *Так точно, Никак нет, Есть!, Заметано, Щас, Ага, Угу, Окей!* и пр. б) приветствия и ответы на него, пожелания, просьбы, поздравления и ответы на них, дифференциация этикета, социальная, возрастная детерминация *Здрате, Привет, Чао, Наше вам с кисточкой, Здорово, Давно не виделись* и пр. в) слова волеизъявления, призыва к действию, вниманию, команды: *Марш! Цыц! Тсс! Ау! Алло! Брысь!*, в) выражение различных чувств, эмоций, эмоционального

отношения и реакций: Ах! Ух! Фу! Ура!, Вот это да!, Ну! И ну!, Ну и дела!, г) выражение общего вопроса, ответа на него: А? Что? Ну и что? — Ничего. Неужели? Разве? Действительно? Правда? Ах так? Вот как? Как же так? А вот так. д) звукоподражания и звукоподражательные призывы животных: Апчхи! Брр! Ту-ту! Ку-ку! Тук-тук-тук! Кис-кис-кис!, д) изолированные — обращения- призывы: Мама! Ребята! У слов — предложений возможны распространения: Марш отсюда! Брысь отсюда! Ну тебя! Спасибо вам за все! и пр.

Указательные высказывания — а) им. пад. с вот и, вон и: Вот и твоя невеста! А вот и Оля! Вон она Вот и Петя! и пр., также и с высказываниями: Вот и Ваню привели, Вот и Катя идет! Вот серый старый дом... Теперь он пуст и глух (Некр.); б) заголовки и названия: кинофильм «Калина красная», Опережая время, Когда деревья были большими, Мастер и Маргарита.

Слова-предложения — выражают речевые акты, непосредственные эмоции, речевое поведение. Все они маркированы по сфере употребления и являются носителями стилистического. смысла «разговорность». Таковы и указательные высказывания, которые уже своим названием говорят о непосредственной ситуации восприятия. Это же можно сказать об употреблении словоформ и неизменяемых слов в диалоге. Относительно независимые высказывания не используются в функциональных стилях — научном, деловом, они модифицируют свое значение, превращаясь в специальный прием в жанрах публицистического дискурса (репортаж, очерк) и особенно в художественном. дискурсе, где независимо употребленные, на правах высказывания словоформы становятся сигналами особых структур: именной темы, внутренний диалог, воссоздание непосредственной ситуации. Наличие заголовка — это норма для определенных видов текста, и в рамках возможностей, предоставляемых языком, действует постоянно обновляющаяся риторика заголовка.

9. Стилистическая характеристика фразеологизированных схем простого предложения.

К фразеологизированным относятся предложения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой». Общие черты фразеологизированных схем: дефектность парадигмы и преимущественное использование в одной форме, вследствие чего они и воспринимаются как устойчивые; принадлежность к личной сфере говорящего преимущественно — ориентированность на конкретную ситуацию; вопреки утверждениям грамматики лексический состав — бытовая лексика, предназначенная для описания обиходно-бытового пространства. Стилистический смысл — разговорность, выражение «национальной ментальности». Абсолютное большинство маркировано по эмоциональному ком-

поненту, иногда оценка, конкретизация эмоции и оценки возможна в связи с общей семантикой фразеологизированной схемы, однако и в этих случаях интонация может модифицировать и эмоцию, и оценку. Для этих схем не характерны или невозможны эллипсис, а также инверсия.

Фразеологизированные схемы, или синтаксические фразеологизмы, могут строиться с союзами, с предлогами, с частицами, с междометиями, с местоименными словами. Выделяются членимые подтипы (когда можно выделить член предложения, по форме совпадающий с подлежащим) и нечленимые.

Примеры фразеологизированных схем с их кратким описанием.

Предложения с союзами: а) членимые — *Люди как люди, Неделя как неделя, Обед вышел как обед* (имеют формы синтакс. индикатива, сослагат. условного, желат. накл.: *Будь обед как обед, был бы обед как обед*); без форм изменения: б) нечленимые: Нет чтобы помолчать, *Нет бы помолчать*, с эллипсисом — *нет сесть, отдохнуть*, неодобрение по поводу неосуществления того, что было бы целесообразным).

Предложения с предлогами: а) членимые — *Праздник не в праздник* (наст. прош. буд. и сослаг. накл.), *Ему и сон не в сон, и жизнь не в жизнь*, предмет лишен своего обычного позитивного содержания, б) нечленимые (синт.инд., условн. и сослаг. накл.) — *Мне не до разговоров, Кому-то должно стать не до смеха* — состояние неприятия, нежелания, несвоевременности чего-л.

Предложения с частицами: а) членимые — *Вот голос так голос! Вот был мастер так мастер!*, высокая степень признака, наст.прош.буд вр. и сослаг. накл. *Вот урод так урод!*, могут входить указательное слово, собственное имя: *Вот наш Ваня мастер так мастер!*, также *Вот придумал так придумал!*; согласие, принятие действия, состояния: б) нечленимые — *Ехать так ехать*.

Предложения с междометиями: а) членимые — *Ай да плясун (этот приятель)!, Ай да молодец!*, — оценка положительная, *Ах она плутовка! Ах он разбойник! Ох ты разбойник! Эх вы обманщики!* — выражают экспрессию вообще, отрицательная, ироническая оценка, б) нечленимые — с междометием *ох (уж), ах (уж): Ох (уж) эти мне помощнички! Ах уж эти нам родственники!*. Предложения с акцентирующими местоименными словами, три типа — членимые, четыре — нечленимые. Членимые типы: а) *Всем пирогам пирог!* (превосходство предмета над всеми подобными, без распространения), б) *Чем он не жених!* (полное соответствие предмета представлению о нем), в) *Что за характер!* — оценка (положительная либо отрицательная), распространение — *Что у тебя за вид!, Что за характер у тебя сделался!* Нечленимые типы: а) *Есть куда пойти, Подросла старшая дочка, стало с кем малышей оставлять*, б) *Кто как не он поможет!, Кому как не ему идти!, С кем как не с ним мне посоветоваться!* (ак-

центрированное утверждение целесообразности действия⁰, в) *Что мне! Соседу-то что! Что ему до меня!* (несущественность, неважность чего-л. для кого-л.), аналогичное значение предложений с подлежащим: *Служба что. Что твоё жалованье! Не надо его совсем,* г) *Только и разговоров, что о быстро наступившей зиме., Только и радости, что..., У них только и дела, что разбирать заявления!*; (абсолютное преобладание какого-л. действия или состояния); *Всего и дел!, Всего и денег!* — наличие чего-либо в малом количестве. Предложения с родительным падежом представлены в вопросно-ответных конструкциях: Что здесь хорошего? Хорошего здесь только то, что она с ним не осталась, ср. также Замечательного в этом саду только то, что он очень большой.

10. Формальная структура и семантика структурной схемы предложения как стилиобразующие факторы.

А. Начнем с однокомпонентности / двухкомпонентности. В принципе однокомпонентные схемы уже представляют собой некоторое отклонение от «правильного» предложения, поэтому от них можно ожидать стилистической выделенности. Вспомним основные однокомпонентные схемы: *Рассвело (Наступил рассвет), Стучат в дверь (Кто-то стучит в дверь), Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Народу! Цветов! Чаю! Врача! Ему рады! Молчать! Хорошо! Грустно! Натоптано! Закрыто.* По этим примерам видно, что маркированы стилистически те схемы, которые наиболее удалены от «предикативности», то есть все именные, и инфинитивная схема «Молчать!». Таким образом, двухкомпонентность / однокомпонентность действует в сочетании с признаком: способ выражения предикативной основы.

Б. Семантика структурной схемы. Чем более обобщенным является значение структурной схемы, то есть чем больше ситуаций она в принципе может охватить, тем более она стилистически нейтральна. Например, семантика схемы N — Vf такова: «отношение между субъектом и его предикативным признаком — действием или процессуальным состоянием» является абсолютно открытой. Форма и значение в предложении тесно связаны. И когда общая семантика начинает под влиянием разных факторов конкретизироваться, семантический фактор начинает быть значимым. Так, двухкомпонентные схемы без спрягаемой формы глагола делятся на имеющие лексические ограничения и не имеющие их. К последнему типу относятся изолированно употребленные предложения типа *Ни звука, Ни души, Ни строчки, Ни рубля, Ни кусочка хлеба* место род пад. могут лишь такие сущ., которые называют единичный предмет, воспринимаемый зрением и слухом. Тогда и семантика становится более узкой: «несуществование, отсутствие потенциально неединичного субъекта», что влияет на реальное бытование таких предложений — в повседневном

языке, в поэтическом. В схеме Ничего нового, Никого знакомых, стилистически маркирован тип с Никого. Другой пример — безличные предл. (схема V fin 3s.) В них представлены глаголы, называющие состояние внешней среды (Дует, Морозит, Снежит), состояние живого существа (Знобит, Не спится, Не пьется), конкретное действие (Телегу трясет). Отсюда — принадлежность к языку повседневного общения.

11. Трансформации грамматической основы предложения и объем парадигмы как стилеобразующие факторы.

А. Средства выражения грамматической основы предложения, координация главных членов. Значение этого признака можно показать на примере схемы N1 — Vf. *Лес шумит* — норма. Некоторые примеры стилистического варьирования: а) выбор сказуемого — варьирование в пределах нормы: *работал строителем — как строитель — в качестве строителя, книга выпускается брошюрой — как брошюра, в виде брошюры*; б) принимать участие — участвовать, проявлять интерес — интересоваться, производить осмотр — осматривать (аналитические конструкции — книжность, офиц.-деловой, научный стили, в) сочетание двух глагольных форм типа *стоит не шелохнется, звонит-надрывается, бьет не жалеет, бегу напишу письмо, мешает стоит, смотрю сию телевизор* — «разговорность», с фразеологическим оборотом — *он будто с ума сошел*, г) подлежащее — инфинитив: *У тебя закурить есть?*, компаратив или неизменяемое прилагательное: *Есть поумнее тебя, Нашлись половчее (непринужденность, экспрессивность)*, д) колебания в координации главных членов: *Двое не явилось — Двое не явились, Приезжают семеро / Приезжает семеро*. Форма ед. числа обычна в нераспространенных предложениях с препозицией сказуемого, с уже определенным субъектом — всегда множественное число — Все трое отстали. Колебания имеются и при подлежащем — численном сочетании с зависимым родительным падежом: *Двое учеников пришло / Двое учеников пришли, Горело две лампы / Горели две лампы*.

Б. Редукция или распространение грамматической основы. (полные — неполные реализации). При этом имеется в виду неконситуативно обусловленная неполнота, представленная в репликах диалогических единств (*Кто опоздал? — Ученики*) и характерная для устной речи. (эллипсис) и системная неполнота.

Приведем примеры системной неполноты. Двусоставная схема V fin/N. Пропуск подлежащего — личного местоимения 1-го и 2-го лица. Здесь есть несколько случаев. Во-первых, это как раз, конситуативная неполнота, характерная для повседневного языка — *Хочу в библиотеку. Знаешь расписание?* Во-вторых, это стилистически маркированный пропуск местоимения 1-го лица в поэтических текстах: *Хочу воспеть свободу мира,*

На тронах поразить порок, Люблю тебя, Петра творенье. В третьих, это пропуск 1-го л., характерный для официально-деловых документов (приказы и распоряжения). Приказываю, Настоящим заявляю, Объявляю Вас мужем и женой. пойти после лекции. Далее — это особое значение, называемое обобщенно-личным (действие и состояние, приписываемое любому субъекту: Чужую беду руками разведу, Посмешишь — людей насмешишь, в нарративе в худ. текстах: Затопишь печку, сядешь у костра, задумаешься о чем-то и обо всем забудешь. Интересно, что в побудительном наклонении стилистическая характеристика обратная: норма — пропуск, а присутствие местоимения может иметь разные стилистические оттенки — логическое подчеркивание, противопоставление: Вы стойте здесь, а я там, смягчающий оттенок — Вы не волнуйтесь, все будет хорошо. Вообще *Вы* при вежливом обращении сохраняется. Нет пропусков в деловом стиле, в официальной речи: Читаю. Идем. Пишешь. Бежит. Эллипсис сказуемого в той же парадигме — сказуемое значение появляется у распространителя: глаголов со значением сообщения, речи.- Я о деле, Опять ты про старое, у глаголов. со значением движения, конкретного действия, — Я к тебе, Мы на работу, Я спать, Дочка от матери ни на шаг, побуд. Быстрее, Ко мне За доктором!, у глаголов со значением наличия, появления — В семье ссоры редко, В классе новички не часто, с фазовыми глаголами со значением начала и продолжения — Вся операция — пять минут, Лекция в семь. В разговорной речи представлены и другие эллипсисы. многие другие эллипсисы.

В. Объем парадигмы и способы выражения отдельных членов парадигмы. Здесь имеют значение признаки: полная — редуцированная парадигма, частота употребления, формы реализации отдельных членов парадигмы. Надо сказать, что субъективно-модальные частицы и междометия ограничивают парадигматическое изменение(нет желат., побуд., долженств. наклонений), ср. Уж и пишешь ты!, Эх и покатили наши мальчики!. Стилистически маркированы отдельные формы условного и побудительного наклонений (Упади здесь с парохомом человек — и поминай как звали, Бабье лето, бабье лето, Заблудился холод где-то. Пронесись его пора Мимо нашего двора; Да не иссянет грома клокотанье И солнечная песенка шмеля).

12. Распространение простого предложения как стилеобразующий фактор.

Здесь важны признаки: способность к распространению, обязательный характер распространителя, формальные организации распространителей, их вариативность, их семантика. Мы вторгаемся тем самым в синтаксис и стилистику словосочетаний. Из разнообразных явлений, здесь наблюдающихся, отметим системную неполноту сл.-соч. (дать кому-н. книгу

почитать — Интересная книга, дай почитать, Девочки лягут в гостиной, а Александра Игнатьича вниз к барону), повторение предлогов: К нему первому подошла, Перекрещусь — и тихо Тронусь в путь По старой по дороге по Калужской. Из множества явлений, связанных с распространением предложений, отметим те, что являются стилистически значимыми. Среди тех явлений, которые называются «особые функции распространяющих форм» — а) дательный этический (формы род. и дат. личных местоимений): Ты у меня смотри не озорничай, Не прикидывайся ты мне идиотом, б) согласуемые приименные распространители при личных местоимениях: Мне видишься опять — Язвительная — ты (Белый)определители, в) несогласуемые при местоимениях — в газетной, публ., разг. речи: Мы в городе птиц не слышим, Мы в редакции обсудили эту статью, ср. еще характерные именно для предложения распространения: Он такой хороший, какая умная, вы кто-нибудь сходите, они кто-то берутся сделать, Их никого не знаю, Вас никого не было, Я уже тринадцать лет никуда не выезжал за границу; повторение предлога при обоих местоименных словах:Что у вас у всех за манера, у всех у них было одно убеждение (газ г)распространяющий инфинитив в инициальной позиции — *Порядок навести — никто пальцем не пошевелит*. Напомним, что простое предложение распространяется за счет детерминантов, формирующих элементарные компоненты семантической структуры предложения (субъект, объект), и обстоятельственных детерминантов. Кроме того, предложение может распространяться за счет обращения. Для всех форм распространения простого предложения и для членов, составляющих грамматическую основу в ряде структурных. схем, открываются следующие возможности: а) однородные члены, то есть ряд словоформ, синтаксически не подчиненных друг другу. Однородные члены могут быть союзными и бессоюзными, включать зависящие от себя словоформы, быть открытыми и закрытыми рядами (В саду растут яблони, груши, сливы — В саду растут яблони, груши и сливы). Здесь начинается дальнейшее ветвление, ибо такое распространение возможно одновременно у разных членов предложения. Так мы вступаем в область книжного синтаксиса: собственно говоря, уже само распространение предложения, заполнение всех его валентностей означает обдуманность высказывания и, следовательно, указывает, на стилистический. смысл «книжность». Текст, состоящий из нераспрстраненных предложений., оценивают как имеющий бедный, упрощенный синтаксис — или это особая худ. установка, ср. тексты Хармса, Довлатова. Имеет значение союз, его повтор, ср. Долго сказывал он сказки про лису, про колобок, Да про квакушку-лягушку, Да про мышкин теремокПролису про колобок (Плещеев), б) так называемое пояснение — Приходите в среду, то есть послезавтра, Дарья Михайловна считала перезд на лето в деревню необходимым для детей, в особенности для дево-

чек (включение), приду завтра, в семь часов (уточнение). Стилистическая маркированность создается характером союза (прост. то бишь, устар. Сиречь), характером конструкции и, в зависимости от этих признаков, самим объемом пояснительной конструкции (ср. конструкцию с обобщающими словами — пояснение становится приметой книжного синтаксиса. в) конструкции со сравнительными союзами (В очах, как на небе светло, В душе её темно, как в море, — Лерм., д)обособление и обособленные обороты (обособляться могут распространители главных членов предложения, детерминанты, распространители распространяющих членов предложения). Среди них — полупредикативные обороты (деепричастные и причастные, препозитивные и постпозитивные), субстантивные (Вечный бродяга, он нигде не останавливался надолго) и постпозитивные Каска скрывала складки в углах рта — беспощадный знак прожитых годов), адъективные (Очередь, серая, каменная, была несокрушима, как греческая фаланга (Ильф и Петров), поясняющие обороты — (Он был, в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях). В таких случаях встает вопрос о знаках препинания, что само по себе говорит о книжности. Но главное — распространение предложение предполагает, что человек «видит «его облик в целом, учитывает нормативный порядок слов, возможности его варьирования, Это доступно только письменной речи, возможности вновь взглянуть на высказывание, перечесать его. Отсюда и стилистический. смысл «книжность»».

13. Порядок слов как стилеобразующий фактор.

Сначала — общие положения. В стихотворной речи и в устной речи порядок слов более свободный. Порядок слов связан с коммуникативной задачей и, соответственно, с актуальным членением предложения. В зависимости от актуального членения выделяются коммуникативные варианты предложения (Студенты третьего курса (тема) уехали в экспедицию (рема) / Студенты третьего курса уехали — тема, в экспедицию — рема. Это — норма, то есть порядок слов выступает формальным средством выражения актуального членения предложения. Вместе с интонацией возникает коммуникативная парадигма предложения. Нормой являются и коммуникативно нерасчлененные предложения. Существуют закономерности нейтрального словорасположения. Стилистически значимыми являются так называемые экспрессивные варианты, например. перестановка темы и ремы (Жаркие были бои!), при этом соотношение темы и ремы остается прежним. В экспрессивных вариантах рема всегда выделяется сильнее. Перестановка компонентов предложения или словосочетания, при которой слово, сосредотачивающее на своем ударном слоге интонационный центр, перемещается с конечного положения в предложении или синтагме есть инверсия, ср. Улица пустая вообще производит ужасное

впечатление (Булг.), С первого взгляда становилось ясно, что это покой мертвый, Затягивает тина морская белых ночей решето (Леон.), Все краски гладко слизаны и полиняли нежно(Серг.-Цен.). В разговорной речи систематически представлена препозиция интонационно выделяемого компонента (Черный есть хлеб в буфете, Интересную мне сегодня принесли книгу). В стихотворной речи — а) постпозиция прилагательного. так же нормальна, как и препозиция — Но лето быстрое летит, Настала осень золотая (Пушк.). Конец строки — интонационно. сильная позиция, б) прилагательное — в обрамлении существительных. — Звонкою дорогою морской, Весенним заморозком чутким, в) дистантное расположение. — А перед ним Воображенье Свой пестрый мечет фараон, г) препозиция зависимой падежной формы, чаще всего — род.п.сущ. — Увяданья золотом охвачен, Лесов и нив уединенье, специфичные конструкции — На тусклом озера стекле, И крепко, крепко наши спали Отчизны в роковую ночь (Лерм.), д) постпозиция наречия — В меня все близкие мои Бросали бешено камня, е) подвижность компонентов внутри глагольного словосочетания; Я — Гамлет Холодеет кровь, Когда плетет коварство сети. (Блок).

14. Субъективно-модальные значения предложения как стилеобразующий фактор.

Модальность — отношение говорящего к сообщаемому или к действительности. Объективная модальность — синтаксическая категория (значения реальности и ирреальности). Субъективная. модальность — отношение говорящего к тому, что он сообщает, ср. Дождь — Дождь!, Кажется, дождь, Ну конечно, дождь, Вроде бы дождь, Ну и дождь, Уж и дождь!, Дождь не дождь, а идти нужно; Дождь-то дождь, но тепло Два вида модальных значений: а) оценочно-характеризующие, напр. Вот это дождь так дождь — субъективная оценка плюс интенсивность, Дождь и дождь — субъект. оценка плюс длительность, б) собственно оценочные значения Все фразеологические схемы. наделены оценочной модальностью. Средства выражения субъект модальности: а) лексически (глаголы, краткие прил., предикативы) — можно, нельзя, надо, нужно и пр.: Тебе не следует ходить туда — ты не должен ходить туда — Не ходи туда. Это норма. б) специальные синтаксические конструкции, то есть синтаксические. фразеологизмы, в) соединения словоформ: читать-то читаю, знать не знаю, ведать не ведаю, Брать берете, а на место не кладете, рад не рад, шалаш не шалаш, попадья – не попадья, горе-то горем, Она, Дуся-то, смирная-смирная, да только до поры до времени, Кому-кому, а мне напишет (свободные, то есть употребляющиеся в относительно независимой позиции и как часть сложного предложени); поедом ест, пропади все пропадом, черным-черно, белым-белешенек, ждет не дождется, заняты-перезаняты,

дурак дураком, взял приехал, Удавлюсь вот возьму, знает болтает, знал гнул свою линию, Поди верь тут ученым (несвободные соединения); пропаду так пропаду, Домой так домой поедем, мне все равно, Утром так утром, Вот был плотник так плотник!, Глупа и глупа, не впервой мне это слышать, Стал рассказывать, где и где он побывал, куда и куда еще поедет, бывают встречи и встречи, На все есть манера и манера, Хорошо-то оно хорошо, Бог-то бог, да и сам не будь плох, Дети на то и дети чтобы шуметь (свободные соединения с союзами и союзными частицами, то есть лексически неограниченные); Возьму вот и продам завтра квартиру, Взял старик да вдруг и умер, С бабушкой они только и делали что играли (несвободные с союзами и частицами), г) повторы: бежит-бежит, туман-туман, Сажу я и жду-жду, И в ту же минуты по улицам курьеры, курьеры, курьеры (Гог) — бессюзные, с сотответствующей интонацией, постоял-постоял и пошел, Похожу-похожу и лягу, Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет (бессюзные), Крики и крики — и больше ничего!, Один да один, Строгость, строгость и строгость (Гог.), степь да степь кругом, за ним нужен глаз да глаз, не сомневайтесь, женитесь, женитесь и женитесь (Толст.), Пристал:купи да купи, помаленьку да помаленьку (союзные), д) словопорядок, с интонацией: Поедет она с тобой!, Нужен ты мне!, Мать — и та не понимает!, е) модальные частицы с разными значениями: непосредственные модальные реакции: Отвечай же!, Да отвечай же!, Чудак, ну, чудак!, Тоже мне друг! Так я и поверил!, Будто не знаешь, съезжу-ка я в Москву, Сем-ка я, подумал Чичиков, — сыграю с ним в шахматы (Гог.), волевые проявления: Не ходи, давай я схожу, Вот только дай пройдет это тяжелое время, указание на высокую степень признака: Ну и умен!, То-то весело!, Дождь так и хлещет!, глядь и явился, хватъ и приезжает, указание на характеристику сообщаемого по его связям и отношениям или по отношению к источнику сообщения плюс эмоциональная реакция: обидел и еще смеется, так и не согласился, ты его видел, он еще в «горбушке выступал, еще рыжий такой (разг.), Все ты виноват, Извинись, ведь ты неправ, Он де (мол, дескать — прост.) не виноват, Его зовут, а он идет себе, не колышется, знай себе насвистывает; указание на протекание во времени: едва не умер, того и гляди явится, Он на меня чуть было не упал. В функции модальных частиц могут выступать глагольные формы (смотрите не опоздайте, смотри не шуметь у меня в классе, Учительница называется, Я его не знаю как уважаю, считай что договорились, откуда ни возьмись — прискакала сорока, не сказать чтобы характер у нее был ангельский), наречия и наречные образования (хорошо нашли замену, а если бы нет), Хорошо я тогда дома оказалась, он далеко не так глуп, как кажется, не иначе как дождь, устал? Ничего не устал, в) функцию выражения субъективно-модальных значений могут выражать согласуемые слова с соответствующими лексическими значениям (высокая степень, полное соответст-

вие/несоответствие), Какая там посылка, какой там сан, Какое отдохнул, Никакой он мне не друг, Самое время поспать, А когда же детей учить? Теперь самое и учить; сущий ад, подлинный рай, такой веселый; е) построения с междометиями: все фразеологизированные структуры; инициальные и неинициальные междометия, синтаксически связанные с предложением в целом или с каким-то его членом: с сущ.: Эх, молодость, молодость, Ох, деньги, деньги, Устал я, ох устал, Вернуться тебе будет нелегко, ой, нелегко; вместе с частицами: Ох и потеха же была, Эх и народ же кислый, в сочетании с местоименными словами: Сердце ой-ой как колотится, Ух, как больно, Ох как грустно, сюда же — инициальное просторечное эк (эка) — Эк тебя разнесло, эк его заливаается, эк их поскакали; глагольные междометия хлоп, бац, хватъ, отыменное междометие *раз*, выступающие в функции междометия здрасте, пожалста, звукоподражания в интонационно обособленной позиции: Гостей полон дом, а она — фить — улетела, А тут — хлоп — и вот она, книжечка, Мы ищем, жаждем ролей, и тут — здрасте пожалста — приходит, приносит пьесу, в которой действует мальчишка!, ж) вводные слова, вводные сочетания, вводные предложения: *напоминаю, повторяю, поверьте, к стыду моему, лучше сказать, кроме того, к тому же, по слухам, как слышно, по крайней мере, как это случается* и др. Возможно соединение разных средств субъективной модальности, совпадающих и не совпадающих по значению Пойди попробуй, как же, найдешь его (Маяк.); Он уж теперь чай думает, что он чуть-чуть не Шекспир (Гог.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы и ответы к вводной части курса по стилистике: «От языкознания к стилистике. Вклад научных парадигм XX века в развитие стилистики.

1. Вклад Шарля Балли в формирование структурной стилистики.
2. Стилистическая система как коннотативная система в понимании Луи Ельмслева.
3. Определение стилистики языка и стилистики речи в структурной парадигме.
4. Понятие оппозиции и её использование в структурной стилистике.
5. Стилистическая парадигма в концепции М. В. Панова.
6. Вклад интертекстуальной парадигмы в развитие стилистики: эстетическая концепция языка Л. Фосслера.
7. Соотношение коллективного и индивидуального в развитии языка и его стилистической системы: роль Пушкина в формировании русского литературного языка.

8. Язык художественной литературы как объект стилистики: историко-филологический подход.

9. Язык художественной литературы как объект стилистики: интертекстуальный подход.

10. Язык художественной литературы как объект стилистики: структурно-семиотический подход.

11. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: теория высказывания и теория речевых жанров.

12. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: теория диалога.

13. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: типология межтекстовых связей.

1. Вклад Шарля Балли в формирование структурной стилистики.

Соссюр определил язык как «систему знаков, выражающих понятия».¹ Системность языка легла в основу его дальнейшего изучения. Ученик Соссюра французский исследователь Шарль Балли впервые выдвинул представление об особой стилистической системе языка.² Ш. Балли исходил из того, что в процессе общения говорящий «не только придает мыслям объективную рассудочную форму», но и сопровождает свою речь выражением определенных эмоций и самой формой своей речи сообщает дополнительные сведения о себе («манера говорить выставляет говорящего в определенном свете и относит его к определенному классу»³). По мысли Балли выражение дополнительных значений, связанных с эмоциями говорящего и его социальными характеристиками, так же системно, как и выражение «логических» («понятийных») значений: они взаимно обуславливают друг друга, составляя не просто сумму, а систему: «... мы понимаем слово и ощущаем его эмоциональную окраску только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем его с другими».⁴ Наглядным примером этого утверждения Балли могут служить приводимые А. Н. Гвоздевым «фамильярно-ласкательные» слова, «которые «с одной стороны, придают эмоциональную окраску нежности положительным понятиям и, с другой, смягчают понятия отрицательного порядка:

а) *бабуся* — бабушка, *дочурка* — дочь, *пичуга* — птичка, *приголубить* — приласкать;

---

¹ Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977, С. 54.

² Балли Шарль. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961.

³ Балли, С. 28.

⁴ Балли, С.

б) *занемочь* — заболеть, *оробеть* — испугаться, *трунить* — подшучивать, *размолвка* — ссора»⁵.

Ш. Балли следующим образом разъяснял различие между эмоциональным и социальным компонентами стилистического значения: «...когда наши впечатления непосредственно **вытекают** из значения речевых фактов, мы говорим о собственно эмоциональной окраске; когда же они косвенно определяются теми формами жизни и деятельности, с которыми мы мысленно связываем речевые факты, это — социальная окраска»⁶ (дословно — «эффект, вызываемый представлением о той или иной речевой среде»). Системность выражения стилистических значений, относящихся — в широком смысле — к социальной характеристике человека, можно показать, обратившись к рассказу Василия Шукшина «Охота жить».

Этот рассказ особенно интересен тем, что в нем наглядно вскрывается, как «среда» формирует языковую личность и картину мира. Два персонажа рассказа: парень и старик — люди, в конечном счете, разной системы ценностей, но прежде сюжета их различие проявится на уровне языковых сознаний. Старик с первых слов определяет, что «выговор у парня не здешний, «расейский», парню чуждо ненормированное произношение старика:

— *Иолог какой-нибудь?* — *спросил он.*

— *Кто?* — *не понял парень.*

Языковое разделение прослеживается на протяжении всего рассказа и выражается на разных языковых уровнях. В речевой партии старика представлены разные виды просторечия: просторечие, вызванное неполным владением литературным языком (*куфайка, жись, убивство, шешна-дцать, сурьезно, А шампанская-то на какие шиши будешь распивать?*); деревенское просторечие, накрепко связанное с региональным (*паря, лонись, ботало, лесины, листовуха*), так называемое «народное» просторечие (*К утру все одно выстынет; Ты чего рассерчал-то на меня; Это зна-мо дело*).⁷ Языковое противоположение поддерживается графически: в речевой партии старика представлена фонетическая транскрипция нормативного разговорного произношения, что на письме выглядит как отклонение от нормы (*Чайку щас поставим, Живи, мне што, Хорошего-то мало, конешно*). Оба персонажа осознают, что их язык — это язык разных социумов, разной среды, разного природного, культурного, этического пространства:

— *Садись, чего стоять-то?*

---

⁵ Гвоздев А. Н. Стилистика русского языка. М., 1955, С. 95.

⁶ Балли, С. 255.

⁷ О разных видах просторечия см. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1973.

Парень улыбнулся.

— Так не говорят, отец. Говорят — присаживайся.

— Ну, присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят.

Неназванный повествователь (так называемая третьеличная форма) принадлежит тому же миру, что и старик. Весь строй авторского монологического слова проникнут народным, деревенским и региональным просторечием, народным строем языкового мышления, причем это распространяется и на людей, и на природу (*Туманная хмарь застила слабую краску зари; На стенах, в пазах, куржак в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дыма*). Мир, с которым связан парень, не имеет сплошного языкового выражения, он лишь проступает сквозь используемые им номинации (*спиртяга, бардак*). В. Шукшин очень тонко показывает, что расхождение двух языков и двух миров относится не только к явным, видимым проявлениям, оно идет гораздо глубже и касается вполне обычных общепринятых выражений. В приведенном выше диалоге для старика естественным является противопоставление *сидеть-стоять*, и только этот смысл он имеет в виду, когда предлагает парню садиться. Между тем в языковом сознании парня актуализировано, в первую очередь, то значение глагола *сидеть*, которое является результатом семантического стяжения глагольного сочетания *сидеть в тюрьме*. В рассказе В. Шукшина налицо взаимодействие между языком и сюжетом: старик и парень не только разделены, они и близки — недаром парень использует в обращении имя родства (*отец*), но парень убивает старика. Старик же видит смерть в глазах парня до развязки, включая и ту, затекстовую — ибо смерть, скорее всего, достигнет и самого парня. И старик называет эту смерть, дважды используя образную метафору, языковое выражение которой естественно для народного сознания: *Взгляд Никитичу запомнился: прямой, смелый... И какой-то «стылый» — так определил Никитич; ... и на миг глаза его заглянули далеко-далеко и опять «остыли».*

По отношению к художественному тексту читатель — лицо, столь же активное, что и писатель; читатель является, по выражению французского культуролога Ролана Барта, производителем текста. Но эту работу по «производству» текста, то есть его интерпретации, читатель может совершать только если он правильно считывает смыслы, заложенные в тексте. Мы видим, что в языковой ткани рассказа Шукшина все время присутствует представление о языковой норме и отступлении от неё, о семантическом объеме этих отступлений, вскрывающих образ человека через его язык, через социально-стилистический портрет. Такая упорядоченность в языковом знании как раз и подтверждает мысль Ш. Балли о системности выражения стилистических значений, отнесенных Балли к «социальной окраске.»

2. Стилистическая система как коннотативная система в понимании Луи Ельмслева.

Выдвинув представление о стилистической системе языка и о типах стилистических значений, Ш. Балли не задавался вопросом о специфике этой системы. Для него главным было противопоставление «двух типов элементов в мышлении» (как он это обозначал), — понятийных (логических) и эмоциональных. Но, во-первых, социальную характеристику человека нельзя относить к «эмоциональному элементу», а, во-вторых, выражение эмоции вовсе не обязательно связано со стилистически маркированным элементом. Когда человек говорит «Я Вас люблю, ненавижу, презираю, Я потрясен, возмущен, удивлен, он, безусловно, выражает чувство и эмоцию, но эти эмоции составляют сигнификативный компонент значения соответствующих глаголов, и их стилистический смысл — норма, то есть отсутствие дополнительной информации о субъекте речи и право на использование в любых контекстах. Специфику стилистической системы следует видеть в способе выражения стилистических значений, и это по существу было впервые наглядно вскрыто датским лингвистом-структуралистом, главой Копенгагенской школы Луи Ельмсловом в его «Пролегоменах» 1943 года.⁸ Л. Ельмслев воспользовался принятым в логике различием (по отношению к понятию) денотации и коннотации: «Всякое сущесствительное денотирует некоторые предметы и коннотирует качества, относящиеся к этим предметам»; так, слово «собака» «денотирует все семейство псовых и каждого из его представителей (объем понятия) и коннотирует качества, характерные для этого семейства».⁹ Это различие полезно сразу же соотнести с современным подходом к значению языкового знака, которое, в самом широком смысле понимается как «вся та информация, которая передается с помощью этого знака».¹⁰ И по характеру этой информации различают семантику, прагматику и синтактику. Так вот, можно сказать, что денотация и коннотация в логике соответствуют, если говорить упрощенно, различению семантики и прагматики. Заслуга Л. Ельмслева состоит в том, что он понял денотацию и коннотацию (семантику как сигнификативное значение¹¹) как два канала

---

⁸ Ельмслев Луи. Пролегомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. 1. М., 1999. См. также: Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. М., 2001.

⁹ Данное определение принадлежит французскому исследователю Гобло и приводится Женеттом: Женетт Жерар. Фигуры. Том 2. М., 1998, С. 411.

¹⁰ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000, С. 43.

¹¹ Собственно логическое и лингвистическое понимание денотации не полностью совпадают между собой, поэтому, чтобы избежать путаницы, приведем определение разных типов значений, как это предлагает И. М. Кобозева. Итак, в семантике

информации, которые различаются по способу передачи информации и тем самым выявил специфику стилистической системы в целом и любой стилиевой информации, которая может быть передана в тексте. А именно денотация — это такое означаемое языкового знака, у которого есть собственное означающее, и вместе они составляют языковой знак (можно сказать — план выражения и план содержания), а коннотация — это такое означаемое, для которого означающим служит целый знак (план содержания, имеющий планом выражения языковой знак).¹² Иначе говоря, коннотативные (и стилистические) смыслы не имеют в языковой системе собственного формального показателя, чье первичное функциональное предназначение состоит в передаче именно стилистической (а не какой-либо иной) информации. Такие смыслы Л. Ельмслев назвал коннотаторами и предложил денотативную и коннотативную семиотику (или уже: денотативную и коннотативную семиотику, которая может быть расшифрована и как стилистика, и как прагматика. Вообще можно сказать, что Л. Ельмслев смотрел далеко вперед, когда заговорил о коннотативной семиотике. Как раз в 40-е годы понятие коннотации не очень-то использовалось, но его значимость все увеличивалась с движением века, по мере развития и структурной, да и когнитивной парадигм. В самом деле, интертекстуальные смыслы, «мифологемы», архетипические схемы «коллек-

---

языкового выражения различают сигнификативное значение (сигнификат) — «информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются в сознании говорящего» и денотативное значение (денотат) — информация о внетекстовой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь» (при этом денотат может быть актуальный и виртуальный, так что обычно говорят о референте и денотате). Так в предложении «Мама спит» сигнификат слова «мама» — «родитель некоторого X-а, человеческое существо женского пола», денотат — множество всех женщин, являющихся чьими-то матерями, референт — конкретное лицо. Прагматическое значение — это «информация об условиях употребления» языкового выражения, то есть обо всех «многообразных аспектах коммуникативной ситуации, в которых оно используется. Так, слово «мама» не используется в официальной ситуации, даже в автобиографии, в документах, в разговоре с достаточно дистанцированным адресатом. Наконец, синтаксическое значение — это информация «об отношениях между данным языковым выражением и другими языковыми выражениями в составе речевого сообщения» (так, в синтаксическое значение слова «мама» входит информация о том, что это одушевленное существительное женского рода, а словоформа в предложении имеет форму именительного падежа. (Кобозева, Цит. соч., С. 59—62).

¹² Строго говоря, Л. Ельмслев говорил не о денотации и коннотации, а о денотативной и коннотативной семиотике, дав им строгое определение: семиотика денотативна, «если ни один из её планов не является семиотикой» (Ельмслев, С. 369), то есть не составляет знаковую систему, и семиотика коннотативна, если план её выражения является семиотикой.

тивного бессознательного» передаются в дискурсе в первую очередь именно по коннотативному каналу. Да и сам Л. Ельмслев охарактеризовал предмет коннотативной семиотики предельно широко. Во-первых, сфера действия коннотативной семиотики — это и система языка, и языковая деятельность. Во-вторых, Л. Ельмслев говорит и о невербальных семиотических средствах — жестах, других сигнальных кодах. И, наконец, если говорить собственно о коннотативной лингвистике, Л. Ельмслев включил в её предмет и различие стиха и прозы (которые он называет «стилистическими формами»), а также разные формы их смешения; и различие «творческого» и¹³ «подражательного» стилей (который Л. Ельмслев — и в этом есть глубокий смысл — называет также нормальным); и различие оценочных стилей («высокого» и «низкого»), а также различие эмоциональных тонов, говором (профессиональных языков, жаргонов), национальных, региональных языков, вплоть до индивидуальных особенностей произношения. Собственно же для понимания стилистической системы Л. Ельмслев дал в руки бесценный критерий, действительно вскрывающий её уникальность в языке: стилистические значения являются коннотативными значениями, не имеющими собственных формальных показателей; стилистические значения выражаются на всех уровнях языковой системы; стилистические знаки разных языковых уровней объединяются и противопоставляются по передаваемым ими коннотативным значениям. Такое представление о стилистической системе почти в то же время выразил Г. О. Винокур, который писал, что «в отличие от прочих лингвистических дисциплин стилистика обладает тем свойством, что она изучает язык по всему разрезу его структуры сразу, т.е. и звуки, и формы, и знаки, и их части...звуки той или иной стилистической окраски и формы и знаки той же окраски входят в одну стилистическую систему в противовес звукам и формам другой окраски, и из их взаимодействия создается общая стилистическая жизнь языка».¹⁴ Л. Ельмслеву принадлежит также очень важное утверждение о том, что коннотативная семиотика предполагает денотативную, или перифразируя, коннотативный канал информации предполагает денотативный. Это замечание имеет непосредственное отношение к самой природе стиля как категории языка и языковой деятельности (а если шире — то и категории человека).

3. Определение стилистики языка и стилистики речи в структурной парадигме.

---

¹³ Ельмслев, С. 370.

¹⁴ Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, С. 223.

В том или ином виде это различие присутствует во всех стилистических описаниях европейских языков¹⁵ и в общей теории стилистики.¹⁶ Наиболее дальновидное и пронизательное определение предмета стилистики языка и стилистики речи было предложено акад. В. В. Виноградовым: «Стилистика языка, или структурная стилистика, описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка «как системы систем... стилистика речи должна включать в себя... учение о формах и типах речи, о социально-речевых стилях или о типических тенденциях индивидуального речетворчества,... учение о композиционных системах основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи».¹⁷ Дальновидность этого определения состоит в том, что в нем предмет стилистики определен максимально широко, то есть в нем ничто не отвергается с ходу. Но вместе с тем четкого представления о том, как же должна строиться стилистика речи, то есть из каких же разделов она должна состоять и какова внутренняя связь между отдельными темами, из приведенного определения вывести трудно. Структурная стилистика во многом приняла то разделение стилистики речи, которое было намечено уже у Шарля Балли. А именно, основываясь на том, что речь есть воплощение (реализация) языковой системы, структурная стилистика имеет предмет стилистики — стилистика речи /стилизация текста является едва ли не доминирующим. В становлении стилистики речи /текста большая роль принадлежит Пражской Лингвистической школе, для которой характерен функциональный подход к языку. В знаменитых Тезисах Пражского Лингвистического кружка 1929 года было выдвинуто базовое положение: «Каждая функциональная

---

¹⁵ Ср.: М. Н. Кожина. Стилистика русского языка. М., 1983; К. А. Долинин. Стилистика французского языка. М., 1978; И. В. Арнольд. Стилистика современного английского языка. М., 1981; Брандес. Стилистика немецкого языка.

¹⁶ См. П. Гиро. Разделы и направления стилистики и их проблематика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980.

¹⁷ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, С. 5, С. 33.

речевая деятельность имеет свою условную систему».¹⁸ Это представление легло в основу так называемой функциональной стилистики, бурный расцвет которой приходится на 60-е годы. В широком смысле слова функциональная стилистика охватывает стилистику речи, в узком смысле её предметом являются функциональные стили. В основу современной стилистики текста положено разграничение разных видов языковой деятельности исходя из структуры акта коммуникации. Модель акта коммуникации, дополняющая предложенную прежде модель К. Бюлера, была предложена Р. Якобсоном.¹⁹ Итак, акт коммуникации состоит из Отправителя, Получателя, собственно Сообщения, внеязыкового мира, с которым соотносится Сообщение, кода (языка), канала связи (устный/письменный, смешанного), контакта (прямого, опосредствованного), доминирующей функции. Каждая из составляющих акта коммуникации имеет некоторое число типовых реализаций, и уникальное сочетание этих реализаций позволяет разграничить основные типы языковой деятельности. Так, для разговорной речи характерно то, что отправитель и получатель выступают как частные лица, вступающие между собой в непосредственный контакт, использующие устный канал коммуникации, не имеющие ограничений в выборе темы сообщения, при этом цель коммуникации — это прежде всего общения. Напротив, для научной речи, для деловой речи, для публицистических текстов и выступлений характерно то, что отправитель и получатель выступают не как частные лица, но они принимают на себя определенные социальные роли, их сообщение является замкнутым по теме (то есть далеко не всякое внеязыковое событие может стать темой сообщения, например, в научном тексте), здесь представлен преимущественно не прямой контакт, письменный канал связи, и в каждом из названных видов представлена своя, специализированная функция (познавательная, императивно-предписующая, функция воздействия). Наконец, если обратиться к художественным текстам, мы также увидим неповторимое сочетание признаков: как и в разговорной речи, автор и писатель — частные лица, как и в разговорной речи, в художественном тексте отсутствуют по видимости, какие-то ограничения на тему сообщения, но при этом канал связи — письменный, контакт — не прямой, а главное, в художественном тексте представлены как минимум не одна, а две коммуникативные рамки: внешние отправитель и получатель (писатель — читатель) и внутренний отправитель — повествователь, да и внутренний адресат. Итак, по совокупности реализаций различных составляющих акта коммуникации разделяются разговорная речь, художественная речь (художественные тексты) и так называемые функциональ-

---

¹⁸ Тезисы Пражского Лингвистического кружка.

¹⁹ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

ные стили — научный, официально-деловой, публицистический. Постулат Пражского лингвистического Кружка о том, что каждая разновидность языковой деятельности имеет свою систему средств — особую подсистему, был полностью подтвержден в отношении функциональных стилей. В функциональной стилистике это показано как на уровне языка и на уровне текста, причем была выстроена целая типология жанров разных функциональных стилей. Но по-иному обстоит дело с разговорной речью и художественной речью. В учебниках по стилистике фигурируют разделы «Разговорный стиль» и «Художественный стиль»,²⁰ однако многие исследователи полагают, что здесь происходит подмена понятий. Дело в том, что разговорная речь как акт коммуникации действительно имеет специфические характеристики, но нельзя сказать, что есть какая-то специальная подсистема в языке, которая «реализуется» в разговорной речи. В ней происходит, скорее, глобальная модификация всех языковых уровней, и разговорную речь рассматривают как устную разновидность литературного языка. В таком случае квалифицировать разговорную речь как функциональный стиль представляется затруднительным. Нечто похожее происходит и с художественной речью. Как акт коммуникации, художественная речь также имеет специфический набор признаков, но язык художественной литературе — если проследить тенденции его развития — является объемлющим по отношению к литературному языку и его стилистической системе. Таким образом, понятие «художественного стиля» как стиля функционального, теряет под собой почву. У разговорной и художественной речи есть показательная общая черта, противопоставляющая их функциональным стилям: можно научить человека тому, как писать научную статью или деловую бумагу, но нельзя научить писать роман, как в общем нельзя обучить разговорной речи, что хорошо известно из опыта обучения русскому языку как иностранному. В целом можно сказать, что полноценной теории художественной речи структурная стилистика не выдвинула. Это не случайно. Мы здесь опять возвращаемся к Соссюру, к тому, что в его концепции роль человеческой личности по отношению к языку выглядит минимальной: «язык не подвластен индивиду». Поэтому все то, что описывает «коллективные привычки говорящих», по выражению Г. О. Винокура, структурная стилистика описывает хорошо, а вот то, что идет от индивида, встречает затруднения. То, что называется сегодня стилистикой художественной речи, включает много разных подходов, методов, блестящих результатов, но они, по большей части, находятся вне собственно стилистики, относясь к семиотике, лингвистике текста, культурологии.

---

²⁰ См. Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М., 1983.

4. Понятие оппозиции и её использование в структурной стилистике.

Структурная парадигма рассматривает язык как «рационально организованный объект».²¹ «Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых»,²² — писал Соссюр. Эти представления получили наиболее полное выражение в выделении оппозитивных отношений в языковой системе. «Понимание каждой бинарной оппозиции на любом уровне языковой структуры как отношения между признаком и отсутствием признака доводит до логического конца идею иерархического порядка, лежащего в основе всей языковой системы, во всех её разветвлениях и проявлениях.»²³ Структурная стилистика описывает стилистическую систему языка исходя из стилистических оппозиций. Классификация языковых оппозиций по разным основаниям была проведена Н. С. Трубецким²⁴ Исходя из отношений между членами оппозиции выделяются: а) привативные стилистические оппозиции: *мичманы — мичмана, прииски — прииска, штурманы — штурмана, торты — торты*. В этих оппозициях первый член имеет стилистический смысл «норма» и не несет информации о говорящем, в то время как второй член содержит профессиональную характеристику говорящего. В бинарных оппозициях «общее значение маркированного члена характеризуется более уточненной, специфической, добавочной информацией по сравнению с немаркированным членом».²⁵ б) эквиполентные стилистические оппозиции, в каждый из членов несет собственную стилистическую информацию, отсутствующую в другом члене. Примером могут служить стилистически противопоставленные глаголы *шествовать — плестись*, первый из которых имеет стилистический смысл «возвышенность», а второй — «разговорность»; в) градуальные оппозиции, в которых один и тот же признак предстает в разной степени, ср. стилистические синонимы *ползти, тащиться, плестись, переться*, в которых в пределах стилистического смысла «разговорность» представлены разные степени оттенков грубости и фамильярности. На достаточно высоком уровне абстракции стилистические оппозиции являются пропорциональными, ибо организуются за счет соположения одних и тех же стилистических смыслов. Вместе с тем едва ли не каждая стилистическая оппозиция может рассматриваться как изоли-

---

²¹ См. об этом Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

²² Соссюр, С. 141.

²³ Якобсон Р., Поморска К. Беседы // Bibliotheca Slavica Hierosolymitana, 1982? С. 75.

²⁴ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960.

²⁵ Якобсон, С. 76.

рованная, ибо стилистические смыслы — инварианты предстают во множестве вариантов — конкретных стилистических значений. Кроме того, стилистическому различию в большом числе случаев соответствует различие в сигнификативном компоненте значения языкового знака. Так, в паре *шестьдесят* — *плестись* оба глагола являются глаголами движения, но первый из них означает «идти торжественно, гордо», в то время как *плестись* — «идти медленно, устало, с трудом передвигая ноги». Языковые оппозиции различаются также по способности к нейтрализации, хотя сама эта способность применительно к семантическим оппозициям трактуется неоднозначно.²⁶ Нейтрализация стилистических оппозиций контекстно обусловлена и представлена в двух случаях: а) когда контекст жестко диктует выбор одного из членов оппозиции. В высказывании *До метро Петя идет десять минут* невозможна замена глагола *идти* на *шестьдесят*, в высказывании *Её губы были обветрены* замена *губы* на *уста* изменяется коммуникативный замысел (появляется ирония). Обычным является выбор немаркированного (беспризнакового) члена оппозиции со стилистическим смыслом «норма»; б) когда контекст допускает употребление обоих членов оппозиции. Равно допустимы *Николай остолбенел/окоченел/оцепенел/окостенел от изумления*. В то же время в высказывании *Николай сидел на стуле окостенев от изумления* глагол *окостенеть* нельзя заменить на *остолбенеть* из-за различия во внутренней форме. (ср. обратный случай в строках М. Цветаевой *Остолбеневши, как бревно, Оставшееся от аллеи, Мне все — равны, мне все — равно...*, где внутренняя форма актуализируется благодаря сравнению и невозможно использование ни одного из перечисленных глаголов, объединенных общим стилистическим смыслом «разговорность»).

5. Стилистическая парадигма в концепции М. В. Панова.

Структурный подход позволил показать, как проявляется принцип системности в стилистическом строении языка. В пионерском исследовании М. В. Панова²⁷ выделяются не только внутриуровневые, но и междууровневые стилистические сходства и противопоставления: «Произносительная сторона языка имеет свою стилистику. Иначе говоря, одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля; другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски. Например,

---

²⁶ См. об этом Кантино Ж. Сигнификативные оппозиции. Пер. с франц // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1973.

²⁷ Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

произношение [шыис'ат] «шестьдесят» функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка*, *голубчик* и т. п.»²⁸ М. В. Панов распространил на стилистическую систему понятие парадигмы: «Ряд *дом — дома — дому* возможен как явление грамматическое потому, что в языке существует определенная единица: падежная парадигма... Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на её фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а «супплетивно» (ср. *глаза — очи — гляделки*).²⁹ Таким образом, стилистические оппозиции и стилистические парадигмы формируют парадигматику русской стилистической системы. Они скреплены общими значениями и общими закономерностями строения, при этом каждый из языковых уровней имеет свои особенности в объеме, спецификации и способах передачи стилистических смыслов. «Три правила» М. В. Панова позволяют понять, как строятся русские стилистические парадигмы: а) «слова окрашенных стилей должны иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля может иметь синоним в окрашенном стиле»;³⁰ б) большая часть слов имеет соответствие либо в высоком, либо в сниженном стилистическом ярусе, но не в обоих вместе. «Стиль высокий и разговорный не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным»;³¹ в) стилистические единицы высокого и сниженного стилистического ярусов различаются по объему, внутренней семантической дифференциации, «интенсивности стилистической окраски». «Высокий стиль» характеризуется стилистической яркостью, относительно небольшим числом стилистических показателей, присутствием семантических разновидностей: «Слова *всепобедный*, *разверстый*, *алкать*, *чело* уместны в торжественной речи, поэтическом прославлении, но неуместны в хроникальной заметке, в официальном уведомлении и т. п.»³² «Разговорный стиль» — это обилие носителей стилистического смысла «разговорность,» слабая степень интенсивности, «расслоение, разграничение между словами едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей стилиевой окраске (в зависимости от контекста)».³³ Именно для единиц сниженного стилистического яруса характерны отмеченные выше градуальные оппозиции. Менее развернутыми, но столь же глубокими и пер-

---

²⁸ Панов, С. 15.

²⁹

³⁰ Панов, С. 9.

³¹ Там же.

³² Панов, С. 12.

³³ Панов, С. 13.

спективными являются наблюдения М. В. Панова над синтагматикой стилистической системы: «... для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую разность стилистических потенциалов. Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важнее чаще всего синтагматические сопоставления».³⁴ Статья М. В. Панова была написана в начале 60-х годов, когда лингвистика текста делала первые шаги, но в этой работе мы находим и прозорливые замечания относительно стилистики текста, логически вытекающие из строения стилистической системы. Так, в первом «правиле» утверждается, что в языке основная часть лексических единиц имеет немаркированный стилистический смысл «норма». «Следовательно, не может существовать естественного языка, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного языка, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля. Впрочем, такие тексты гораздо более редки, чем предполагается».³⁵ Стилиевую характеристику текста в целом предлагается рассматривать «как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях».³⁶ Речевые жанры связаны в первую очередь со стилистическими характеристиками, так что они могут быть названы стилистическими жанрами (именно к ним относятся наименования «штилей» у М. В. Ломоносова). Стилистические жанры определены исторически, и задача стилистики современного русского языка состоит в том, чтобы описать эти жанры во всей их полноте.

6. Вклад интертекстуальной парадигмы в развитие стилистики: эстетическая школа К. Фосслера.³⁷

Для альтернативных научных парадигм характерно то, что они создаются в опоре на разные проявления одного и того же объекта. Для Соссюра был важен язык, но не речь, социум, но не индивид, Балли создавал стилистику повседневной речи и исключал из неё стилистику художественной речи. Приоритеты интертекстуальной парадигмы — речь, конкретная языковая личность, художественные тексты. В своих истоках интертекстуальная парадигма опирается на тезис Вильгельма фон Гумбольдта: «Язык не есть продукт деятельности (Ergon), а деятельность

---

³⁴ Панов, С. 14.

³⁵ Панов, С. 11.

³⁶ Панов, С. 15.

³⁷ Взгляды К. Фосслера близки к воззрениям итальянского философа и специалиста по эстетике Бенедетто Кроче (1866—1952). К эстетической школе относится австрийский филолог Лео Шпитцер (1887—1960).

(Energeia)...в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности»³⁸ Но такие «акты» может совершать только конкретный человек, следовательно, предмет языкознания — индивидуальное использование языка. Как же порождается речь? Ответ Фосслера — «... дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки — все вместе. Но он не только конструирует, он производит их»³⁹ Описание языка как системы не может объяснить языковую способность человека: «совокупность грамматических дисциплин — безграничное кладбище, где... в гробницах роскошно покоятся мертвые куски языка»,⁴⁰ словарь — «собрание абстракций или кладбище более или менее искусно набальзамированных трупов». ⁴¹ Индивидуальная языковая деятельность определяется как творческая. Смысл этого определения можно передать в современных терминах, обратившись к рассуждениям Б. Кроче. Он рассматривает, как говорящий вербализует конкретный акт восприятия какого-либо объекта, например, стола или чернильницы. «Творческий момент» состоит в том, что говорящий производит референцию, то есть соотносит языковой знак с внеязыковым объектом: *Я вижу стол, на котором стоит большая зеленая чернильница.* Таким образом, в отличие от Соссюра, в языковой знак включается не только означающее и означаемое (сигнификат), но и денотат. Это гораздо ближе к тому, что происходит в реальной языковой деятельности, чем представление её в виде «установлений и правил». Интересную переключку со взглядами К. Фосслера представляет разработанная в конце XX века Б. М. Гаспаровым «лингвистика языкового существования». ⁴² Б. М. Гаспаров выделяет две стратегии пользования языком: оперативную и репродуктивную. Оперативная стратегия основана на знании правил, репродуктивная — на языковом опыте. Б. М. Гаспаров пишет о том, что эти стратегии применяются на разных этапах овладения языком: когда человек обучается языку, для него действительно важно понять языковые правила и внутреннее строение языка. Но дальше происходит качественный сдвиг, рациональное представление языка как конструкта отступает перед языковым опытом. Этот опыт существует в языковом сознании не в форме парадигм, а исходя из

---

³⁸ Гумбольдт Вильгельм фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984, С. 70.

³⁹ Фосслер Карл. Позитивизм и идеализм в языкознании // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, С. 290.

⁴⁰ Фосслер, С. 296.

⁴¹ Кроче Бенедетто. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920, С. 169.

⁴² Гаспаров, указ. соч.

разных ассоциаций, связанных с конкретным употреблением той или иной словоформы. В пользу гипотезы Б. М. Гаспарова говорит следующий собственно стилистический факт: в словарях стилистические значения приписываются словам, но очень часто эти значения связаны с вполне конкретными словоформами. Например, в «Словаре синонимов русского языка»⁴³ приводится следующая стилистическая парадигма со значением «поступать, действовать или говорить непрямо, прибегая к уловкам, вводя кого-либо в заблуждение, скрывая что-либо»: *хитрить*, *лукавить*, *вилять* (разг.), *финтить* (разг.), *мудрить* (разг.), *крутить* (разг.), *крутить* (прост.) и *крутиться* (прост.), *вертеться* (прост.), *вертеть хвостом* (прост.). Стилистические пометы относятся к глаголу как к совокупности словоформ, однако в узусе представлена лишь их часть. Начать с того, что эти глаголы, содержащие яркую оценочную семантику, или редко или вообще не используются с первым лицом. (некоторые из них в этой форме реализуют только прямое, но не переносное значение, ср. *Я кручу*, *Я верчу*). Остаются глагольные словоформы второго и третьего лица. Но и внутри них имеется дальнейшее ограничение — на этот раз по числу. Выражаемая оценка предполагает достаточно фамильярное отношение к адресату, поэтому естественно единственное, но не множественное число: *Ты не крути*, *ты говори прямо* (Пауст.).⁴⁴ Если речь идет о третьем лице, то это также скорее один человек, чем множество: *Трифон Борисович как ни вилял, но после допроса мужиков в найденной сторублевке сознался* (Дост.).⁴⁵ Кроме того, в основном речь идет об изъявительном, а более всего — о повелительном наклонении, причем с отрицанием. И вот получается, что стилистическое значение прикреплено к вполне конкретным словоформам, как бы считывющим типовую ситуацию: *Ты, девка, со мной-то не хитри* (*не лукавь, не финти, не хитри, не виляй, хвостом-то не верти*). Здесь есть глубокое согласование с теми терминами, который использовал Ш. Балли: «стилистическая окраска», «представление о среде». В самом деле, языковая единица как бы «окрашивается» той ситуацией, в которой это единица используется, чтобы затем уже нести информацию о самой ситуации. И конечно, этот процесс относится не к абстрактным единицам языка как системы, но только к узусу — к конкретным языковым употреблением.

Основные послышки эстетической концепции языка в высшей степени благоприятны для исследования стиля. К. Фосслер задает вопрос: «Что такое стиль?» и отвечает на него: «Стиль — это индивидуальное языковое

---

⁴³ Словарь синонимов русского языка в двух томах. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1970

⁴⁴ Словарь, Т.2.

⁴⁵ Там же.

употребление в отличие от общего... Языковое употребление, поскольку оно занимается индивидуальным творчеством, рассматривает стилистику».⁴⁶ Так возникает беспримерный в истории языкознания проект, в соответствии с которым стилистика объявляется главной лингвистической дисциплиной.

7. Соотношение коллективного и индивидуального в развитии языка и его стилистической системы: роль Пушкина в формировании русского литературного языка.

По мысли К. Фосслера, «сколько индивидуумов, столько и стилей», и «каждое средство выражения, прежде чем стать общепринятым и синтаксическим, первоначально и многократно было индивидуальным и стилистическим»⁴⁷. Таким образом, причины языковых изменений следует также искать в индивидуальной языковой деятельности. В ней многое предается забвению: «Сколько индивидуальных вариантов умерло в день их рождения!».⁴⁸ Остается то, что принимается социумом: «Языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т. е. пассивно, либо точно так же творчески, т.е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие».⁴⁹

Соссюр писал: «Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи; это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида».⁵⁰ Таким образом, по вопросу о языковых изменениях позиции Соссюра и Фосслера близки в исходном пункте. Соссюр не видел в диахронии системности, изменения в языке представлялись ему «слепыми и случайными». В дальнейшем в структурной парадигме была убедительно разработана противоположная точка зрения, четко сформулированная в Тезисах Пражского Лингвистического кружка 1929 года: «... диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным».⁵¹ В структурной парадигме выделяют внешние и внутренние факторы развития⁵², в клас-

---

⁴⁶ Фосслер, С. 295.

⁴⁷ Фосслер, С. 295.

⁴⁸ Фосслер, С. 300.

⁴⁹ Фосслер, С. 299.

⁵⁰ Соссюр, С. 203.

⁵¹ Тезисы Пражского Лингвистического кружка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М., 1965, С. 123.

⁵² См. Лексика современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество. Социо-лингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. М., 1965.

сических трудах А. Мартине, Р. Якобсона были вскрыты системные истоки изменения во времени фонологической системы языка⁵³. В принципе экономии, выдвинутым А. Мартине, можно видеть антропоморфизацию языковой системы: стратегии говорящего (принцип «наименьшего усилия») метонимически переносятся на языковую систему. В структурной парадигме утверждается представление о языке как о «сложнодинамической системе», демонстрирующей так называемое «высшее единство — развивающуюся организацию»⁵⁴. Метонимия А. Мартине согласуется со взглядом на язык как разумное устройство, развитие которого определяется разнообразными «необходимостями»: необходимостью «улучшения языкового механизма», «необходимостью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности»⁵⁵. Система постепенно вытесняет человека, и его роль как первоисточника языковых изменений отходит на задний план.

В этом свете особенно интересен ответ Романа Якобсона, для которого системный характер языковой эволюции являлся аксиомой, на вопрос: «Возможно ли, чтобы зачатком изменения был единичный ляпсус...?»⁵⁶ Якобсон дает определение ляпсусу как «единичному уклону от существующей нормы» и дальше говорит: «Если это было одной лишь нечаянной оговоркой, то не остается оснований для её повторения самим обмолвившимся или же его окружающими. Если повторение происходит и множится, то налицо, вне всякого сомнения, должен быть, пусть бессознательный, спрос на его применение... Его дальнейший переход из одного стиля в другие и все более широкое обобщение его применимости в языке опять-таки предполагает факт спроса, заинтересованности, нужды в данном новшестве под углом зрения языковой системы и её носителей»⁵⁷. Бросается в глаза близость между тем, что Фосслер писал в 1904 году, а Якобсон — в 1980-м! Здесь выдвигается модель концентрического распространения языковых изменений: в центре стоит человек и его окружение — языковой социум. Р. Якобсон развивает синхроническую концепцию языковых изменений: «Старт и финиш каждого изменения всегда существуют в течение некоторого времени в данном коллективе и воспринимаются как таковые»⁵⁸. Он говорит о возможных распределениях

---

⁵³ Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Пер. с франц. М, 1960; Якобсон Р. Принципы исторической фонологии. Пер. с нем // Якобсон Роман. Избранные работы. М., 1985.

⁵⁴ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970, С. 212.

⁵⁵ Там же, С. 250, 254.

⁵⁶ Якобсон Р., Поморска К., С. 62.

⁵⁷ Там же, С. 62, 63.

⁵⁸ Там же, С. 45.

старой и новой форм между двумя поколениями (например, «старшая» и «младшая» фонетическая норма в современном литературном языке), между разными языковыми стилями. Он обращает особое внимание на рефлексию языкового коллектива: «...отживающие элементы языковой системы осознаются как архаизмы, а новшества так и воспринимаются как последний крик моды».⁵⁹ Но, в отличие от Фосслера, Р. Якобсон учитывает «угол зрения языковой системы». Таким образом, Р. Якобсон предложил конструктивное решение проблемы «язык и человек» в плане языкового развития, признав совместный вклад в этот процесс индивида, социума и системы. «Единичный уклон от существующей системы» может принадлежать разным людям. А теперь представим себе, что таким человеком является Пушкин! Это наглядный пример того, какую роль может сыграть гениальная личность в развитии языка. А какова же роль социума, закономерностей развития языковой системы? Конструктивность того подхода, который, как уже ясно, не принадлежит ни одной из научных парадигм по отдельности, а только обоим вместе, можно показать, обратившись к роли Пушкина в истории становления и функционирования современного русского литературного языка.

Как пишет Г. О. Винокур, «на конечном пути движения русского языка к общенациональной норме решающая роль выпала на долю русской художественной речи».⁶⁰ Определяя суть демократической реформы Пушкина как синтез разных генетико-стилистических пластов («синтез основных стихий русского литературного языка»⁶¹), В. В. Виноградов скрупулезно прослеживает, как изменялось употребление церковнославянизмов, европеизмов и просторечных элементов в пушкинских поэтических произведениях 10-х, 20-х и 30-х годов. При этом, по мысли Б. А. Успенского, «сочетание церковнославянизмов и русизмов не дает маркаронического эффекта», потому что «для Пушкина в принципе нет высокого славянизированного и низкого русифицированного слога, а есть семантические регистры, так что литературный язык функционирует как музыкальный инструмент»⁶². Мы знаем, что отступления от принятых норм встречали неприятие критики и читающей публики. По поводу известных строк Пушкина *Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь* критик журнала «Атеней» писал: «В первый раз я думаю,

---

⁵⁹ Там же, С. 46.

⁶⁰ Г. О. Винокур. Русский язык. Исторический очерк // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М, 1959, С. 99.

⁶¹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. См. также В. В. Виноградов. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. Изд. второе, дополненное. М., 2000.

⁶² Там же, С. 181.

дровни в завидном соседстве с торжеством»⁶³ Но каким же образом точка зрения Пушкина становится точкой зрения языкового социума и определяет дальнейшее бытование русского языка?

Мы можем ввести понятие валидного высказывания. Валидным является такое высказывание, которое — в силу различных причин — имеет ценность для социума. Пушкинский язык — это язык валидных высказываний, содержащих оптимальный выбор языковых форм и реализующих заложенные в языке возможности развития и функционирования во времени. Валидные высказывания определяют формирование литературной нормы и стилистической системы Поэтические высказывания Пушкина обрели автономное от текста существование и стали едва ли не частью русского лексикона. И в наше время они формируют национальное мировосприятие и восприятие современных событий, дают название эмоциональным переживаниям человека и ментальным актам. Имя Пушкина соединяется с цикличностью годового цикла: *Зима!.. Крестьянин, торжествуя,...; Мороз и солнце; день чудесный!; Гонимы вешними лучами...; Весна, весна, пора любви,...; Ох, лето красное!...; Октябрь уж наступил... И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русский холод...* Поэтические фрагменты разной степени завершенности входят в любовный словарь (*Не пой, красавица, при мне...; Я вас люблю, хотя бешусь...; Я вас любил: любовь еще, быть может...; Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою; Исполнились мои желания. Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, Чистейшей прелести чистейший образец.*); формулируют глобальное мировосприятие (*Да здравствует солнце, да скроется тьма!; Есть упоение в бою И битвы мрачной на краю...; На свете счастья нет, но есть покой и воля.*), отношение к жизни (*Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу...*), принятие ответственности за собственную жизнь и поступки (*Но строк печальных не смываю*) и отношение к смерти (*Но не хочу, о други, умирать ;Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...; Нет, весь я не умру...*); обобщенно и афористично выражают постоянное и проявляющееся по сиюминутным поводам опасение россиян сойти с ума (*Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума...*); предлагают модель восприятия общественно-политической жизни⁶⁴. Язык Пушкина — «чистейшей прелести чистейший образец» — победил собственными качествами. Пушкин доказал, что эстетика языка есть наилучший путь для проникновения в систему языка и её потенци⁶⁵.

---

⁶³

⁶⁴ Типовой пример — фельетон Максима Соколова в газете «Известия» от 25 сентября 1999 года, в котором рассказывается, «как ныне сбирается вещий Лужков отместить неразумным хазарам».

⁶⁵ См. об этом подробнее в Ревзина О. Г. Язык и время в пушкинском поэтическом контексте // Пушкин и поэтический язык XX века. М., 1999; Revzina Olga G. La lingua
73

8. Язык художественной литературы как объект стилистики: историко-филологический подход.

Теоретическая лингвистика всегда стремилась уйти от художественного языка, удовлетворяясь рассуждениями о том, что это «особый случай» и полагая, что познание более простого есть наилучший путь к познанию более сложное. Эта логика очень живуча, несмотря на свою обреченность, подтверждаемую «личным исследовательским опытом» и научными результатами многих выдающихся лингвистов — В. В. Виноградова и Г. О. Винокура, А. М. Пешковского и Л. В. Щербы, Р. Якобсона и М. В. Панова. По собственному признанию Р. Якобсона, вся его лингвистическая концепция возникла из наблюдений над поэтическим языком. Так же несомненен был для него вывод не только «о системном и целенаправленном характере языковых изменений», но и «о глубоко неслучайной, целенаправленной слитности языковой эволюции с развитием остальных общественно-политических систем».⁶⁶ Маргинальное положение стилистики в общей теории языкознания, находящееся в разительном противоречии со значимостью стиля как категории языка для его пользователей, также объясняется «основным мифом» этой теории.

Именно поэтому так важно выделить всю совокупность взглядов на художественную речь, которая определилась уже в первые десятилетия XX века. Можно сказать, что здесь представлены три основных позиции:

1. Язык художественной литературы отождествляется с литературным и общенациональным языком, и «художественные произведения рассматриваются главным образом как памятники истории литературного языка и исторической диалектологии»⁶⁷.

Этот подход В. В. Виноградов назвал «историко-грамматическим» и «этно-диалектологическим» и отнес к его представителям таких известных филологов, как акад. Я. К. Грот, проф. Е. Ф. Будде. В их трудах язык русских писателей XVIII и XIX веков описывался без какого-либо учета «специфических качеств художественной речи» (например, в языке Пушкина Е. Ф. Будде выделяет склонения и спряжения⁶⁸). «Представление об объеме понятия «литературный язык» и о стилистической дифференциации литературного языка было смутным».⁶⁹ В XX веке историко-грамматический подход постепенно сходит на нет. Но в нем по существу

---

di Puskin e la coscienza contemporanea // Puskin, la sua epoca e l'Italia. Rubbetino Editore, 2001.

⁶⁶ Якобсон Р., Поморска К., С. 50.

⁶⁷ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, С. 7.

⁶⁸ Будде Е. Ф. Опыт грамматики языка Пушкина. СПб, 1901—1904.

⁶⁹ Виноградов, цит. соч., С. 9.

содержалось очень важное требование — историзма. Как писал В. И. Чернышев, автор «грамматики» языка Е. А. Баратынского, «язык всякого писателя есть прежде всего язык его эпохи»⁷⁰. Требование историзма лежит в основе выделения В. В. Виноградовым двух контекстов литературного произведения: «левого» контекста — контекста «социально-языковых систем, обособляемых в пределах письменнокнижного и «интеллигентски-разговорного» языков данной эпохи»⁷¹, в широком смысле — контекста общенационального и литературного языка, и «правого» контекста — «литературно-художественных форм речи» того же времени. Фактически это означает, что выразительные средства художественного текста невозможно ни выделить, ни оценить адекватно вне знания о состоянии языка в период создания текста. Г. О. Винокур приводит такой пример: у Пушкина многочисленны формы типа *блюда, селы, кольца, ворота, окна* (*Закрты ставни, окны мелом Забелены...* (Евг. Онег.). Для современного сознания эти формы однозначно просторечны, т.е. мы можем думать о мотивации их появления и их художественной нагрузке. Но для Пушкина так вопрос не стоял, так как «в пушкинское время отражение такого произношения на письме встречается еще очень часто, преимущественно в словах без специфической книжной окраски».⁷² Это относится и к формам родительного: *Однажды летом у порогу поникшей хижины своей* (Русалка); *Признаться, вкусу очень мало у нас и в наших именах* (Евг. Онег.) и к мужскому роду слова *дитя*: *Кажется, дитя умыт, причесан, накормлен.* (Капит. дочка). Качество ненормативности этих форм в пушкинскую эпоху и в современном языке совершенно разное. Один из аспектов жизни художественного текста во времени как раз и состоит в том, что происходит перераспределение выразительных средств, и для сменяющих друг друга во времени языковых сознаний языковая ткань текста расцветивается по-разному. Вот еще один пример подобного перераспределения. В. И. Чернышев упрекает Д. В. Григоровича в неграмотном употреблении диалектизмов, а именно в том, что они относятся к разным регионам: *нетути, инда, буркнула*; «они могли скорее смущать и отталкивать читателя, чем вызывать у него сознание их уместности и необходимости»⁷³. Но современное языковое сознание этих различий не воспримет и выделит в названных словах один и тот же стилистический смысл «просторечность».

---

⁷⁰ Чернышев В. И. Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского // Чернышев В. И. Избранные труды. 2. М., 1970, С. 115.

⁷¹ Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980, С. 68.

⁷² Винокур Г. О. Пушкин и русский язык // Винокур, Избранные..., С. 195.

⁷³ Чернышев В. И. Русский язык в произведениях И. С. Тургенева // Чернышев, Избранные..., С. 228.

9. Язык художественной литературы как объект стилистики: интертекстуальный подход.

Литературный и общенациональный язык отождествляются с художественным языком, то есть языковая деятельность понимается как творческая деятельность. Это позиция Эстетической школы и версии интертекстуального подхода второй половины XX века. В отечественном языкознании эту точку зрения по существу разделял последователь Гумбольдта А. А. Потебня. У Потебни можно найти немало высказываний, близких к тому, что писали Б. Кроче и Фосслер, — например, о жизни слова в языке: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания».⁷⁴ И смысл «действительной жизни» слова Потебня также видел в каждый раз новом референциальном соотношении: «Жизнь слова состоит в его употреблении, то есть в применении к новым случаям»⁷⁵. Но дальше начинаются различия. Для А. А. Потебни была исключительно важным утверждение Гумбольдта о том, что «язык есть орган, образующий мысль».⁷⁶ И, используя понятие внутренней формы, А. А. Потебня строит исключительно глубокое учение о едином механизме, лежащем в основе языкового мышления и поэтического произведения. По справедливости можно сказать, что А. А. Потебня заложил основы следующей за интертекстуальной — когнитивной научной парадигмы, о которой еще пойдет речь. Для представителей эстетической школы интерес представлял в первую очередь тот вид языковой деятельности, в котором творческий аспект языка проявляется наиболее ярко — словесное искусство. Австрийский филолог Л. Шпитцер (1887—1960), столь же авторитетный представитель Эстетической школы, как и К. Фосслер, впервые в стилистике предложил метод анализа художественного текста, известный под названием «филологического круга». Л. Шпитцер стремился к тому, чтобы отказаться от традиционного разделения между изучением языка и изучением литературы, поставить в центр конкретное произведение и искать ключ к оригинальности его в лингвистической форме — в стиле. Основные постулаты «филологического круга» можно представить в следующем виде:

а. Анализ должен быть имманентным произведению. «Я повторяю, что стилистика должна рассматривать конкретное произведение искусства

---

⁷⁴ Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976, С. 465—466.

⁷⁵ Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Там же, С. 301.

⁷⁶ Гумбольдт, С. 75.

как отправной пункт своего исследования и... брать из него собственные категории»⁷⁷

б. Всякое произведение есть нечто целое, в центре которого стоит ум, дух его создателя (*esprit*), которые составляет основу внутренней спаянности произведения. «Эспири» автора — это вид солнечной системы, в орбите которой находятся все явления: язык, сюжет, детали и т. д. Этот принцип внутренней спаянности Л. Шпитцер называл «духовным этимолоном», общим знаменателем всех деталей, мотивирующим и объясняющим эти детали.

в. Поскольку всякая деталь мотивирована и вовлечена в нечто целое, то любая из них должна вести нас к центру произведения, а попав в центр, можно получить взгляд на ансамбль. Повторенная деталь дает ключ к произведению.

г. Проникновение в художественный текст осуществляется путем интуиции, но эта интуиция проверяется наблюдением и дедукцией — с помощью движения вокруг и от центра к периферии. Начинать анализ можно с любой черты, но чаще всего — это некое «индивидуальное стилистическое отклонение» от нормы. «В целом я утверждаю, что, добавляя новые наблюдения к предшествующим и имея опыт исследования подобного рода, можно добиться того, что возникает характерное «замыкание»: деталь и ансамбль нашли «общий знаменатель».⁷⁸

С постулатами Л. Шпитцера произошла интересная вещь: их редко упоминали и, по видимости, редко использовали. На деле же они получили практическое воплощение во множестве анализов конкретных текстов. Но самое поразительное, что эти анализы были выполнены отнюдь не в пределах интертекстуальной, а именно в структурной парадигме. Три любимых идеи объединяли очень разных ученых в пределах структурной парадигмы: внутренняя завершенность художественного текста, участие всех языковых средств в создании его художественной структуры и образ автора. Но ведь все три уже сформулированы в «филологическом круге» Л. Шпитцера! Собственно интертекстуальная парадигма пойдет совершенно по-иному пути: для нее главное — именно языковая деятельность, а не язык, как и в эстетической школе, но только это не деятельность одного «воиющего в пустыне», а деятельность многих, в непрекращающемся диалоге и повторе. Поэтому текст принципиально открыт, ему свойственна не замкнутая структура, а производимый самим читателем процесс структуризации, а о «смерти автора» было заявлено уже в 60-е годы. Вновь следует подчеркнуть, что в истории науки нет абсолютно противопоставленных, взаимоисключающих, «железных» научных теорий. Плодоносные

---

⁷⁷ Spitzer L. *Linguistics and Literary History. Essays in Stylistics*. Princeton, 1948.

⁷⁸ Spitzer, 27.

идеи отрываются от своего окружения и вступают между собой в не менее плодотворные связи.

10. Язык художественной литературы как объект стилистики: структурно-семиотический подход.

Язык художественной литературы противопоставляется по совокупности характеристик общенациональному и литературному языку.

Такова позиция всех, кто так или иначе разделял и разделяет взгляды структурной парадигмы. Можно сказать, что именно эта позиция стала фундаментом наиболее значительных достижений в исследовании языка художественной литературы (особенно поэтического языка) в XX столетии. В 20-е годы расподобление художественной и практической речи получает теоретическое обоснование в трудах выдающихся лингвистов и литературоведов — представителей формальной школы, в 60-е годы оно получает новое осмысление в семиотической школе. При общем фундаменте концепции крупных ученых не совпадали между собой. Изучение языка художественной литературы в структурной парадигме принесло блестящие результаты, но один результат оказался непредсказуемым: дистанцирование от стилистики. Как и почему это происходило?

Ш. Балли во «Французской стилистике» уделил немало места художественному языку и художественной речи. Балли считал, эстетическую окраску разновидностью эмоциональной окраски и субъективной оценки, а художественную речь в целом наделял социальной окраской. По этой логике стилистика художественной речи должна составить неотъемлемую часть стилистики языка, ибо и социальная, и эмоциональная окраска — разновидности системных языковых значений. Ш. Балли приводит яркие примеры близости разговорного и художественного языка. Он пишет, например, что в речи рыночных торговцев можно обнаружить блестящие образцы использования риторических фигур — риторических вопросов, восклицаний, градаций. Он отмечает, что метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха свойственны отнюдь не только художественной речи, они присущи языку как задающему способ мышления о мире: *солнце встает и садится, ветер дует, дерево машет ветвями, он выпил пять стаканов*. В образной речи Балли выделяет три типа образов: живые (конкретные, чувственные, воспринимаемые воображением), например *Ветер усиливает свой грозный голос*, мертвые (воспринимаемые только рассудком), например *Вам грозит большая опасность*, и промежуточные, в восприятии которых участвуют и воображение, и рассудок, например *Силы больного падают с каждым днем*. Таким образом, абсолютно естественны его выводы: «... недостаточно провозгласить ту бесспорную истину, что художественная речь постоянно черпает жизнь и молодость из разговорного языка, недостаточно сказать, что её выразительные средств-

ва — лишь «отражение и преломление» эмоциональных средств общего языка; к этому следует добавить, что если бы не было разговорного языка — единственной формы речи, которая постоянно живет в нас и к которой мы сводим все остальные, не было бы и эстетического наслаждения, вызываемого формой, языком, т.е. стилем»⁷⁹. Но при этом Балли совершенно категорически отсек от стилистики изучение индивидуально — художественных языковых систем: «к области изучения индивидуального стиля, а не стилистики относится вопрос: почему Доде употребляет столько фамильярных выражений, чего он хочет достичь, сочетая эти обороты и под.»⁸⁰ Г. О. Винокур изложил детально свою позицию в известной статье «Об изучении языка литературных произведений».⁸¹ В художественной (поэтической) речи Г. О. Винокур видел «особый модус языковой действительности» и не подвергал сомнению необходимость её лингвистического изучения: «Лингвистика вообще есть наука о в с я к о м языке, в том числе и о языке художественном».⁸² Как и Ш. Балли, Г. О. Винокур видел первооснову выразительных средств художественного языка в языке внехудожественном: «... нет такого факта поэтического языка, каковой факт не был бы известен и вне поэтического контекста, как явление языка вообще»⁸³ Выдвинутая Г. О. Винокуром концепция формирования русского литературного языка покоится на «скрещении книжного и обиходного начал» и на взаимодействии художественной и внехудожественной речи.⁸⁴ Г. О. Винокуру принадлежит тщательное различение стиля как явления языка, нормативного понимания стиля как «существующего в общественном сознании и д е а л а пользования языком»⁸⁵ и, конечно, индивидуально-художественного стиля. Как и Ш. Балли, Г. О. Винокур полагал, что изучение индивидуальных стилей выходит за пределы лингвистической компетенции, ибо в стилистике, как науке лингвистической, «понятие стиля применяется к самому языку, а не к тому, что выражено в языке, в частности — и не к находящей себе выражение в языке личности пишущего».⁸⁶ Г. О. Винокур вошел в историю русской науки как один из самых тонких исследователей поэтического языка и особенно языка А. С. Пушкина. И для него вопрос о личности поэта и возможности судить о личности по языку был, можно сказать, болевым вопросом. Это был

---

⁷⁹ Балли, С. 284.

⁸⁰ Балли, С. 137.

⁸¹ Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные...

⁸² Винокур Г. О. Об изучении..., С. 255.

⁸³ Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Избранные труды..., С. 391.

⁸⁴ Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк // Избранные труды...

⁸⁵ Винокур Г. О. Об изучении..., С. 234.

⁸⁶ Там же, С. 233.

также вопрос о том, что только объективное, доступное проверке знание может считаться научным. Г. О. Винокур высоко оценивал учение Фосслера «об индивидууме как творце языка и примате индивидуального стиля по отношению к «застывшей грамматике»,⁸⁷ но попытки эстетической школы выводить из языка тип мышления, психологическую структуру личности — идет ли речь о коллективной личности или творце-художнике — Г. О. Винокур считал «бесплодным субъективизмом». Конечный вывод Г. О. Винокура состоит в следующем: «Но занимаемся ли мы биографической, психологической или историко-литературной интерпретацией индивидуальных явлений языка, если только, действительно, цель наша состоит в раскрытии известной индивидуальности, мы всякий раз неизбежно выходим за границы лингвистики и имеем дело с проблемами, которые не могут считаться принадлежащими собственно языковедению».⁸⁸

Известно, что научная мысль не терпит никаких запретов. В последние десятилетия XX века получает распространение представление о концептуализации языком внеязыковой действительности и о национально-языковой картине мира⁸⁹. В описании русской языковой картины мира нашли свое место и русский национальный менталитет, и «загадочная» русская душа. Таким образом, оказалось вполне возможным раздвинуть границы лингвистики в том, что относится к коллективной языковой личности. Более сложной явилась проблема «интерпретации поэта из его языкового окружения», по выражению Л. Шпитцера. Само по себе изучение индивидуально-художественных языковых систем превратилось в законную область лингвистики (особенно — лингвопоэтики, где для них используются специальные термины — идиостиль и идиолект⁹⁰). Но для того, чтобы производить идентификацию личности поэта или писателя, опираясь на его художественные тексты, надо встать на такой уровень анализа, при котором художественные тексты лишаются своей специфики в сравнении с нехудожественными, например, эпистолярными, дневниковыми, эссеистическими и пр. Такой шаг был, действительно, сделан в дальнейшем в интертекстуальной парадигме, и даже появился соответст-

---

⁸⁷ Там же, С. 236.

⁸⁸ Об изучении..., С. 243.

⁸⁹ См. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997 (раздел «Национальная специфика языковой картины мира»).

⁹⁰ См. Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Диссертация... М., 1998.

вующий метод — так называемый мотивный анализ.⁹¹ Однако Г. О. Винокур прав: в интертекстуальной, да и в когнитивной парадигмах границы классического понимания предмета языковедения стираются, и субъективный анализ ценится так же высоко, как и объективный.

В 20-е годы идея расподобления практического и художественного языка была продемонстрирована прежде всего на языке стихотворном⁹². С этого времени укрепляется представление о поэтическом языке как особой системе. Проблема поэтической семантики была посвящена знаменитая работа Ю. Н. Тынянова,⁹³ а в учебнике Б. В. Томашевского мы находим разделы, посвященные поэтической фонетике, поэтической лексике, поэтическому синтаксису.⁹⁴ Эта традиция полностью сохраняется в семиотике — в монографии Ю. М. Лотмана «Анализ поэтического текста»⁹⁵ дается последовательное поуровневое описание поэтического языка, включая графику. Художественная речь в целом не рассматривалась как один из функциональных стилей русского языка — такая характеристика (художественный стиль) появляется позднее в учебниках по стилистике.⁹⁶ Понятие стиля, если оно используется, обращено либо к литературным стилям, либо, как писал Б. В. Томашевский, «для явлений более индивидуализированной речи»,⁹⁷ то есть применительно к конкретным художественным текстам. Здесь используется иная терминология: стилистический прием, стилистическое задание, стилистический эффект. Образцы подобного стилистического анализа находим у В. М. Жирмунского.⁹⁸ По Жирмунскому, «стилистика есть как бы поэтическая лингвистика: она рассматривает факты общей лингвистики в специальном художественном применении».⁹⁹ Стиль есть «единство приемов поэтического произведения», что соответствует пониманию стиля в изобразительных искусствах. В. М. Жирмунский демонстрирует «единство приемов» и «единство стилистического задания», анализируя стихотворение А. С. Пушкина «Для

---

⁹¹ См. Гаспаров Б. М. Цит.соч. Образец «психобиографического» мотивного подхода — Жолковский А. К. Михаил Зощенко. Поэтика недоверия. М., 1999.

⁹² См. статьи Л. П. Якубинского, Е. П. Поливанова, В. Шкловского, О. Брика в: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919.

⁹³ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

⁹⁴ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Л., 1925.

⁹⁵ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972

⁹⁶ См. Раздел «Художественный стиль» в учебнике: М. Н. Кожина. Стилистика русского языка. М., 1983.

⁹⁷ Томашевский Б. В. Язык и стиль // Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л, 1959, С. 328.

⁹⁸ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

⁹⁹ Жирмунский, С. 30—31.

берегов отчизны дальней...». Результатом является определение «словесного стиля» этого стихотворения как «обобщающего, типизирующего, метонимического»¹⁰⁰. По мысли В. М. Жирмунского, детальный стилистический анализ других произведений Пушкина дает возможность говорить о стиле Пушкина, и дальше — «о стиле эпохи и литературной традиции». В отличие от Б. Кроче, В. М. Жирмунский не считал простыми этикетками такие определения, как стиль классицизма или романтизма, но стремился дать им лингвистическое истолкование. Если Пушкин в рассмотренном стихотворении предстает как «завершитель русского классицизма», то при анализе романтического стиля В. М. Жирмунский обращается к художественной прозе — описанию ночи из рассказа И. С. Тургенева «Три встречи». Он выделяет особый эмоциональный ритм, создающийся благодаря анафорам, параллелизмам, синонимическим вариациям, и особый эмоциональный тон, возникающий благодаря «частому возвращению некоторых слов, образующих в описании характерные стилизующие мотивы».¹⁰¹ Таковыми являются, например: слово «все» («весь») в качестве «лирической гиперболы, характерной для романтического стиля» («Все небо было испещрено звездами...», «Воздух, весь теплый, весь пахучий...», «... липы... все черные и непрозрачные...»); «неопределенные слова» («*Какая-то* жажда чувствовалась в нем, *какое-то* мление...», «*как будто* звали... как будто манили», «... все *как будто* глядело вверх...»), «сказочные» эпитеты с семантикой «чудесного, таинственного, необычайного» («... *странный* сдержанный шорох...», «*неясный*, но светлый туман...», «Сердце во мне томилось *неизъяснимым* чувством»);¹⁰² метафорическое квазиодушевление явлений природы («Все *дремало*, все *нежилося* вокруг; все как будто *глядело вверх, вытянувшись, не шевелясь и выжидая*...»). В совокупности эти признаки действительно вскрывают особенности романтического словесного стиля в его противопоставленности логически выверенному, отличающемуся вещественной и смысловой насыщенностью классицистическому стилю¹⁰³. Придерживаясь системно — стилистического подхода, В. М. Жирмунский делает чрезвычайно важное замечание о том, что нет приема как такового, «лишь в стилистическом единстве художественного произведения он получает свое эстетическое оправда-

---

¹⁰⁰ Жирмунский, С. 43.

¹⁰¹ Жирмунский, С. 50.

¹⁰² Ср. название вышедшей в конце XX века монографии В. Н. Топорова — «Странный Тургенев» (М., 1996).

¹⁰³ Ср. близкую характеристику романтического слова в: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1946. Анализы В. М. Жирмунского оказались настолько точны, что к ним прибегают и по сей день в практике художественного перевода, см Клаудиа Ласорса Съедина. Тургенев и Толстой в итальянских переводах // Europa Orientalis, 7, 1988.

ние».¹⁰⁴ Поэтому «тот же самый, с формальной точки зрения прием, нередко приобретает различный художественный смысл в зависимости от единства всего художественного произведения, от общей направленности всех остальных приемов».¹⁰⁵ Здесь В. М. Жирмунский как будто опережает замечание, которое было сделано Н. С. Трубецким по поводу книги Р. Якобсона о В. Хлебникове,¹⁰⁶ в которой Р. Якобсон рассматривает поэтические приемы в фольклоре, у Пушкина, у футуристов: «Приемы эти все-таки не одни и те же именно в силу того, что они применяются людьми с совершенно различными эстетическими «системами поэтического мышления... Без этого нельзя говорить об индивидуальном поэтическом языке».¹⁰⁷ Итак, В. М. Жирмунский, во-первых (в отличие от Г. О. Винокура), включает стилистику индивидуальной художественной речи в «лингвистику будущего», и, во-вторых, активно использует понятие стиля, с которым он и связывает эстетический критерий. Но при этом ни Г. О. Винокур, ни В. М. Жирмунский не ставят задачей установить область сходств и различий собственно языковых (функциональных) и индивидуально-художественных стилей. Почему, например, к научному или официально-деловому тексту не применимы такие понятия, как «стилистическое задание», «стилистический прием»? Почему применительно к художественному тексту мы говорим о выразительных, но не стилистических средствах и, напротив, едва ли не комично звучит сочетание «выразительные средства официально-делового языка»? Каково вообще место выразительности в понятийном аппарате стилистики?

В 20-е годы вопрос о стилистике художественной речи был, безусловно, одним из центральных в отечественной науке, и от его решения во многом зависела судьба стилистики как целостной лингвистической дисциплины. В. В. Виноградов, как и В. М. Жирмунский, исходил из того, что «изучение индивидуальных стилей — основная проблема стилистики».¹⁰⁸ Но при этом стилистика мыслилась им как единая дисциплина с двумя «асpekтами»: «стилистика разговорной и письменной речи — во всем разнообразии их целей, а в зависимости от этого — и типов построения; 2) стилистика поэтической речи, т.е. речи, которая организует литературно-художественные произведения».¹⁰⁹ В. В. Виноградову была чуждо пред-

---

¹⁰⁴ Жирмунский, С. 35.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921 (перепечатано в: Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

¹⁰⁷ N. S. Trubetzkoy Letters and notes. Prepared for publications by R. Jakobson. The Hague—Paris, 1975, p. 17.

¹⁰⁸ Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. М., 1980, С. 3.

¹⁰⁹ Там же, С. 5.

ставление В. М. Жирмунского о стилистике как части поэтики (помимо тематики и композиции), но для стилистики художественной речи В. В. Виноградов также предлагал собственное разделение, не распространявшееся на стилистику «разговорной и письменной речи» — разделение на символику и композицию (или синтактику). Если для В. М. Жирмунского эстетический подход был связан со стилем как объемлющей категорией, то В. В. Виноградов стремится выделить эстетически значимую единицу, так сказать, на атомарном уровне — то есть на уровне текстовых единиц. Так появляется символ — «эстетически оформленная и художественно локализованная единица речи в составе поэтического произведения».¹¹⁰ В. В. Виноградов подчеркивает, что символы — это именно стилистические единицы, это «органические элементы художественного произведения, найденные в процессе имманентного анализа»¹¹¹. Символом может быть слово морфема, словосочетание и предложение, идиомы, большие «синтаксические единства, комплексы синтаксических групп».¹¹² В. В. Виноградов предложил образцы стилистического анализа, основанного на выделении символов, обратившись к произведениям разных временных эпох, к прозаической и стихотворной формам: текстам: «Житие протопопа Аввакума», петербургская поэма Ф. М. Достоевского «Двойник»¹¹³, поэтические тексты Анны Ахматовой.

Если Шпитцер предлагает начинать анализ текста с любых отклонений от нормы, В. В. Виноградов, наоборот, обращает внимание на массовидные единицы текста, с помощью которых обозначаются основные мотивы, то есть это предикативные единицы, представляющие действия в их последовательности. В «Житии» выделяются, с одной стороны, «разговорно-речевая стихия» сказа («вяканье», как обозначает свой рассказ Аввакум, с другой — «элементы церковно-книжного, главным образом библейского стиля»¹¹⁴ (например, с одной стороны, *Богъ изліялъ фіальъ гнева ярости своя на Рускую землю, Убойся Бога, сидящего на херувимехъ и призирающего в бездны*, с другой — *... иногда пришлют кусок мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда полъпудика накопит и передасть*). В «Двойнике» также достаточно легко выделяются два типа символов: повествовательный сказ, регистрирующий «моторные образы» — повторяющиеся, раздроб-

---

¹¹⁰ Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, С. 375.

¹¹¹ Виноградов В. В. О теории литературных стилей // Там же, С. 244.

¹¹² Там же, С. 244.

¹¹³ Виноградов В. В. К морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.

¹¹⁴ Наблюдения над стилем..., С. 11.

ленные на составные части действия героя, (*Голядкин очнулся..., зевнул, потянулся и открыл, наконец, совершенно глаза свои*), иногда с вкраплениями «типичных черт канцелярско-чиновничьего диалекта» (*положил ждать; для сего нужно было, во-первых, чтобы кончились как можно скорее часы присутствия и под.*), и «высокий стиль» — «мир торжественных образов, связанных с церковнославянизмами»¹¹⁵ (*сокрушить рог гордыни и раздавить змею, грызущую прах в презрении бессилия; в прах обратиться; слова этой истории ложились на сердце его, словно манна небесная*). Здесь интересно, что выделяемые символы поддаются собственно языковой стилистической классификации (стилистические смыслы «разговорность», «возвышенность»), но вместе с тем В. В. Виноградов выделяет не только и не столько отдельные слова, сколько сочетания, части фраз, то есть некие значимые текстовые фрагменты. Через несколько десятилетий один из основателей собственно интертекстуального подхода французский исследователь Ролан Барт выдвинет в качестве единицы текстового анализа лексию — «единицу чтения».¹¹⁶ «Объем каждой лексии, — пишет Р. Барт, — будет колебаться от нескольких слов до нескольких предложений; ... её протяженность, устанавливаемая эмпирически, будет зависеть от плотности коннотаций, неодинаковой в различных частях текста».¹¹⁷ Конечно, В. В. Виноградов и Р. Барт говорят о разных коннотациях (хотя кое в чем и они совпадают, например, у Виноградова — повествовательный сказ, у Р. Барта — повествовательный код»¹¹⁸), но все же перекличка поразительна, и в ней, конечно, есть глубокий смысл. Он состоит в учете «фактора адресата», в том, что «считывание» текста и восприятие его происходит по своим закономерностям, которые нельзя описать опираясь исключительно на системные отношения в языке. В этом плане особенно интересны символы, выделяемые в поэтических текстах А.Ахматовой — ведь здесь нет языковой стилистической поддержки в виде стилистических значений, и «общие нормы словоупотребления и словосочетания даны нам непосредственно»¹¹⁹. В. В. Виноградов как раз и опирается на то, что А. Ахматова *пользуется привычными словосочетаниями разговорно-интеллигентской речи и, окутывая их сложной сетью стилистических ухищрений, дает им новую семантическую характеристику*.¹²⁰ В поэтическом языке А. А. Ахматовой В. В. Виноградов выделил три типа символов:

---

¹¹⁵ К морфологии..., С. 121.

¹¹⁶ Барт Ролан. S/Z. М., 1994.

¹¹⁷ S/Z, С. 24.

¹¹⁸ См. об этом Ревзина О. Г. Язык и литература: учение акад. В. В. Виноградова в свете современного гуманитарного знания // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, №6.

¹¹⁹ О задачах стилистики..., С.39.

¹²⁰ О поэзии Анны Ахматовой. С. 376.

а) символы — устойчивые сочетания, например *Я сошла с ума, о мальчик странный, В среду в три часа*. В высказывании появляется несвойственный идиоме сойти с ума темпоральный квалификатор, длительный процесс предстает как точечный, что наполняет его болью и остротой, б) символы-предложения, например: *Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле. Сочинил же какой-то бездельник, Что бывает любовь на земле*. Однокомпонентные номинативные предложения указываю на время и место долженствующего быть названным действия или события. Следующая далее сентенция отраженным светом модифицирует значение первых предложений, превращая их в средство передачи эмоционального состояния героини, в) символы-слова, особенно определения, выраженные прилагательными и наречиями, например, *Вечерние часы перед столом. Непоравимо-белая страница* или *А ты теперь тяжелый и унылый, Отрекшийся от славы и мечты, Но для меня непоравимо милый, И чем темней, тем трогательней ты*. В обоих случаях наречие *непоравимо* формирует запрещенное с точки зрения нормы сочетание, в котором передается эмоциональное восприятие «я»-субъектом известных ему, но неназываемых событий. «Семантические метаморфозы», происходящие в результате преобразования языковых единиц в разные типы символов, определяют, как пишет В. В. Виноградов, «тот тип семантического творчества», который характеризует «стиль» художника в целом». ¹²¹

Итак, мы видим, что и у В. М. Жирмунского, и у В. В. Виноградова понятие стиля не только сохраняется, но продолжает играть весьма значительную роль в самом способе мышления о художественном языке. Однако у других выдающихся лингвистов, занимавшихся художественным языком и четко осознавших свою приверженность структурной парадигме, понятие стиля оказывается невостребованным. В знаменитых «Тезисах Пражского Лингвистического языка» 1929 года была выдвинута функциональная модель языка, в которой функция общения противопоставлялась *поэтической функции*. ¹²² При такой постановке вопроса сам стиль становился производным от функции, в нем, собственно говоря, не было больше нужды, так же как и в стилистике художественной речи как особой области исследования в пределах стилистического расслоения языка. И действительно, в «Тезисах» слово «стиль» не встречается. Сама же поэтическая функция понимается так, как это уже в начале 20-х годов было сформулировано Р. Якобсоном и затем уточнено и расширено в его

---

¹²¹ О поэзии Анны Ахматовой, С. 394.

¹²² Тезисы Пражского Лингвистического кружка // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М., 1963, С. 130.

знаменитом докладе на конференции 1958 года в США «Стиль в языке».¹²³ В этом докладе Р. Якобсон выделил шесть составляющих акта коммуникации (адресант — отправитель, адресат — получатель, сообщение, код (язык сообщения), контекст (референт, внеязыковая действительность), контакт (канал коммуникации) и поставил в соответствие каждой из составляющих особую функцию языка. «Направленность (*Einstellung*) на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это *поэтическая функция языка*».¹²⁴ Здесь важно подчеркнуть, что, по Якобсону, «поэтическая функция является не единственной функцией словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент».¹²⁵ Отсюда и понимание лингвистической поэтики как той части лингвистики, «которая рассматривает поэтическую функцию языка в её соотношении с другими функциями языка».¹²⁶

Роль Р. Якобсона в развитии лингвистической поэтики исключительно велика. Он довел до совершенства «имманентный», по определению В. В. Виноградова, анализ поэтического текста. Доказательством могут служить его разбор стихотворения А. С. Пушкина «Я вас любил...»,¹²⁷ равно как не менее впечатляющий (совместно с Леви-Строссом) анализ стихотворения «Кошки» Ш. Бодлера.¹²⁸ Анализируя стихотворение А. С. Пушкина, Р. Якобсон обращает внимание на то, что это пример поэзии без образов (только одна общеязыковая метафора: *Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем*), на отбор грамматических форм (из 47 слов четырнадцать являются местоимениями) и на то, что все три «действующих лица» стихотворения обозначаются единственно местоимениями: *я, вы, другой*. И дальше он выявляет очень красивую структуру, построенную единственно на «грамматике поэзии». Стихотворение трехчленно, при этом начальный станс и два полустипа заключительного станса открываются одной и той же «узловой формулой»: *Я вас любил*. В первом стансе развивается «тема п р е д и к а т а», то есть чувства любви, в отношении которого, благодаря искусному выбору

---

¹²³ Якобсон Роман. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

¹²⁴ Лингвистика и поэтика, С. 202.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Лингвистика и поэтика, С. 206.

¹²⁷ Якобсон Р. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1961.

¹²⁸ Роман Якобсон и Клод Леви-Стросс. «Кошки» Шарля Бодлера // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

видовых форм, «ничто не предстает завершенным».¹²⁹ В первом полустишии второго четверостишия развивается «тема с у б ъ е к т а», а во втором полустишии — «тема о б ъ е к т а», при этом интерпретация последней строки: Как дай Вам Бог любимым быть другим» — двояка: это и заклинание, и «нереальное наклонение», означающее, что без сверхъестественного вмешательства другую такую любовь героине встретить едва ли еще придется».¹³⁰ Весь анализ строится на идее неслучайного выбора грамматических, лексических и синтаксических форм (то, что относится к парадигматике и называется селекцией) и неслучайного их соположения в стихотворных строках, возникающих здесь симметричных и параллельных «грамматических фигур». Так наглядно Р. Якобсон продемонстрировал «эмпирический критерий лингвистической функции: *«Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности на ось комбинации»*».¹³¹ Обратим еще раз внимание на то, что выделение поэтической функции элиминировало по существу понятие стиля как языковой категории, хотя сама схема акта коммуникации, предложенная Р. Якобсоном, с полным основанием может быть положена в основу разделения выделения функциональных стилей, разговорной речи и словесно-художественных текстов как основных разновидностей порождающей языковой деятельности в русском языке¹³². Мы не находим стилевой составляющей и в интегральных принципах «внутритекстового семантического анализа», предложенных Ю. М. Лотманом и применимых, по мысли автора, и к прозаическим, и к стихотворным художественным текстам.¹³³ Ю. М. Лотман выделил несколько типов исследовательских операций: 1. Разбиение текста на уровни и группы по уровням синтагматических сегментов (фонема, морфема, слово, стих, строфа, глава — для стихового текста; слово, предложение, абзац, глава — для прозаического текста). 2. Разбиение текста на уровни и группы по уровням семантических сегментов (типа «образы героев»). Эта операция особенно важна при анализе прозы. 3. Выделение всех пар повторов (эквивалентностей). 4. Выделение всех пар смежностей. 5. Выделение повторов с наибольшей мощностью эквивалентности. 6. Взаимное наложение эквивалентных семантических пар с тем, чтобы выделить работающие в данном тексте дифференциальные семантические признаки и основные семантические оппозиции по всем основным уровням. Рассмотрение семантизации семантических конст-

---

¹²⁹ Грамматика поэзии, С. 406.

¹³⁰ Там же, С. 407.

¹³¹ Лингвистика и поэтика, С. 204.

¹³² См. об этом Ревзина О. Г К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М., 1981.

¹³³ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

рукций. 7. Оценка заданной структуры синтагматического построения и значимых от него отклонений в парах по смежности. Рассмотрение семантизации синтаксических конструкций».¹³⁴ Пусть этот метод утопичен, но ему нельзя отказать в полноте. Но вот о стиле, как легко видеть, здесь речи нет.

Итак, можно констатировать, по меньшей мере, два парадокса, демонстрирующие, насколько непредсказуем путь развития научного знания. Сторонники четкого разграничения художественной и внехудожественной речи (структурная парадигма) наследовали подход к художественному тексту, выдвинутый Л. Шпитцером (первый этап формирования интертекстуальной парадигмы). При этом, однако, анализ текста строится на представлении языка как системы, что для интертекстуальной парадигмы или неактуально или неприемлемо. И ещё: текстовый анализ зачинался в стилистике, но в структурной парадигме был по существу выведен из неё. При этом на уровне так называемого «макрочтения»¹³⁵, то есть учета внесистемных текстовых связей в работах структурно-семиотического подхода неизменно учитываются и отсылки к другим текстам, и к мифологии, и к внесловесному событийному миру. Все такого рода соотнесения строятся как коннотации, а ведь именно коннотативный способ передачи информации лежит в основе стилистической системы языка. Но эта общность никогда не была четко зафиксирована и осмыслена, и в результате стилистика художественной и стилистика нехудожественной речи стали существовать как бы в разных «отсеках» филологического знания. В наибольшей степени от такого разделения пострадало понятие стиля. Стиль, который первее всего и непосредственнее всего воспринимается человеком и в искусстве, и в жизни, начиная с 60-х годов перестает быть «престижным» объектом изучения и не входит в дальнейшем в круг «актуальных проблем языкознания».

11. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: теория высказывания и теория речевых жанров.

В формировании интертекстуальной парадигмы исключительную роль сыграли работы русского философа и литературоведа М. М. Бахтина,

---

¹³⁴ Структура..., С. 119.

¹³⁵ Разграничение по пунктам микрочтения и макрочтения проводит Т. Венцлова. Микрочтение, опирающееся на понятия уровней, единиц и их компонентов и выявляющее внутреннюю структуру текста, является объективным и верифицируемым процессом. Макрочтение представляет собой анализ текста «в его взаимодействии с фоном, со множеством других текстов и структур» неизбежно субъективно. (Венцлова Т. О пансемантической поэтического текста // Венцлова Т. Неустойчивое равновесие. Восемь русских поэтических текстов. New Haven, 1986, С. 36).

писавшиеся (под разными именами) в 20-е годы, но получившие новое осмысление после частичного их переиздания начиная с 60-х годов. Для стилистики (впрочем, и шире — для языкознания) особенно важными являются известная статья М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров»¹³⁶, а также глава под названием «Слово у Достоевского» из книги «Проблемы поэтики Достоевского»¹³⁷. М. Бахтин не был согласен с Соссюром в понимании того, что есть речь и во многих работах выступал резким критиком традиционной (структурной стилистики), полагая, что она поверхностна и не позволяет приблизиться к сути дела, причем это касалось как функциональной стилистики, так и стилистики художественной речи. Можно даже сказать более категорично: все интересное в языковой деятельности М. М. Бахтин считал не поддающимся лингвистическому анализу. Он писал о том, что существует «целая сфера между лингвистическим и чисто смысловым анализом: эта сфера выпала для науки»¹³⁸. В связи с этим М. М. Бахтин говорил о «металингвистике», однако вполне возможный ход рассуждения о расширении самого предмета языкознания, что вызывается изменением представления о языке и что действительно произошло в мировой науке, М. М. Бахтиным не обсуждалась.

В чем же, по М. М. Бахтину, состоит суть дела? Можно сказать, что все упирается в то, как мыслится языковая деятельность. По Соссюру, это новое и новое обращение к языковой системе — М. М. Бахтин напоминает определение речи (высказывания), данное Соссюром: это есть «индивидуальный акт воли и понимания, в котором надлежит различать: 1) комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется с целью выражения своей личной мысли и 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации».¹³⁹ Иначе говоря, для человека не имеет значения ни его собственный языковой опыт, ни опыт чтения, ни опыт общения: каждый раз, когда ему надо построить предложение (например, «Вчера было воскресенье», он обращается к русскому лексикону и грамматике и порождает данное высказывание. Именно это положение не принималось эстетической школой и тем более М. М. Бахтиным. Он обосновывает положение о том, что мы говорим не предложениями, но высказываниями и, хотя «каждое индивидуальное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает *относительно устойчивые типы* таких высказыва-

---

¹³⁶ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

¹³⁷ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

¹³⁸ Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

¹³⁹ Проблема речевых жанров, С. 260.

ний, которые мы и называем *речевыми жанрами*».¹⁴⁰ Мы уже наблюдали примеры того, как некая научная идея, выдвинутая в пределах одной парадигмы, получила полноценное развитие и значимость в другой. Первый вклад Бахтина в лингвистику и стилистику — это теория высказывания и теория речевых жанров, которые оказались созвучными теории референции и теории речевых актов, были усвоены и развиты в теории синтаксиса и в стилистике. Дело в том, что на высказывание М. М. Бахтин не налагал каких-либо объемных ограничений, то есть это и реплика бытового диалога, и роман. А при этом в высказывании он выделял три момента: тематическое содержание, композиционное построение и стиль, которые «неразрывно связаны в *целом* высказывания и одинаково определяются спецификой данного общения».¹⁴¹ Очевидно, насколько такое понимание близко понятию функциональных стилей. Это отлично сознавал и сам М. М. Бахтин, что очевидно из следующего рассуждения: «По существу языковые, или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения (на близости стиля и жанра настаивал и Винокур — О. Г.). В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам соответствуют и определенные стили. Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний. Стиль неразрывно связан с определенными композиционными единствами и — что особенно важно — с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого сообщения (к слушателям или читателям, к партнерам, к чужой речи и т.п.) Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания».¹⁴² Здесь в свернутом виде изложена вся будущая концепция функциональной стилистики. Причем, в отличие от других исследователей, для которых функциональные стили и индивидуальные стили были совершенно разделены, М. М. Бахтин вскрывает характер их связи. Он пишет о том, что в большинстве речевых жанров «индивидуальный стиль не входит в замысел высказывания», он возникает скорее как «эпифеномен», как «дополнительный продукт»; о том, что функциональные стили различаются тем, насколько благоприятные условия создаются в них для отражения индивидуальности. Например, «во многих видах деловых документов, в военных командах, в словесных сиг-

---

¹⁴⁰ Проблема речевых жанров, С. 237.

¹⁴¹ Там же, С. 237.

¹⁴² Там же, С. 241—242.

налах на производстве» могут выражаться, как пишет М. М. Бахтин, только самые поверхностные, почти биологические стороны индивидуальности», да и то скорее в устной форме исполнения. Чтобы оценить эту мысль, достаточно вспомнить, насколько часто пародируется официально-деловой стиль и насколько важным для этих пародий является как раз включение личностного момента, ср., например, такой текст доверенности, приводимый Т. Г. Винокур: «Пусть мою зарплату отдадут Ивану Петровичу. Он, как будто, человек честный и, я надеюсь, денег моих не растратит»¹⁴³. С другой стороны научный стиль, также отличающийся строгостью языкового воплощения, вполне допускает «вторжение личности», и индивидуальный научный стиль всегда имеет место, когда речь идет о крупном ученом — достаточно сравнить научное письмо В. В. Виноградова и А. М. Пешковского. М. М. Бахтин идет и дальше. Говоря о жанрах художественной литературы, он отмечает, «что здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его (но и в пределах художественной литературы разные жанры предоставляют разные возможности для выражения индивидуальности в языке и разным сторонам индивидуальности)»¹⁴⁴. И опять-таки: если сравнить эпистолярный роман и басню или художественную притчу, если вспомнить, сколько «ликков», как называл это В. В. Виноградов, у повествователя в «Войне и мире», невозможно не согласиться с М. М. Бахтиным и увидеть перспективность его рассуждений. Не только эти, но и некоторые другие идеи М. М. Бахтина до сих пор ждут своих разработчиков. Так, М. М. Бахтин произвел разделение первичных и вторичных речевых жанров. М. М. Бахтин назвал первичными (простыми) жанрами те, которые сложились в условиях непосредственного общения и представляют собой «все разнообразие видов бытового диалога». Первичные речевые жанры (например, просьба, совет, мольба, обещание, приветствия, поздравления, прощания, при более широком понимании — болтовня, ссора, сплетня¹⁴⁵) стали предметом пристального изучения в лингвистике, стилистике, культуре речи в последние десятилетия XX века. Вторичные (сложные) речевые жанры — это, по Бахтину, «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.», которые возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) — художественного, научного, общественно-

---

¹⁴³ Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

¹⁴⁴ Проблема речевых жанров, С. 241.

¹⁴⁵ Из последних работ о типологии речевых жанров см. написанные К. Ф. Седовым разделы в коллективной монографии «Хорошая речь» (Саратов, 1991)

политического и т.п.).¹⁴⁶ По мысли М. М. Бахтина, между первичными и вторичными речевыми жанрами нет пропасти, нет принципиальной границы. Более того, вторичные речевые жанры в процессе своего формирования «вбирают в себя и перерабатывают» первичные. Вот это как раз тот вопрос, который требует дальнейших исследований — тем более, что многие речевые жанры (например, светской общения, семейного разговора, идейного спора) были выделены и описаны как раз на материале художественной литературы (здесь особенно надо отметить работы В. В. Виноградова и Л. Я. Гинзбург о диалогах в «Войне и мире»)¹⁴⁷ Сам М. М. Бахтин замечательно глубоко объяснил сущность того, что происходит при трансформации первичных речевых жанров в составе сложного вторичного жанра — художественного текста: они «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни».¹⁴⁸ О значении «отрешения», или «изоляции» («...изоляция есть выведение предмета, ценности и события из необходимого познавательного и этического ряда») для художественного дискурса М. М. Бахтин писал столь же прозорливо и в своих философско-эстетических работах, также требующих дальнейшего осмысления¹⁴⁹.

12. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: теория диалога.

М. М. Бахтин, как и Фосслер, ставит в центр не абстрактную систему языка, а «конкретные высказывания отдельных говорящих людей». Но Бахтин делает следующий, необычайно важный шаг: он видит в высказывании не монолог, а структурную составляющую диалога, ставя, таким образом, коммуникативную функцию языка превыше всех других языковых функций. Теория диалога — это второй вклад М. М. Бахтина в понимание интертекстуальности. Для теории Бахтина о диалоге важны и выделенные им структурные черты диалога и объем диалогических отношений, и проистекающая из теории диалога коннотативная природа интертекстуальности. Во-первых, о структурных чертах диалога.

---

¹⁴⁶ Проблема речевых жанров, С. 239.

¹⁴⁷ См. Виноградов В. В. .... Л. Я. Гинзбург

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесно-художественном творчестве // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975 (определение «изоляции» — на С. 61). См. также Ревзина О. Г. О концепте собственно русской художественной формы //

М. М. Бахтин ставит вопрос: что представляет собой человеческая речь, какие в ней выделяются структурные единицы, и весьма иронически отзывается о лингвистических формулировках типа «Наша речь делится...» или «Речевой поток распадается...». Так называемая «наша речь» — это не монолог, обращенный в пустоту, она по сути своей предполагает «активную роль *другого*». Реальной единицей речевого общения, по М. М. Бахтину, является, таким образом, даже не предложение, но именно высказывание, а классической формой речевого общения является диалог. К структурным чертам диалога М. М. Бахтин отнес «смену речевых субъектов», «завершенную целостность высказывания» (в свою очередь определяющуюся такими чертами, как «предметно-смысловая исчерпанность», наличие *речевого замысла* или *речевой воли* говорящего, «типические композиционно-жанровые формы завершения»), его адресованность, использование устойчивых речевых жанров («Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как её организуют грамматические формы (синтаксические).¹⁵⁰ Каждый из этих признаков, что называется, «бьет в десятку», но особенно следует отметить значение признака «смена речевых субъектов». Это, как будто такое простое и чуть ли не тривиальное утверждение М. М. Бахтина на самом деле невозможно переоценить: поскольку высказывание, по Бахтину, не имеет объемных ограничителей, диалогические отношения существуют не только между репликами бытового диалога, где «я» и «другой» представлены наглядно, но они существуют между текстами. Поэтому научное произведение и рецензия на него — это диалог, роман и отклики читателей либо произведения других авторов, как-то соотносенных с данным романом — это диалог и т.д., при этом вступающий в диалог речевой субъект занимает ответную позицию: «Произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого (других), на его ответную позицию, на его активное ответное понимание... Произведение — звено в цепи речевого общения; как и реплика диалога, оно связано с другими произведениями-высказываниями: и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, на которые на него отвечают».¹⁵¹ Иначе говоря, жизнь языка в социуме — это есть постоянное вхождение в языковую среду, это языковой опыт как база владения и использования языком. Но тогда окончательно рушится модель, при которой порождение высказывания происходит в результате обращения к системе языка. «... индивидуальный речевой опыт всякого человека, — пишет М. М. Бахтин, — формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освое-

---

¹⁵⁰ Проблема речевых жанров..., С. 257.

¹⁵¹ Проблема речевых жанров..., С. 254.

ния чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собой и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, акцентируется нами.¹⁵² И поэтому — «родной язык, его словарный состав и грамматический строй — мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми». ¹⁵³ И так, высказывания несут информацию о других высказываниях, тексты говорят о других текстах. Это, действительно, то, чего нет в структурной парадигме и чем не занималась структурная стилистика языка (хотя, если говорить о традиционном литературоведении, проблемы «влияния», «традиции», «новаторства» всегда входили в понятийный аппарат этой дисциплины). Однако М. М. Бахтин настолько не верил в стилистику как языковедческую дисциплину, что не посчитал нужным поставить простейший вопрос: как в самом языке передается информация о других текстах, каким образом носитель языка извлекает её из слова, из высказывания, иначе говоря, как опознается интертекстуальный смысл? Зададим этот вопрос мы. Интертекстуальный смысл не входит в значение слова — ни в его сигнификативный, ни даже в прагматический компонент — и здесь М. М. Бахтин совершенно прав — интертекстуальные смыслы не суть системные языковые значения. Интертекстуальные смыслы, разумеется, не имеют собственных формальных показателей. Они, что называется, «обволакивают» языковое выражение целиком таким образом, что оно становится презентантом интертекстуального смысла, то есть производят отсылку к тексту как к вещи. Но ведь это совершенно тот же механизм, который мы наблюдали, когда говорили о стилистических смыслах. Когда мы слышим «Я купил клевый шарф», мы получаем информацию о возрасте говорящего, носителем которой становится слово «клевый». Эта информация приписывается слову целиком, как целостному языковому знаку, то есть передается по коннотативному каналу информации. Когда мы читаем в газете «Герой нашего времени — это я» языковое сочетание «герой нашего времени» также не содержит каких-либо формальных показателей того, что в нем содержится дополнительная интертекстуальная информация. Для не знающих текстов русской литературы эта информация отсутствует, что мы регулярно наблюдаем в языковой практике иностранцев, которые интертекстуальных отсылок не воспринимают. Но механизм здесь тот же самый: языковое выражение целиком становится

---

¹⁵²Проблема..., С. 269.

¹⁵³Проблема..., С. 257.

репрезентантом интертекстуального смысла и отсылает не только к своему внеязыковому референту, но и к тексту как вещи, то есть к любому свойству этого текста — к характеру, к автору, к главному герою, вплоть до конкретного словесного фрагмента. Таким образом, собственно языковые и интертекстуальные смыслы имеют одну и ту же природу. Они передаются по коннотативному каналу информации, то есть являются коннотативными смыслами. М. М. Бахтин, таким образом, был слишком категоричен, когда писал, что «подлинные стилеобразующие факторы остаются вне кругозора лингвистической стилистики».¹⁵⁴ Лингвистический взгляд способен инкорпорировать интертекстуальность в сферу своего анализа, показав принципиальное единство механизмов, управляющих выражением в языке коннотативной информации. Но стилистика способна выявить не только единство, но и различие. Собственно языковые стилистические значения характеризуются тем, что они укоренены (институированы) в языке и являются общими для носителей литературного языка. Здесь факт владения литературным языком важен, ибо если носитель языка владеет только одним социолектом (например, просторечием или тем же молодежным жаргоном), то для него языковое стилистическое многоязычие остается закрытым. Но для владеющих стилистической системой языка в полном объеме характерна «интраперсональная вариативность», то есть способность воспринимать и использовать стилистически дифференцированные подсистемы, предлагаемые языковой системой. Интертекстуальные стилистические смыслы отличаются от собственно языковых как раз тем, что они не коллективны, а индивидуальны. Они зависят от объема знаний носителя языка, от его собственного индивидуального опыта. Коллективные интертекстуальные смыслы характеризуются тем, что они опираются на общекультурный фонд знаний, зафиксированный по преимуществу в совокупности прецедентных текстов. Базу таких текстов создают сказки, затем школьная программа, затем сюда включаются актуальные для конкретного времени прецедентные тексты: «певческая» продукция, высказывания государственных деятелей, реклама и пр. Они активно используются в публицистическом дискурсе, именно потому, что являются общепонятными. Вместе с тем, чем более удален от общекультурной базы текст-донор, тем более «элитным» становится текст и тем менее улавливаются его интертекстуальные смыслы. В предельном случае выявление интертекстуальности требует специальных исследований, как мы это хорошо знаем по литературоведческим штудиям. Индивидуальные интертекстуальные смыслы характеризуются тем, что они опираются на языковой опыт говорящего, на его «языковое существование». Сфера их распространения несравненно более

---

¹⁵⁴ Проблемы поэтики Достоевского, С. 302.

узкая, она может быть ограничена, например, семейным, дружеским или, скажем, любовным дискурсом. Индивидуальные интертекстуальные смыслы могут быть достаточно устойчивыми или, напротив, мгновенными и летучими, вызываемыми ситуациями, возникающими в момент разговора и определяющими нередко дальнейший его ход либо развитие текста. Но способ передачи такой информации остается тот же — коннотативный канал. Интертекстуальная парадигма неизмеримо расширила представление о том, что есть стилистическая система в языке. Как и в других языковых явлениях, мы имеем здесь дело с центром — стилистическими значениями и стилистическими смыслами языка, наиболее близкими «прототипическому» коннотативному значению. А дальше от этого центра расходятся концентрическими кругами разные виды коннотативных смыслов, все более модифицирующихся и по содержанию (характеру передаваемой информации), и по устойчивости, и по объему пользователей. В сущности такое построение никогда не является замкнутым, одни коннотативные смыслы уходят, другие, напротив, входят в языковое сознание, одни прикреплены к параметрам «здесь» и «сейчас», другие проходят сквозь время. Полемика со структурной парадигмой становится импульсом для обогащения традиционных представлений структурной стилистики.

13. Вклад М. М. Бахтина в формирование научной стилистики: типология межтекстовых связей.

Третий вклад М. М. Бахтина в развитие интертекстуальной парадигмы и стилистики — это разработанная им типология межтекстовых связей. Она была произведена им в монографии «Проблемы поэтики Достоевского» (глава пятая «Слово у Достоевского»). М. М. Бахтин исследует в первую очередь художественное прозаическое слово Достоевского, но его классификация выходит за пределы художественной речи. В основу классификации положена теория диалога. Базовыми критериями являются: а) наличие автора, то есть творца высказывания, имеющего, как уже говорилось, речевую волю, или речевой замысел. Автор не определяется телесно, то есть исходя из единства тела. Коллективная научная монография имеет (в понимании М. М. Бахтина) одного автора, если в ней представлен единый речевой замысел, или, как пишет М. М. Бахтин «единая творческая воля, определенная позиция, на которую можно диалогически реагировать».¹⁵⁵ Вместе с тем герой повести Достоевского «Бедные люди» Макар Деушкин — «телесно» один человек, но в его речи можно выделить по меньшей мере двух авторов (субъектов речи): «Ну что ж тут в самом деле такого, что переписываю! Что, грех переписывать, что ли?

---

¹⁵⁵ Проблема речевых жанров, С. 246.

«Он, дескать, переписывает!...» Да что же тут бесчестного такого?...». В данном примере мы определяем второго субъекта речи по смене лица», но такие сигналы вовсе необязательны. Главное — это то, что сама речь Макара Девушкина строится как ответ на чье-то высказывание: «Да что же тут бесчестного такого?». По мысли М. М. Бахтина, «диалогическая реакция персонифицирует всякое высказывание, на которое она реагирует»¹⁵⁶. Поэтому вместо автора, творца субъекта речи Бахтин использует как термин слово «голос» и, далее, производными от него: одноголосое, двуголосое слово (приравнивая в таких употреблениях «слово» к тексту и высказыванию); б) предметно-смысловая направленность, то есть соотнесенность с «положением дел» во внеязыковой действительностью. С предметно-смысловой направленностью связано представление о завершенности, которое, по мысли Бахтина, не совпадает для разных сфер общения (например, почти полная исчерпанность в бытовой сфере: вопросы чисто фактического характера — и такие же ответы на них и всегда относительная исчерпанность предмета научного дискурса: здесь всегда только относительная завершенность, связанная с речевым замыслом и целями говорящего); в) тип диалогической реакции (диалогические отношения). Это принципиальная характеристика, без выделения и осмысления которой вообще нельзя понять классификацию М. М. Бахтина. В качестве точки отсчета выбирается следующая ситуация: субъект речи мыслит себя вне ситуации общения, то есть его «речевая воля» состоит в вербализации некоего «положения дел». В качестве примера можно привести начало «Пиковой дамы»: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно: сели ужинать в пятом часу утра». Или начало «Дворянского гнезда»: «Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... (дело происходило в 1842 году), сидели две женщины: одна лет пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лет». Или — из учебника «Современный русский язык», из раздела «Фонетика»: «Все фонетические единицы связаны между собой и зависят друг от друга»¹⁵⁷. Или — из газеты: «Вчера в Сочи закончилось совещание секретарей советов безопасности России и Украины о причинах катастрофы Ту-154» («Коммерсант», 12.X.2001). Приведенные тексты отличаются между собой по многим параметрам, поскольку это фрагменты художественного, научного и публицистического текста, но главным в них является именно-предметно-смысловая направленность и наличие одного голоса: «Прямое предметно направленное слово знает только себя и свой предмет, которому оно стремится быть

156

157 Современный русский язык. Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989, С. 41.

максимально адекватным».¹⁵⁸ На самом деле, выделение данного типа является конструктом, что вытекает из учения самого М. М. Бахтина о речевых жанрах. В дальнейшем усилия интертекстуалистов как раз и были направлены на то, чтобы разрушить миф о возможности существования «прямого предметно направленного слова», лишенного каких-либо коннотаций. Но для диалогического подхода М. М. Бахтина важно было прежде всего оттолкнуться от ситуации, когда субъект речи (голос) представляет себя вне диалогической ситуации, то есть не рассчитывает на ответную позицию. Во всех других случаях слово (текст) предстает и как направленный на свой предмет и как участник диалогической ситуации, то есть слово является двуголосым. Дальнейшее разделение определяется характером диалогической реакции. Сюда включается целый набор, включающий логические, эмоциональные, собственно психические реакции. Наиболее общим является разделение по типу согласие — несогласие (полемика), но также важны и такие реакции, как издевка, насмешка, вообще вся сложная гамма взаимоотношений человека с самим собой в пределах расколотого сознания, то есть такой ситуации, когда в сознании одного и того же «я» присутствуют разные голоса. Для понимания подхода Бахтина очень важно понимать, что критерий самого диалога был именно смысловым, а не формальным. Поэтому для него диалог может быть представлен в любой композиционно-речевой структуре, то есть и там, где никакого формального разделения на речевые партии нет. Диалог как прямая речь выделяется им как особая разновидность диалогических отношений в том случае, когда он выступает на фоне и в связи с авторским словом, будь то слово публициста или слово повествователя в художественном тексте. В конечном счете классификация М. М. Бахтина принимает следующий вид. Сначала производится деление на три типа слов (высказываний). текстов (слов). Первый тип — «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего»; второй тип — «объектное слово (слово изображенного лица)», третий тип — «слово с установкой на чужое слово (двуголосое) слово».¹⁵⁹ Во втором и в третьем типе представлены подтипы, причем особенно богат разновидностями (подтипами) третий тип. Во втором типе («объектное слово») М. М. Бахтин выделял два подтипа: «слово изображенного лица» — «с преобладанием социально-типической определенности», «с преобладанием индивидуально-характерологической определенности». Что касается третьего типа (двуголосое слово), то здесь выделяются три основных подтипа. Во-первых, это так называемое «однаправленное двуголосое слово». Сюда включаются: стилизация, рас-

---

¹⁵⁸ Проблемы поэтики Достоевского, С. 250.

¹⁵⁹ Проблемы поэтики Достоевского, С. 266.

сказ рассказчика, необъектное слово героя — носителя (частично) авторских замыслов, перволичная форма повествования. Во-вторых, это разнонаправленное двуголосое слово. К данному подтипу относятся: а) пародия со всеми её оттенками, б) пародийный рассказ, в) пародийная перволичная форма, г) слово пародийно изображенного героя, д) всякая передача чужого слова с переменной акцента. И наконец третий подтип внутри двуголосого слова М. М. Бахтин назвал «отраженным чужим словом». Сюда он отнес скрытую внутреннюю полемику, полемически окрашенную автобиографию и исповедь, всякое слово с оглядкой на чужое слово, реплику диалога, скрытый диалог. Этот последний тип представлял особый интерес для Бахтина, его суть и его разновидности были исследованы Бахтиным применительно к Достоевскому.

Как же следует отнестись к бахтинской типологии с точки дальнейшего развития интертекстуальной парадигмы и с точки зрения стилистики? Что касается интертекстуальной парадигмы, то в ней то, что было драгоценно для М. М. Бахтина, — «напряженные диалогические отношения», полифоническое художественное мышление, которое, по мнению М. М. Бахтина, выходит за пределы романного жанра, ибо речь идет о мыслящем человеческом сознании и диалогической сфере бытия этого сознания», — не получило полноценного развития. Напротив, другая бахтинская установка о том, что нет «ничьих слов» (напомним: «Каждый член говорящего коллектива преднаходит слово вовсе не как нейтральное слово языка, свободное от чужих устремлений, не населенное чужими голосами. Нет, слово он получает с чужого голоса и наполненное чужим голосом. В его контекст слово приходит из другого контекста, пронизанное чужими осмыслениями. Его собственная мысль находит слово уже населенным»¹⁶⁰) стала основой интертекстуальных исследований. Эта установка была доведена до своего логического конца: нет текста, не имеющего коннотаций к другим текстам. Это и есть основа власти языка над его носителем.

---

¹⁶⁰ Проблемы поэтики Достоевского, С. 270.